

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

**Выпуск № 2 (39)
2023**

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала	10

Философия информационного общества

К вопросу о рабовладельческом капитализме <i>О. К. Трубицын</i>	12
Антропный коллапс в западном информационном обществе: философский эскиз «человека без свойств» <i>П. А. Горохов</i>	35
Отношение пользователей социальной сети ВКонтакте к введению обязательного оформления Fan ID для посещения матчей <i>С. Д. Антоненко, Н. Ю. Блохин, К. В. Зернов, М. Т. Кондурова</i>	49

Культурология

Рецепции функционалистской концепции культуры Б. Малиновского в социокультурной антропологии и культурологии <i>П. Г. Выжлецов, Н. В. Выжлецова</i>	67
--	----

Психология и педагогика

Распространенные методы привлечения студентов-иностранцев в третьем десятилетии XXI века <i>К. В. Лосев, И. А. Тимофеев</i>	83
Инклюзив и его роль в современных условиях цифровизации образования <i>В. И. Кравченко, М. А. Кузнецова, А. М. Пазовский</i>	91
Анализ особенностей первого советского комплекса ГТО 1931 года <i>А. С. Сидоренко</i>	100

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	110
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Editorial. Summary of the Issue.	10

Philosophy of Information Society

On the Question of Slave-Owning Capitalism <i>O. K. Trubitsyn</i>	12
Anthropic Collapse in Western Information Society: A Philosophical Sketch of “Man without Qualities” <i>P. A. Gorokhov</i>	35
The Attitude of Users of the VKontakte Social Network Towards the Introduction of Mandatory Fan ID Registration for Attending Matches <i>S. D. Antonenko, N. Y. Blokhin, K. V. Zernov, M. T. Kondurova</i>	49

Theory and History of Culture

Receptions of B. Malinowski’s Functionalist Conception of Culture in Sociocultural Anthropology and Cultural Studies <i>P. G. Vyzhletsov, N. V. Vyzhletsova</i>	67
---	----

Psychology and Pedagogics

Popular Methods to Recruit Foreign Students in 2020s <i>K. V. Losev, I. A. Timofeev</i>	83
Inclusion and Its Role in Modern Context of Education Digitalization <i>V. I. Kravchenko, M. A. Kuznetsova, A. M. Pazovsky</i>	91
Analysis of the Features of the First Soviet GTO (Ready for Labor and Defense) Complex Introduced 1931 <i>A. S. Sidorenko</i>	100

Article Presentation Rule

Article Presentation Rules.	110
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

23.00.00 – политология;

24.00.00 – культурология.

Журнал выходит три раза в год.

Главный редактор – доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович. Email: orlov5508@rambler.ru.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published three times a year.

Editor-in-chief: prof. Sergei V. Orlov. Email: orlov5508@rambler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бюер Виктор Матвеевич – профессор кафедры гражданского права Института технологий предпринимательства и права ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Айдахо (США), PhD по русской литературе, PhD по гуманитарной географии (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – директор института философии и права Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, председатель Сибирского отделения Российского философского общества (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – профессор Кафедры общественных наук Северо-Западного института управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России), доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского

государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

**Состав редакционной коллегии журнала
«Философия и гуманитарные науки
в информационном обществе»**

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Оконская Наталия Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Университи, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.
Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.
Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Раздел «Философия информационного общества» второго выпуска журнала за 2023 год открывается статьей кандидата философских наук доцента **О. К. Трубицына** «**К вопросу о рабовладельческом капитализме**». Рассматривая рабовладение в ранних США, автор приходит к выводу, что существовавший там «капитализм рабства» делал эту форму капиталистического общества неполноценной, не способной к дальнейшему прогрессу и переходу к классическому типу индустриального общества. Такой анализ в настоящее время важен для понимания отношений между разными хозяйственными укладами, существующими в той или иной стране одновременно, и в особенности для осмысления возможностей развития современного постиндустриального общества, складывающихся в той или иной стране. Доктор философских наук профессор **П. А. Горохов** предлагает своеобразный подход для характеристики положения человека в информационную эпоху. Его работа «**Антропный коллапс в западном информационном обществе: философский эскиз “человека без свойств”**» систематизирует основные многоплановые проявления кризиса человеческой личности, который разворачивается в современном западном обществе и характеризуется автором как антропный коллапс. Итогом этого явления становится утрата человеком личностных черт, возникновение «человека толпы», «человека без лица», «человека без свойств». Группа молодых исследователей – студенты Санкт-Петербургского политехнического университета имени Петра Великого **С. Д. Антоненко, Н. Ю. Блохин, К. В. Зернов, М. Т. Кондурова** – выступают со статьей «**Отношение пользователей социальной сети ВКонтакте к введению обязательного оформления Fan ID для посещения матчей**». Публикация дает интересный конкретный материал об отражающейся в Интернете реакции большого сообщества современных россиян – футбольных болельщиков и фанатов – на регуляцию и резкое изменение правил контроля поведения посетителей футбольных матчей. В разнообразии и динамике этой реакции проявляются особенности общественного сознания преимущественно молодых групп населения нашей страны в условиях становления информационного, цифрового общества.

В разделе «Культурология» публикуется исследование доцентов ГУАП – кандидата философских наук **П. Г. Выжлецова** и кандидата культурологии **Н. В. Выжлецово**й «**Рецепции функционалистской концепции культуры Б. Малиновского в социокультурной антропологии и культурологии**». Авторы подробно анализируют научное наследие Бронислава Малиновского – одного из основателей функционалистской концепции культуры. Он рассматривается как основатель новой парадигмы в социокультурной антропологии, создавшей предпосылки для преодоления ограниченностей позитивистского подхода в данной области исследований.

Раздел «Психология и педагогика» в этом выпуске журнала посвящен в основном практической стороне педагогической деятельности. Доктор

экономических наук, профессор **К. В. Лосев** и аспирант **И. А. Тимофеев** выступают со статьей **«Распространенные методы привлечения студентов-иностранцев в третьем десятилетии XXI века»**. В ней на конкретных примерах представлен опыт российских вузов по расширению международных контактов и привлечению зарубежных студентов. В существующем в настоящее время арсенале методов – прямые контакты между вузами, работа с рекрутинговыми агентствами, онлайн-платформы и выставки в разных странах мира, система тьюторства с привлечением преподавателей и студентов. Доктор философских наук, профессор **В. И. Кравченко**, доцент **М. А. Кузнецова** и кандидат социологических наук, доцент **А. М. Пазовский** исследуют проблемы инклюзивного образования в современной России в публикации **«Инклюзив и его роль в современных условиях цифровизации образования»**. Они подчеркивают, что внедрение этой системы позволяет повысить качество и доступность образования для всех обучающихся. Это, в свою очередь, требует широкого повышения квалификации и освоения специальных знаний со стороны работников образования. Статья специалиста по спортивной педагогике, кандидата педагогических наук, доцента **А. С. Сидоренко** **«Анализ особенностей первого советского комплекса ГТО 1931 года»** позволяет за простыми, казалось бы, требованиями к физической подготовке увидеть тенденции их эволюции, их динамику с 1931 г. до нашего времени. Автор прослеживает изменения этих требований, их связь с политическими задачами, особенностями организации труда, культурой и образом жизни людей на разных этапах истории нашей страны. Этот анализ вносит вклад в понимание направлений изменения физической активности в условиях информационного общества, тех разнообразных и порой непредвиденных проблем, которые порождает глубокое изменение двигательного режима, происходящего в трудовой деятельности и в повседневной жизни человека нашей эпохи.

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.012+331

К вопросу о рабовладельческом капитализме*

Трубицын Олег Константинович – Новосибирский государственный университет, институт философии и права, доцент, кандидат философских наук, Новосибирск, Россия.

Email: trubitsyn77@mail.ru

SPIN: 5197-9813

Авторское резюме

Состояние вопроса: В современной социальной науке предметом споров остается вопрос о совместимости капитализма с внеэкономическими формами принуждения к труду, в частности оценка феномена «капитализма рабства».

Методы исследования: Обоснование совместимости рабства и капитализма строится на нескольких возможных основаниях: а) на утверждении исторической древности капитализма; б) на прагматическом подходе к определению капитализма; в) на положениях мир-системного подхода и концепции периферийного капитализма. Опровержение данных подходов строится в основном с опорой на положения классического марксизма.

Результаты: Капитализм рабства, как он исторически существовал в ранних США, – это неполноценный, периферийный и доиндустриальный капитализм. Здесь работники рабского сектора экономики не являются свободными контрагентами, владельцами своего «капитала». Они не пропитаны духом капитализма и потому едва ли могут стать эффективной рабочей силой в случае механизации сельскохозяйственного производства. Отношения между классами рабовладельцев и рабов при так называемом капитализме рабства аналогичны отношениям между такими же классами рабовладельческого общества, хотя сами рабовладельцы выступают теперь в двойной роли – еще и как капиталисты в рамках капиталистического по большей части общества. В целом принудительный труд не соответствует требованиям индустриальной стадии технико-экономического развития.

Область применения результатов: Теоретический смысл исследования – опровержение гипотезы о том, что рабовладельческий капитализм является полноценной и легитимной версией капитализма. В практическом плане это позволяет обосновать идею о том, что выход на новую стадию технико-экономического развития требует повышения уровня свободы работника и его заинтересованности в результатах своей деятельности.

* © Трубицын О. К., 2023.

Выводы: Так называемый «капитализм рабства» не является вариантом полноценной капиталистической системы, способной к саморазвитию и выходу на индустриальный уровень развития производительных сил.

Ключевые слова: экономическая история; рабство; капитализм; капитализм рабства; мир-система; периферийный капитализм; наемный труд; индустриализация.

On the Question of Slave-Owning Capitalism

Trubitsyn Oleg Konstantinovich – Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, PhD (Philosophy), Associate Professor, Novosibirsk, Russia.

Email: trubitsyn77@mail.ru

Abstract

Background: In modern social science, the issue of the compatibility of capitalism with non-economic forms of forced labor remains the subject of controversy, in particular, the assessment of the phenomenon of “slavery capitalism”.

Research methods: Slavery capitalism, as it historically existed in the early USA, is an inferior, peripheral and pre-industrial capitalism. Here, the workers of the slave sector of the economy are not free contractors, owners of their “capital”. They are not imbued with the spirit of capitalism and therefore can hardly become an effective labor force in the case of mechanization of agricultural production. The relations between the classes of slaveholders and slaves under the so-called capitalism of slavery are analogous to the relations between the same classes of slaveholding society, although the slaveholders themselves now play a dual role – also as capitalists within a capitalist society for the most part. In general, forced labor does not meet the requirements of the industrial stage of technical and economic development.

Results: The theoretical meaning of the study is the refutation of the hypothesis that slaveholding capitalism is a full-fledged and legitimate version of capitalism. In practical terms, this allows us to substantiate the idea that entering a new stage of technical and economic development requires an increase in the level of freedom of the employee and his interest in the results of his activities.

Implications: The theoretical meaning of the study is the refutation of the hypothesis that slaveholding capitalism is a full-fledged and legitimate version of capitalism. In practical terms, this allows us to substantiate the idea that entering a new stage of technical and economic development requires an increase in the level of freedom of the employee and his interest in the results of his activities.

Conclusion: The so-called “slavery capitalism” is not a variant of a full-fledged capitalist system capable of self-development and reaching the industrial level of development of productive forces.

Keywords: economic history; slavery; capitalism; slavery capitalism; world-system; peripheral capitalism; wage labor; industrialization.

О капитализме написано уже очень многими и очень много. Предложено множество определений и интерпретаций данного явления, но споры продолжаются до сих пор. Среди прочего предметом споров остается вопрос о совместимости капитализма с внеэкономическими формами принуждения к труду – в частности, оценка феномена «капитализма рабства». Так, американский историк экономики С. Беккерт говорит про гуманитарное познание в США, что «никакой другой проблеме здесь в настоящий момент не уделяется столько внимания, как связи капитализма с рабством» [1].

В методологическом плане можно выделить два основных подхода к анализу капитализма – классический, который можно назвать атрибутивным, и неклассический, именуемый прагматическим. Атрибутивный подход под капитализмом подразумевает определенную совокупность институциональных атрибутов, таких как защищенная государством частная собственность и т. д., в частности рынок свободного (наемного) труда. Он полагает капитализм, основанный на вещной зависимости и экономическом принуждении к труду, характеристикой современной эпохи, противопоставляемой докапиталистическим эпохам, обществам, формациям или способам производства, основанным на личной зависимости или иных формах данничества и принудительного труда.

С. Беккерт характеризует традиционный подход к интерпретации капитализма рабства следующим образом: «Слишком долго историки не видели проблемы в противопоставлении рабства и капитализма. История американского капитализма у них обходилась без рабства, а рабство изображалось как по существу своему некапиталистическое. Вместо того чтобы анализировать его как институт Нового времени, каковым оно и было, они описывали его как домодерное: жестокая, но маргинальная по отношению к более широкой истории капиталистической современности непроизводительная система, задерживавшая экономический рост, артефакт из раннего мира» [1]. Недооценка значимости рабства в ранней экономической истории США и некоторых других стран Америки привела к поиску альтернативных трактовок капитализма и его взаимоотношения с практикой рабовладения. Альтернативный подход к пониманию взаимоотношения рабства и капитализма возникал постепенно в течение XX века. Сначала, еще в первой половине XX в. С. Джеймс и Э. Уильямс выдвинули тезис о центральной роли рабства для развития капитализма. Почти полвека спустя С. Л. Энгерман и Р. У. Фогель в книге «Время на кресте» заявили, что рабство в США было вполне прибыльным и, более того, вполне современным (модерновым) институтом.

Под влиянием подобных идей постепенно формируется новый вариант обоснования легитимности понятия «капитализм рабства», популярный в последние годы – прагматический подход (именуемый еще новой экономической историей), который строится на иных методологических предпосылках, чем классические модели капитализма. С точки зрения данного подхода наличие рынков и товарного производства является необходимым для признания экономического строя капиталистическим, но этого недостаточно. Главное – это процесс капитализации, то есть совокупность практик, при

помощи которых различные явления превращаются в генерирующие доход активы. Это смещает акцент с рынков труда и товарного производства на процесс инвестирования капитала. Таким образом, «история капитализма, рассматриваемого прагматически, предстает как история практик – различных форм капитализации, направленных на разные активы и укорененных в разных инвестиционных режимах» [2, с. 142]. Таковыми активами потенциально могут выступать и люди, считающиеся чьей-то собственностью.

Таким образом, эти два подхода приводят к разной оценке такого феномена как рабовладельческий капитализм. Разные представители классического атрибутивного подхода предлагают разные списки важнейших институтов, образующих в совокупности феномен капитализма, но все они как правило согласны, что рабство к числу атрибутов капитализма не относится, являясь признаком некапиталистического общества, например, рабовладельческой общественной формации у К. Маркса. В марксистской традиции формации именуется по наиболее эффективному классу собственников, эксплуатирующим определенный класс производителей. И если капитализм строится на эксплуатации буржуазией свободного труда пролетариев, то рабовладельческое общество – на эксплуатации рабовладельцами рабского труда. Точно также М. Вебер и К. Поланьи полагают принудительный труд признаком некапиталистического общества. В частности, Вебер противопоставляет авантюрному предпринимательству, распространенному в Средние века, современное капиталистическое предпринимательство, основанное на рациональной организации свободного труда. Если не развит рынок свободного труда, то из-за отсутствия регулярных сделок найма рабочей силы становится невозможным точный расчет трудовых издержек производства, являющийся основой рациональной организации бизнеса и современного рационального капитализма как такового. Соответственно для К. Маркса, М. Вебера и других классиков социологии рабовладельческий капитализм – это противоречие в определении, ложная интерпретация определенной социальной ситуации, когда мы являемся свидетелями либо относительно маргинального экономического явления – сохранения некоторых докапиталистических пережитков в не полностью развитой капиталистической системе, либо наоборот – проникновения некоторых капиталистических элементов в некапиталистическую по сути систему.

По мнению же сторонников прагматического подхода, понятие рабовладельческого капитализма является вполне допустимым и адекватным для описания ситуации, например, в южных штатах США первой половины XIX века. Так, Розенталь доказывает, что «плантационное рабство представляло собой форму капитализма, в которой “труд был капиталом”» [2, с. 139]. В рамках этой модели рабы рассматриваются скорее как «живой капитал», чем как «живой товар». Д. Жихаревич с опорой на Беккерта утверждает, что вопреки А. Смиту и К. Марксу, «если сосредоточиться не на труде, а на инвестиционной привлекательности предприятий, в которых этот труд задействуется, рабство приходится признать важнейшим капиталистическим

институтом, ведь на протяжении большей части XVIII и XIX веков хлопковые и сахарные плантации были наиболее предпочтительным объектом для безопасного вложения капитала» [2, с. 138]. Для обоснования этой позиции приводятся также следующие аргументы. Во-первых, плантационное рабство в США было «финансализированным», в частности, рабы выступали в качестве залоговой собственности. Во-вторых, в ряде аспектов плантационное хозяйство было передовой формой экономической организации, а плантаторы-рабовладельцы – образцовыми капиталистами своего времени.

Представление о совместимости капитализма с принудительными формами труда получает также свое обоснование в такой макросоциологической парадигме как мир-системный анализ. По мнению И. Валлерстайна, капитализм и мир-экономика – это практически синонимы, во всяком случае «капитализм возможен лишь в рамках структуры мира-экономики, а не мира-империи» [3, с. 60], а все общества, включенные в структуру мира-экономики, по сути неизбежно являются капиталистическими. В отличие от прагматического подхода историков экономики, «мир-системщики» сосредотачиваются на анализе рынков, в особенности международных, так что капитализм определяется прежде всего процессами коммодификации и коммерциализации, в частности переориентацией поместного землевладения с целей удовлетворения внутренних потребностей на цели извлечения прибыли из товарного производства на международном рынке. Исходя из такого видения, вполне капиталистическими признаются и американское рабство, и крепостничество в Восточной Европе, сформировавшееся в результате вторичного закрепощения. Иначе говоря, крепостничество в Польше XVI в., традиционно определяемое как «феодалные отношения», переименовывается в «капиталистические отношения» на том основании, что европейский мир-экономика в целом капиталистический: «Если это капиталистический мир-экономика, то и социальные отношения, имеющие формальное сходство с феодальными, с необходимостью переопределяются в соответствии с руководящими принципами капиталистической системы» [3, с. 109]. Мир-системная методология строится на принципе «система определяет детали», что означает, что в капиталистической системе не может быть некапиталистических вкраплений и пережитков, но только детерминированные капиталистической системой практики периферийного капитализма, связанные с использованием принудительного труда. Более того, именно развитие капитализма спровоцировало появление и распространение данных практик: без развития «образцового» капитализма в центре мир-системы не произошло бы ни вторичного закрепощения на окраине Европы, ни появления американского рабства.

Третий вариант обоснования правомерности понятия рабовладельческого капитализма можно обнаружить у историков экономики, популярных примерно век назад. Имеются в виду такие исследователи как Э. Мейер, М. И. Ростовцев и Ф. М. Хайхельхайм. Они обнаруживали периоды коммерческого подъема в истории древних и средневековых цивилизаций, что подвигло этих историков на то, чтобы интерпретировать данные периоды как «капиталистические». Так

Э. Мейер относил возникновение античного капитализма, сменяющего античный феодализм, к VII–VI вв. до нашей эры: «Термины “капитал” и “капитализм” многократно объявлялись... недопустимыми для объяснения отношений античности. В действительности, Афины в пятом и четвертом веках стоят точно также под знаком капитализма, как Англия с восемнадцатого и Германия с девятнадцатого столетия» [цит. по: 4, с. 618]. Греческое и римское рабовладение рассматривается в такой перспективе по аналогии с рабовладением в южных штатах США как дополнение капитализма, а не как его отрицание [см.: 5]. Сходную интерпретацию дает М. И. Ростовцев в статье «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире». Однако Ростовцев, как и Ф. М. Хайхельхайм, рассматривает всю мировую историю как сюжет борьбы капиталистического и социалистического принципов социальной организации, а не капитализма и феодализма как Мейер. Вслед за ними и многие современные историки склонны обнаруживать капитализм в цивилизациях далекого прошлого (Древней Греции и Рима и т. д.). Например, «Кембриджская история капитализма» обнаруживает капитализм уже в Вавилоне, средневековых Китае, Индии и на Ближнем Востоке [см.: 6]. Таким образом мы получаем общества не только с рабовладельческим капитализмом, но и с этатистским и с феодальным капитализмом. Исходя из тематики данной статьи наиболее значимо здесь утверждение того принципа, что в рамках данного подхода капиталистическим может быть признано даже такое общество, в котором рабство играет системообразующую роль, будучи широко распространенным не только в сфере домашних услуг, но и на производстве.

Итак, мы сталкиваемся с двумя интерпретациями соотношения капитализма и рабства (и других форм внеэкономического принуждения к труду). Согласно одной версии, общество, в котором относительно широко распространено рабство (по крайней мере в сфере производства) либо вообще не может быть названо капиталистическим, либо, если прочие атрибуты капитализма развиты в нем достаточно выражено, то такую систему можно назвать капиталистической лишь с оговорками. Такое общество является обществом с ограниченным, неразвитым капитализмом, не соответствующим идеально-типической модели капитализма. При этом до Нового времени полноценного капитализма нигде в принципе не существовало¹, и, в частности, то, что именуют античным капитализмом – это по сути рабовладельческая, а не капиталистическая система. Первая версия также неявно предполагает, что рабовладельческий капитализм, будучи неполноценным капитализмом, является неэффективной моделью, не способной к самоподдерживающемуся росту, поскольку рабский труд малопродуктивен и тормозит экономическое и технологическое развитие страны. Согласно другой версии, если рабский труд используется как капитал в производстве на рынок, и в целом система функционирует по капиталистическим правилам, то такое общество можно назвать полноценно капиталистическим. Соответственно «капитализм рабства»

¹ Так, К. Маркс заявляет, что «хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию» [7, с. 664]

является методологически легитимной разновидностью капитализма. По другим пунктам мнения сторонников данной версии расходятся. Одни из них (Мейер) обнаруживают капитализм рабства еще в античности, другие (Валлерстайн) – только в Новое время. При этом капитализм рабства может интерпретироваться как эффективный для своего времени способ эксплуатации труда, сменяемый со временем новыми, еще более эффективными способами, а может – как проявление периферийной отсталости и зависимости данного общества. Но и в последнем случае рабство выглядит функциональным в рамках мир-системы в целом, не препятствующим успешному развитию капиталистического мира-экономики. Таким образом, согласно классической версии, институт рабства является признаком некапиталистического общества, либо некапиталистическим элементом в ограниченно капиталистическом обществе, а согласно альтернативной версии капитализм вполне может сосуществовать с рабовладением, причем само рабство в определенном контексте может быть интерпретировано как капиталистический институт.

* * *

Сначала оценим обоснованность версии Э. Мейера и других авторов, обнаруживающих капитализм в древние и средневековые времена, так что определенные эпохи в истории античных Греции и Рима могут быть квалифицированы как рабовладельческий капитализм. Сюда же можно отнести утверждения о том, что капитализм успешно развивался в средневековой Европе, по крайней мере в итальянских городах-государствах.

Это ложные интерпретации, которые не учитывают ограниченность проявления капиталистических принципов в цивилизациях древности и средневековья. Так в Европе вплоть до XVI века элементы капитализма существовали только в виде сети небольших очагов. Буржуазные города-государства были такими своеобразными протокапиталистическими крепостями, охраняющими свой буржуазный порядок и богатство с помощью городских стен. Отсюда первые капиталисты-партизаны совершали эпизодические набеги на окружающую местность, время от времени инвестируя в какие-нибудь промышленные или сельскохозяйственные предприятия, но чаще занимаясь посреднической деятельностью, торговлей и ростовщичеством. И. Валлерстайн справедливо подчеркивает, что попытки капиталистических элементов захватить господствующие позиции в обществе до Нового времени были, по существу, неуспешными: «...там, где я вижу неудачу капитализма, другие видят его первые шаги» [3, с. XXVIII]. Р. Хейлбронер и Л. Туроу [см.: 8] также настаивают, что все общества до Нового времени были некапиталистическими, поскольку там были как минимум недостаточно развиты ключевые институты капитализма. В частности, отсутствовал институт гарантированной государством и неприкосновенной частной собственности. Также отсутствовала и рыночная система в ее современном виде: существовали рынки товаров, но не было рынков факторов производства и отсутствовала обширная сеть договоров, связывающих воедино всю экономику. Принуждение к труду было

внеэкономическим, а богатство являлось атрибутом власти. Земля считалась основой военной силы или гражданской власти, а капитал – сокровищем или необходимым оснащением ремесленника. Также и Л. Дюмон указывает, что в традиционном обществе собственность на землю имела совсем иное значение, нежели собственность на любое движимое имущество, поскольку «право собственности на землю непосредственно было связано с властью над людьми» [9, с. 13].

Неадекватность интерпретации античного общества VII–VI веков до нашей эры или более позднего времени как капиталистического становится более наглядной, если мы принимаем в расчет не только чисто экономические параметры, но рассматриваем общество в комплексе. Капиталистическое общество – это не просто общество с капиталистической экономикой, но и с соответствующей «надстройкой», если выразиться в марксистских терминах.

Противопоставление античного рабовладельческого и современного капиталистического обществ проводит, в частности, Р. Коллинз [см.: 10]. Он делает это по исторически преобладающему типу рынка. Античное общество, по его мнению, базировалось на системе невольничьих рынков. Причем рабство в рамках его модели – это не форма производства, а форма обмена, так как рабы в первую очередь товары, а не производители. Производителями этого специфического «товара» были военные. Обладание рабами было основой политического влияния и социального престижа, поэтому аристократы-рабовладельцы стремились максимизировать их количество не столько исходя из соображений выгодного вложения капитала, сколько ради иерархического статуса. Рабы составляли максимум 30-40 % от общей численности населения, обычно меньше, но значимость рынка рабов была определяющей, поскольку прочие рынки зависели от него и надстраивались над ним. Современный капитализм означает такое количественное преобладание рыночной динамики, когда все остальные структуры подчинены ей. При капитализме правящим классом, обладающим максимальным политическим влиянием и социальным престижем являются владельцы капитала – капиталисты. Впрочем, Р. Коллинз допускает существование досовременного капитализма, сосуществующего с распространенными практиками внеэкономического принуждения. Но фактически он признает, что это были отдельные очаги капитализма, неустойчивые и подверженные уничтожению. В частности, таковыми, по его мнению, были монастырская экономика Китая и средневековой Европы. Монастырская организация вырвалась из домохозяйственной организации производства, поскольку монахи из-за своего безбрачия оказались за пределами системы семейного наследования собственности. В результате монастыри стали в рамках аграрно-принудительного общества первыми очагами свободно набираемой и мобильной рабочей силы. «Монастыри выступали в качестве корпоративных предприятий, чья прибыль могла быть только реинвестирована в дальнейшее производство...» [10, с. 342]. Но эти очаги религиозного капитализма были уничтожены государственной конфискацией.

Итак, стоит признать, что при рабовладельческом строе, как и при феодализме² могли существовать отдельные капиталистические практики. Однако они повсеместно были ограничены серьезным вмешательством со стороны государства, церкви и гражданского общества. Здесь можно вспомнить практики установления «справедливой цены» и «справедливой заработной платы» в средневековой Европе, а также ограничения на технологические инновации со стороны ремесленных цехов и купеческих гильдий.

Неразвитость капиталистической структуры в предшествующую эпоху дополнялась неразвитостью капиталистического духа. Капиталистические отношения, мотивации и формы поведения не являются чем-то естественным, необходимо присущим человеческой природе как это полагают многие либеральные авторы. Представители аграрных обществ скорее склонны к традиционализму. Так накопленные капиталы их владельцы чаще всего стремились конвертировать в дворянский статус или государственную должность. Целью предпринимателя было перестать быть предпринимателем, а стать рантье, например, извлекая ренту из приобретенной земельной собственности, которая сдается в аренду. В традиционных обществах с аграрно-принудительными экономика статус человека, уровень его престижа определялся в первую очередь его происхождением, а также воинской доблестью. Богатство чаще всего было производным от власти, а богатство ростовщиков и т. п. «капиталистических» слоев было в значительной мере беззащитным, подверженным экспроприации, не дающим особого политического влияния и тем более уважения. Современные капиталистические общества сильнее отличаются от докапиталистических не столько наличием отдельных атрибутов капитализма или набором специфических практик, в ходе которых агенты придают экономическую ценность определенному ряду объектов и процессов, как это полагают сторонники прагматического подхода, сколько иным соотношением роли богатства, политического влияния и престижа. Теперь уже богатство является лучшим источником нового богатства, а также основанием политического влияния и престижа.

Для обеспечения прогрессивного и уверенного роста капитализма ему требовалось получить некий мощный импульс, который бы позволил преодолеть гравитацию традиционного общества. Истоки капитализма можно обнаружить в развитии торговли, особенно морской, и в капиталистической эволюции помещичьего землевладения. Однако возникновения капитализма эволюционным путем не случилось бы, если бы не геополитическая ситуация Европы, способствовавшая формированию здесь мира-экономики. Это вынуждало правителей поощрять развитие капитализма, а не подавлять его в зародыше. Но одних структурных (материальных) факторов было бы недостаточно для капиталистической революции, необходимо было сочетание

² Согласно популярным сейчас в медиевистике представлениям, понятие «феодализм» устарело в научном плане, так как является упрощением и вводит в заблуждение. Понятия «феодализм» и «феодалная система» были изобретены в XVII–XVIII вв. Современные историки полагают, что эти конструкты больше говорят о мышлении, ценностях и представлениях их авторов, чем об обществе, описывать которые они предназначены [11, с. 80–81]. Тем не менее, с учетом оговорок, будем использовать понятие «феодализм» за неимением иного лучшего общепринятого понятия.

их с культурными (идеальными) факторами. Важную роль сыграли процессы формирования капиталистического духа, что связано, с одной стороны, с выходом европейских обществ на коммерческую стадию своего жизненного цикла, а с другой, – с ролью определенных религиозных сект и этнических меньшинств. Можно спорить о том, где именно возник полноценный капитализм – в Нидерландах или Англии, но и там, и там к началу Нового времени существовал рынок свободной рабочей силы. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что неуспешность попыток возникновения капитализма в прочих обществах в более ранние эпохи в значительной мере была связана с относительно широким распространением различных форм внеэкономического принуждения к труду.

Мир-системный подход, помимо валлерстайновской версии, представлен еще одним популярным вариантом, который решительно отрицает принципиальное различие между эпохами модерна и премодерна. Имеется в виду подход, развитый в работах А. Г. Франка и Б. К. Джиллса [см.: 12], с точки зрения которых единая мировая система функционирует по «капиталистическим» принципам с древних времен. По их мнению, накопление капитала началось и было движущей силой исторического процесса на протяжении всей истории мировой системы уже почти 5 тысяч лет. И около 1500 г. не было никакого резкого перелома между различными миросистемами или даже «способами производства». Прежде, как и сейчас, процесс инвестирования осуществлялся частным капиталом и государством, и государства жили частично на ренту от международной торговли, частично от налогов. «Данничество» ничем принципиально не отличается от современного налогообложения. Поэтому концепция так называемого «даннического способа производства» маскирует тот факт, что любое государство в принципе живет на налоги, и что государства премодерна сосуществовали с коммерческим сектором, представленным торговцами и банкирами. Франк и Джиллс заявляют, что не утверждают этим, будто бы капитализму 5 тысяч лет, но говорят, что существует континуальность развития без резких разрывов, а понятия «капитализм», «феодализм» и «социализм» лучше отбросить как ненаучные.

Несмотря на последнее утверждение, по факту они описывают единую мировую систему именно как капиталистическую. Так что можно сделать вывод, что с точки зрения их подхода не существует перехода от эпохи принудительного труда к эпохе свободного труда, а различия между преобладающими способами принуждения к труду не принципиальны. На деле крепостничество, рабство и аналогичные формы прикрепления людей к их трудовым позициям в системе разделения труда принципиально отличаются от современных форм экономического принуждения к труду. В отличие от раба или крепостного, современный наемный работник может уволиться когда пожелает и перейти к другому нанимателю. Из типичных форм эксплуатации эпохи премодерна с современной ситуацией сближается лишь ситуация, когда свободные крестьяне платили оброк землевладельцу, но могли произвольно покинуть последнего, уйдя на другие земли. Но в отличие даже от статуса

свободных крестьян, современный профессиональный статус не подразумевает определенного сословно-кастового статуса с полагающимися ему политическими правами и обязанностями, изменить который крайне затруднительно. Иначе говоря, неравенство сохранилось, но стало менее формализованным. Так что современные трудовые отношения – это нечто совершенно иное, чем трудовые отношения в обществах премодекрана.

Итак, гипотеза о существовании античного рабского капитализма выглядит крайне малоубедительной. Капиталистические элементы могли присутствовать в различных обществах древности и средневековья, но только в Новое время капиталистические элементы начинают систематическую экспансию, преобразовывая европейское общество под себя, так что со временем уже не капиталистические элементы становятся второстепенным дополнением некапиталистической системы, а напротив, вся общественная система становится капиталистической за исключением отдельных маргинальных элементов. Соответственно не правомерно интерпретировать античные общества как общества с рабовладельческим капитализмом, поскольку здесь именно не капиталистические элементы были системообразующими.

* * *

Но у нас остается еще гипотеза о существовании рабовладельческого капитализма на периферии капиталистического мира-экономики. Наиболее перспективным выглядит случай ранних США, изначально возникших как буржуазное общество, по большинству параметров приближающееся к идеально-типической модели капитализма, где, однако, существовало рабство. Это рабство не было патриархальным или служащим по большей части основой социального статуса. Напротив, изначально оно служило способом прибыльного инвестирования капитала в сельскохозяйственное производство в условиях, когда труд рабов из Африки обходился дешевле наемного. Это рабство возникло, как и указывал И. Валлерстайн, в качестве ответа на социальный запрос со стороны развивающегося капиталистического мира-экономики. Получается, что институт рабства в США изначально имел коммерческие резоны, формировался в рамках широкого международного капиталистического рынка, был защищен буржуазным частнособственническим правом. Можно вспомнить также рациональную организацию рабовладельческих поместий, их тесную связь с безусловно капиталистическим финансовым сектором, а также высокий уровень того, что М. Вебер назвал «духом капитализма», то есть капиталистическая мотивация рабовладельцев, выступавших как своеобразные предприниматели.

Дополнительные аргументы для того, чтобы квалифицировать экономику ранних США как капиталистическую можно обнаружить в работах таких исследователей как Й. Шумпетер и Ф. Бродель. Шумпетер рассматривает капитализм как экономический строй и определяет его как экономику, построенную на кредите, точнее говоря, как «такую форму частнособственнической экономики, в которой инновации осуществляются

посредством заемных денег, что в общем... подразумевает создание кредита» [13, р. 8]. Как было указано ранее, рабовладельцы американского Юга широко использовали финансовые инструменты привлечения инвестиций, что в рамках шумпетеровской модели позволяет интерпретировать их как капиталистических предпринимателей. По мнению Ф. Броделя [см.: 14; 15], жизнеспособная и прогрессирующая рыночная экономика является необходимым, но не достаточным условием возникновения капитализма. Он описывает капиталистическую экономику как трехуровневую структуру. На нижнем уровне находится самодостаточная, рутинная, многообразная «материальная жизнь» домохозяйств. Средний этаж занимает собственно конкурентная рыночная экономика преимущественно на местных рынках. Эти этажи еще не составляют капитализма и могут присутствовать в экономической системе иного типа. Собственно капитализм возникает только, если над этими двумя этажами надстраивается третий – этаж монополизированных рыночных ниш с высокой доходностью, прежде всего сфера высоких финансов. Таковая на американском Юге была даже более развита, чем на Севере, что с точки зрения модели Броделя интерпретируется как признак институционально развитой капиталистической экономики.

Получается, что в отличие от случая античного рабовладения в ситуации нововременного североамериканского рабовладения у нас действительно имеются существенные основания для признания его капиталистическим. Тем не менее, вопрос о капиталистическом статусе самого института рабства и о признании данного общества полноценно капиталистическим все еще остается нерешенным. Вопрос можно поставить так: существенно ли в теоретическом плане с точки зрения квалификации данного общества как капиталистического то, что предприниматель не нанимает работников, а покупает их как собственность? С точки зрения прагматического подхода в истории экономики и с точки зрения мир-системного анализа, нет, это не принципиально. Аргументы у них отличаются, но вывод одинаков: это полноценные капиталистические практики, которыми пользуются вполне капиталистические предприниматели в рамках господствующей капиталистической системы. Соответственно и само рабство может быть в данном социально-историческом контексте признано институтом капиталистическим.

Очевидно, что противопоставлять данной позиции моральный аргумент, что «рабство – это плохо» методологически неверно. Вопрос не в том, допустимо ли рабство с моральной точки зрения или нет, а в том, является ли модель капитализма рабства логически непротиворечивой. Оставим аргумент, что «капитализм несет свободу» идеологам и пропагандистам либерализма. А. Шеффле – автор, введший понятие «капитализм» в широкий научный оборот, определял его как экономическое явление, но вместе с тем считал, что капитализм сродственен либеральной свободе личности, то есть наиболее органично сочетается с либеральным государством [см.: 16]. Об этом говорили и многие последующие либералы. Однако история показывает, что из факта капиталистической экономики не следует строго какой-либо определенный политический режим и какая-то определенная культура, которые определялись

бы исключительно либеральными принципами. Хотя можно признать, что идеология либерализма является собственным голосом капитализма, его наилучшим идеологическим обоснованием. Тем не менее либерализм не исключает автоматического существования рабства. Об этом нам говорит то, что Дж. Локк зарабатывал работоторговлей, а отцы-основатели США были яростными либералами, что не мешало им быть рабовладельцами. Даже воздерживаясь от обвинений всех представителей капиталистического класса в исключительном эгоизме (это было бы фактически не верно), стоит признать, что в ситуации рыночной конкуренции капиталисты вынуждены ориентироваться в первую очередь на критерий прибыльности выбора того или иного способа действий, а не на критерий моральности. Так что если использование рабского труда выгодно и при этом не несет издержек со стороны закона, то многие предприниматели не откажутся от приобретения рабов вместо найма свободных работников.

Приведем сначала аргументы за то, что общество, в экономике которого значительное место занимает сектор с рабским трудом, и сам институт рабства могут быть признаны капиталистическими. Достаточно серьезным аргументом выглядит версия сторонников мир-системного анализа, по мнению которых капиталистический или нет характер носит в первую очередь мир-система в целом. Если ядро мир-системы уверенно можно квалифицировать как капиталистическое, и определяющая логика функционирования системы тоже является капиталистической, то, значит, и система в целом является таковой, как и все входящие в нее элементы.

В соответствии с такой логикой И. Валлерстайн полагал СССР частью капиталистической системы, следовательно, капиталистическим обществом. Такая интерпретация не выглядит убедительной, поскольку идет радикально вразрез с традицией словоупотребления данного понятия. Международный рынок – это скорее условие, а не сущность капитализма. Полноценно капиталистическим мы можем назвать только такое общество, которое соответствует определенным социально-политическим критериям: капиталисты (т. е. частные предприниматели) здесь являются самым богатым социальным классом, обладающим высоким уровнем престижа и политического влияния. Очевидно, к СССР данное описание никак не подходит. Не подвергая критике положения ядра мир-системной теории Валлерстайна, можно опровергнуть его утверждение о капиталистическом характере СССР его же теоретическим принципом, – признать СССР не частью капиталистической мировой системы XX века, а ее внешней зоной. Однако опровергнуть капиталистический характер Юга США подобным образом нам не удастся. США определенно были частью мира-экономики, а не ее внешней зоной. Плантаторов-рабовладельцев, в отличие от красных директоров, достаточно приемлемо можно интерпретировать как своеобразных сельскохозяйственных капиталистов, проникнутых духом капитализма и занимающихся инвестированием капитала в рационально организованное частное предприятие.

Итак, поскольку в целом ранние США были периферийной зоной европейского мира-экономики, то можно предполагать, что и само американское общество было в целом капиталистическим. Но можно ли, не придерживаясь исходных принципов мир-системного анализа, взятых в качестве постулатов, безусловно принять такой вывод? И можно ли уверенно из этого вывести капиталистический характер всех имевшихся там социальных институтов?

Первое возражение носит скорее философский характер, чем экономический. С точки зрения философии, основной смысл обозначения какого-либо общества как капиталистического или какого-то еще состоит в указании на особый тип взаимоотношений между людьми. Капиталистические отношения – это рыночные отношения в своей основе. Это можно считать не достаточным, но минимальным требованием для определения экономики как капиталистической, с которым согласны в целом и представители школы новой экономической истории. Но в таком случае рыночными должны быть и отношения между предпринимателем и работником как двумя свободными контрагентами, заключающими сделку на рынке труда. В определенном смысле капиталистами являются обе стороны: один владеет капиталом, другой – своей рабочей силой. Отношения между рабовладельцами и рабами по определению являются не капиталистическими, поскольку рабы сами считаются капиталом, принадлежащим капиталисту.

Этот аргумент выглядит не особо убедительным в том плане, что если мы принимаем за исходный пункт определение, что капитализм – это система, основанная на наемном труде и отсутствии внеэкономического принуждения к труду, то получается, что капитализм рабства не может существовать уже по определению. Такой аргумент убедителен для сторонников классического подхода, но он мало что дает в плане убедительности для тех, кто не готов принять в качестве исходной посылки определение капиталистических производственных отношений как построенных исключительно на основе свободного найма. Таким образом, мы оказываемся в ситуации, когда происходит спор между двумя несопоставимыми парадигмами, которые поразному определяют предмет спора. Соответственно никакого решения у данного спора быть не может: исходное основное понятие имеет конвенционное значение, но у представителей разных парадигм разные конвенции. Основной аргумент противников понятия «капитализм рабства» в данном случае может строиться на философско-исторической полезности увязки понятия капитализм с такими явлениями как свободный труд, экономическое принуждение к труду, вещная зависимость. Как представляется, для нас противопоставление эпох личной зависимости и внеэкономического принуждения, с одной стороны, и вещной зависимости и экономического принуждения, с другой стороны, является более значимым, чем противопоставление эпох на основе таких критериев, как тип инвестирования, использование заемных средств или существование финансовых метарынков.

Упор на вопросе производственных (трудовых) отношений позволяет вывести спор из тупика несоизмеримости парадигм, переведя его в

практическую плоскость. В практическом плане это означает решение проблемы эффективности разных форм мотивации труда. Этот вопрос связан с более общим вопросом соотношения капитализма и культуры, признанием принципа необходимости определенных культурных оснований для капиталистического поведения. С точки зрения М. Вебера, главным препятствием для возникновения капитализма был культурный традиционализм, а именно этика традиционного хозяйства. Она формировала мотивы поведения людей, не соответствующие модели *человека экономического* – рационального эгоиста, стремящегося к максимизации своего благосостояния – на которой строится современная капиталистическая экономическая теория и практика. Как указывает Вебер, с точки зрения традиционного мировоззрения «человек “по своей природе” не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни» [17, с. 81]. Формирование капиталистической мотивации у рабочих было необходимо для образования того пролетариата, который стал эффективной рабочей силой на фабриках. Без решения этой задачи предприниматели не могли достаточно быстро расширять производство, нацеленное на рынок. Рабовладельческий капитализм не может быть признан полноценным, поскольку здесь дух капитализма никак не распространяется на рабочую силу, которая управляется методами внеэкономического принуждения, не имея собственных мотивов к труду.

Капиталистическое общество – частный случай общества буржуазного и сохраняет в своей основе его этос – этос буржуазии, который по мере становления капитализма распространяется по большей части на остальное население. М. Оссовская [см.: 18] описывает этос буржуазии как сочетание ряда буржуазных добродетелей, таких как индивидуализм и самостоятельность, трудолюбие, расчетливость, бережливость и самоограничение ради обладания. Эту систему ценностей успешно усвоил и типичный представитель белого рабочего класса [см.: 18, с. 251–253]. Потомки негров-рабов, современные афроамериканцы в значительной своей массе не обладают этими качествами в должной мере до сих пор, поскольку у их предков-рабов на протяжении поколений рабской жизни формировались другие качества характера. Таким образом, в образцовой капиталистической экономике дух капитализма и буржуазный этос определяют поведение не только предпринимателей, но и работников, чего нельзя сказать об экономике американского рабовладельческого Юга.

* * *

Возвращаясь к экономическому аспекту, идеально-типическое капиталистическое общество предполагает также реальное, а не формальное доминирование капитала. Господство капитала в период его первоначального накопления было формальным. Если взять такие формы раннекапиталистических предприятий, как рассеянные мануфактуры, когда ремесленники по-прежнему занимаются ручным трудом у себя на дому, или

рыночно-ориентированные поместья, где крестьянам сдаются в аренду небольшие участки земли, обрабатываемые традиционным доиндустриальным способом, то здесь гипотетическое устранение капиталистического агента не нарушало принципиально процесс производства, поскольку средства труда оставались собственностью трудящихся и капиталист не занимался собственно организацией производства. Реальное доминирование достигается с индустриализацией, когда ручное ремесленное производство принципиально не способно больше конкурировать с машинным фабричным. Теперь средства производства принадлежат капиталисту, и он же занимается организацией процесса производства. Устранение этого агента из процесса производства сделало бы его практически невозможным. Таким образом, идеальнотипическое капиталистическое общество является еще и индустриальным. Доиндустриальное раннекапиталистическое общество – это то, которое находится еще в процессе становления.

Возникает вопрос: насколько принудительный труд может быть полезен для развития капитализма? Здесь можно вспомнить практику работных домов в Англии периода ранней индустриализации. Также опять можно вернуться к утверждениям мир-системного подхода о том, что рабовладение на периферии капиталистического мира-экономики способствовало накоплению капитала в его ядре. Соответственно стоит рассмотреть сначала, способствует ли развитию капитализма рабство непосредственно в стране, где оно распространено, а затем вернуться к вопросу о периферийном капитализме.

Утверждения сторонников новой экономической истории в значительной мере строятся на выводах А. Конрада и Дж. Мейера. В своей книге “The economics of slavery in the Antebellum South” они провели расчет внутренней нормы доходности на рабов в 1850-х годах и пришли к заключению, что инвестиции в рабов в то время были выгоднее большинства альтернативных способов инвестирования. Этим самым они вроде бы развенчали популярную теорию о том, что плантационная экономика нерентабельна и рабство является неэффективной формой эксплуатации труда. На этом основании «новые» историки экономики, в частности С. Беккерт, обнаруживают капиталистическую динамику и современную организацию в экономике рабовладельческого Юга. По утверждению последнего, «в первой половине XIX века рабство лежало в основе американской экономики. Юг был экономически развивающейся частью нации (для ее белых граждан); его продукты не только позиционировали США в мировой экономике, но и создавали рынки для сбыта сельскохозяйственных и промышленных товаров, выращенных и произведенных в Новой Англии и среднеатлантических штатах. Более половины национального экспорта в первые 60 лет XIX века составлял сырой хлопок, почти целиком выращенный рабами» [1].

Критики такого подхода [см.: 19] в ответ на это указывают, что экономический рост в плантационном секторе был обусловлен прежде всего экстенсивными факторами – возможностью захвата новых плодородных земель на фоне растущих цен на хлопок. Эти источники нельзя назвать тем, что способно обеспечить устойчивый долговременный рост. Рабовладельческие

институты не годились для создания и развития инноваций, а также ухода от монокультуры хлопка в пользу более диверсифицированной экономики. В связи с этим они делают вывод, что Юг, в отличие от Севера, не обладал потенциалом современного экономического роста. Получается, что в конечном счете рабский труд оказался относительно малоэффективным по сравнению с наемным. И действительно, уровень промышленного развития Юга был низким по сравнению с Севером, что стало одной из причин его поражения в гражданской войне. Даже в сельском хозяйстве, где в то время были достаточно рентабельными примитивные технологии выращивания хлопка, эффективность плантационного хозяйства не стоит преувеличивать. Истощение земель вследствие экстенсивного культивирования хлопковой монокультуры приводило к тому, что рабовладельцам приходилось мигрировать на запад, конкурируя, вплоть до вооруженных столкновений, с фермерами за освоение земель аборигенов.

Процессы становления капитализма и индустриализацию можно также рассматривать как двуединый процесс – составную часть общего процесса модернизации. Другими составляющими модернизации и показателями ее достижения выступают такие параметры как урбанизация, массовое образование, постоянное научно-техническое развитие и становление современного бюрократического государства. Рабство и крепостничество определенно препятствуют урбанизации, поскольку затрудняют перемещение лично не свободной рабочей силы в города, где контроль над нею со стороны владельцев затруднен. Также эти институты тормозят распространение образования, особенно высшего, в соответствии с принципом, известным еще древним римлянам, которые полагали, что рабу нужно быть здоровым и знать язык хозяина, но не более того. Рабство и крепостничество тормозили и развитие современного бюрократического государства, поскольку предполагали наличие некоей частной власти, распространяющейся на часть населения страны.

Однако остается открытым вопрос, насколько эффективным является внеэкономическое принуждение к труду, способно ли оно сочетаться с механизацией труда, индустриализмом, обеспечивает ли долгосрочное развитие экономики? При развитом рынке свободной рабочей силы эффективное предприятие легко способно расширяться, находя нужных себе специалистов, например, переманивая более высокими зарплатами специалистов у менее конкурентоспособных предпринимателей. В случае несвободного труда процесс перетока от менее к более эффективным и перспективным экономическим агентами также будет происходить, но значительно медленнее, поскольку малоконкурентоспособные производители будут удерживать свою рабочую силу до тех пор, пока не сочтут, что ее выгоднее продать, чем эксплуатировать самим. По мере технологического развития преимущества свободного труда становятся все более явными. Специалисты высокотехнологичного производства должны сначала получить длительное образование, проявляя при этом энтузиазм к получению знания и повышению своей квалификации. Если владельцами их рабочей силы являются не они сами,

а рабовладельцы, то у работника не будет личной заинтересованности в профессиональном совершенствовании, поскольку прибыль это будет приносить не ему. Наконец, дешевая рабочая сила – главное преимущество рабовладения – подавляет стимулы к технологическому замещению, то есть замене ручного труда машинным. Таким образом, рабский труд определенно тормозит технологическое развитие и индустриализацию: с одной стороны, у рабов отсутствует должная мотивация, чтобы осваивать и должным образом использовать сложную технику, а с другой, доступность дешевого ручного труда не стимулирует предпринимателей к инвестированию в механизацию труда.

В качестве возражения на тезис о несовместимости индустриализации и рабства можно привести данные У. Джонсона, который отмечает, что паровые двигатели в первой половине XIX в. были больше распространены в долине Миссисипи, чем в сельской местности Новой Англии [см.: 1]. Заметим на это, что уровень индустриализации США в то время в принципе был невысок, и паровые двигатели в сельской местности вообще мало использовались. В долине Миссисипи они, по всей видимости, больше использовались как двигатели паровозов для перевозки грузов, а не как средство производства, в отличие от городов Новой Англии. Так что данный факт едва ли подрывает утверждение об отсутствии сродства (в терминологии М. Вебера) между рабством и индустриализацией.

Это утверждение относительно практики использования рабского труда в США и Латинской Америке в период индустриализации можно расширить также на другие регионы и другие формы внеэкономического принуждения к труду. В частности, это касается практики работных домов в Англии, от которых достаточно быстро отказались, как только был создан достаточный резерв квалифицированной и дисциплинированной рабочей силы. Также это касается массового использования труда заключенных в период индустриализации в СССР. В литературе, посвященной оценке роли лагерной экономики в истории страны, существуют противоположные точки зрения: от признания лагерной экономики жестоким, но эффективным средством специфического первоначального накопления капитала в условиях отсталости и необходимости ускоренной индустриализации, до утверждения, что она не имела никакого собственно экономического смысла и была лишь средством политического подавления. По всей видимости, в 1930-е гг. в условиях выраженного относительного дефицита производственного капитала использование принудительного труда заключенных было относительно эффективной мерой, позволяющей осуществлять экстенсивный рост путем жесткой эксплуатации ручного труда. Но уже после войны, когда индустриализация достигла определенного успеха, система ГУЛАГа потеряла всякий экономический смысл. Как указывает С. Токмянина, послевоенная лагерная экономика вошла в состояние кризиса, когда «отчетливо ощущалась неэффективность принудительного труда» [20, с. 21]. Таким образом, не только индустриальная капиталистическая система плохо совмещается с принудительным трудом, но и индустриальный социализм также. Можно даже

сделать более широкое предположение, что выход на новую стадию технико-экономического развития требует повышения уровня свободы работника и его заинтересованности в результатах своей деятельности.

Получается, что рабство и другие формы внеэкономического принуждения не способствуют индустриализации и соответственно развитию полноценного, жизнеспособного капитализма. Там, где не было абсолютного преобладания наемного труда, элементы капиталистической индустриализации не развивались и постепенно угасали. Это в полной мере относится к Античному Средиземноморью, но также затрагивает и ситуацию Бразилии и Юга США XIX века. Рабовладельческий капитализм в некоторых регионах Америки, действительно, позволял капиталистическим странам ядра мира-экономики извлекать дополнительную прибыль из неэквивалентного обмена с ними. Таким образом рабство косвенно служило источником капитала для поднимающейся капиталистической промышленности стран ядра. Получается, что институт рабства может быть системным элементом модели периферийного, неэффективного капитализма, не способного к саморазвитию, успешной индустриализации, далекого от идеально-типической модели полноценного индустриального капитализма.

* * *

Итак, с одной стороны, у нас есть основания считать экономику американского рабовладельческого Юга капиталистической, поскольку она встроена во вполне определенно капиталистическую экономику США и, в более широком контексте, в систему мира-экономики. Эта экономика демонстрирует признаки, характерные для капиталистических практик, такие как производство на международный рынок, широкое использование заемных средств для ведения бизнеса, рациональная организация труда, мотив максимизации прибыли. С другой стороны, сам институт рабства все же неправомерно считать капиталистическим. Соответственно и систему американского Юга нельзя считать соответствующей идеальному типу капитализма и можно называть капиталистической лишь с оговорками. С другой стороны, со сторонниками концепции капитализма рабства можно согласиться, когда они подчеркивают значимость рабовладельческого сектора в Америке для развития глобального капитализма. Эксплуатация дешевого рабского труда на хлопковых плантациях обеспечивала растущую капиталистическую промышленность в Англии и на Севере США дешевым сырьем, что было важно для ее успешного развития. Тем не менее это лучше описывать не как функционирование единого капиталистического режима накопления, а как взаимосвязь двух режимов, взаимно способствующих развитию друг друга³. Можно провести здесь аналогию со значимостью

³ Чем-то взаимосвязь рабовладельческого сектора Юга США и Бразилии и капиталистического сектора Севера США и Англии похожа на отношения в XX веке между советским социалистическим режимом и западным капиталистическим режимом. Индустриализация СССР в 1930-е гг. во многом осуществлялась при помощи США, которые в свою очередь извлекали выгоду от контактов с СССР, что не делало СССР частью капиталистической системы и тем более не делало США частью социалистической системы.

колониализма для первоначального капитала для осуществления индустриализации – то, что колониализм способствовал индустриализации, не означает, что колонии были частью индустриальной системы. То есть фактически это ситуация, когда развитие капиталистического мира-экономики спровоцировало возрождение наиболее архаических практик внеэкономического принуждения труда в зоне периферийного капитализма. Но сами эти практики тормозили развитие полноценного индустриального капитализма в регионах, где были распространены.

Рассмотрение данного случая подводит нас к более общим выводам: с философско-исторической точки зрения понятия «капитализм», «социализм», «феодализм» и т. д. имеет смысл использовать прежде всего для обозначения определенного типа социальных отношений, определенного типа взаимодействия между людьми, а не просто типа инвестирования или чего-либо подобного. Рабовладельческое общество, как кастовое или сословное, являются обществами иерархическими по своей природе, в то время как капиталистическое является формально эгалитарным, хотя и предполагает классовое неравенство и доминирование капиталистического класса. Соответственно парадигмальный капитализм предполагает использование экономического принуждения к труду, то есть получение прибыли за счет эксплуатации свободного труда. Образцовый капитализм – это капитализм индустриальный с массовым пролетариатом. Не обязательно это связано исключительно с промышленным производством: индустриально-капиталистическим может быть и сельское хозяйство и сфера услуг. Но обязательно существование условий, когда средства производства весьма дороги, вследствие чего большая часть населения лишена возможности обладания ими и вынуждена продавать свою рабочую силу владельцам этих средств производства. Капитализм рабства, как он исторически существовал в ранних США, – это неполноценный, периферийный и доиндустриальный капитализм. Здесь работники рабского сектора экономики не являются свободными контрагентами, владельцами своего «капитала». Они не пропитаны духом капитализма и потому едва ли могут стать эффективной рабочей силой в случае механизации сельскохозяйственного производства. Отношения между классами рабовладельцев и рабов при так называемом капитализме рабства аналогичны отношениям между такими же классами рабовладельческого общества, хотя сами рабовладельцы выступают теперь в двойной роли – еще и как капиталисты в рамках капиталистического по большей части общества. В конце концов, полноценный капитализм, построенный на наемном труде, при всех своих многочисленных недостатках – это все же социально-экономический режим, который позволил обществу выбраться из тупика аграрного общества – мальтузианской ловушки. Так называемый «капитализм рабства» не является системой, способной к саморазвитию и выходу на индустриальный уровень развития производительных сил.

Список литературы

1. Беккерт С. Рабство и капитализм. Рабство в центре капиталистического развития? // Михаил Гефтер. – URL: <https://gefter.ru/archive/14328> (дата обращения 16.06.2023).
2. Жихаревич Д. М. Элементы прагматической теории капитализма // Социология власти. – 2021. – Том 33. – № 1. – С. 125–168. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-125-168
3. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 552 с.
4. Ефимов А. А. Эдуард Мейер о проблеме «феодалного» и «капиталистического» укладов в истории древнего мира // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27. – С. 617–622.
5. Алексеев В. В., Нефёдов С. А. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 66–77.
6. Володин А. Ю. Глобальная история капитализма: вглубь веков и вширь континентов // Экономическая история. – 2016. – № 3 (34). – С. 98–102.
7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. / Избранные сочинения. В 9 т. Т. 7. – М.: Политиздат, 1987. – 811 с.
8. Хейлбронер Р., Туроу Л. Экономика для всех. – Новосибирск: Экор, 1994. – 315 с.
9. Дюмон Л. Homo aequalis, 1. Генезис и расцвет экономической идеологии. – М.: Nota Bene, 2000. – 240 с.
10. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. – 504 с.
11. Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого. Теория, история, историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
12. Frank A. G., Gills B. K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? – London & New York: Routledge, 1993. – 320 p.
13. Schumpeter J. A. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analyses of the Capitalist Process. – New York; Toronto; London: McGraw – Hill Book Company Inc, 1939. – 461 p.
14. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
15. Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.
16. Sokolov E. G., Naumova E. I. Conceptual History of “Capitalism” // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – Вып. 4. – С. 597–610. DOI: 10.21638/spbu17.2018.412
17. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.

18. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.

19. Olmstead A., Cotton P. R. Slavery, and the New History of Capitalism // *Explorations in Economic History*. – 2018. – Vol. 67, January. – Pp. 1–17. DOI: 10.1016/j.eeh.2017.12.002

20. Токмянина С. В. Лагерная экономика Урала в позднесталинский период (1945–1953 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Екатеринбург, 2006. – 21 с.

References

1. Beckert S. Slavery and Capitalism [*Rabstvo i kapitalizm. Rabstvo v tsentre kapitalisticheskogo razvitiya?*] Available at: <https://gefter.ru/archive/14328> (accessed 16 June 2023).

2. Zhikharevich D. M. Elements of a Pragmatic Theory of Capitalism [Elementy pragmaticheskoy teorii kapitalizma]. *Sotsiologiya vlasti* (Sociology of Power), 2021, vol. 33, no. 1, pp. 125–168. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-125-168

3. Wallerstein I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century [*Mir-sistema Moderna. Tom I. Kapitalisticheskoe selskoe khozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke*]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016, 552 p.

4. Efimov A. A. Eduard Meyer about the Problem of “Feudal” and “Capitalist” Set-Ups in Ancient History [Eduard Meyer o probleme “feodalnogo” i “kapitalisticheskogo” ukladov v istorii drevnego mira]. *Izvestiya Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Imeni V. G. Belinskogo. Gumanitarnye Nauki* (Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanities), 2012, no. 27, pp. 617–622.

5. Alekseev V. V., Nefedov S. A. The Death of the Soviet Union in the Context of the History of World Socialism [Gibel Sovetskogo Soyuz a v kontekste istorii mirovogo sotsializma]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* (Social Sciences and Contemporary World), 2002, no. 6, pp. 66–77.

6. Volodin A. Y. The Global History of Capitalism: Deep into the Centuries and Broad Wise through Continents [Globalnaya istoriya kapitalizma: vglub vekov i vshir kontinentov]. *Ekonomicheskaya istoriya* (Economic History), 2016, no. 3 (34), pp. 98–102.

7. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy [Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii]. Marx K., Engels F. *Izbrannyye sochineniya: v 9 t. T. 7* (Selected Works: in 9 vol. Vol. 7). Moscow: Politizdat, 1987, 811 p.

8. Heilbroner R., Turow L. Economics Explained [*Ekonomika dlya vsekh*]. Novosibirsk: Ekor, 1994, 315 p.

9. Dumont L. From Mandeville to Marx: The Genesis and Triumph of Economic Ideology [*Homo aequalis, 1. Genezis i rastsvet ekonomicheskoy ideologii*]. Moscow: Nota Bene, 2000, 240 p.

10. Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run [*Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bolshoy dlitelnosti*]. Moscow: URSS – LENAND, 2015, 504 p.
11. Zaretsky Y. P. Strategies for Understanding the Past. Theory, History, Historiography [*Strategii ponimaniya proshlogo. Teoriya, istoriya, istoriografiya*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 384 p.
12. Frank A. G., Gills B. K. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London & New York: Routledge, 1993, 320 p.
13. Schumpeter J. A. *Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analyses of the Capitalist Process*. New York; Toronto; London: McGraw – Hill Book Company Inc, 1939, 461 p.
14. Braudel F. Civilization and Capitalism, 15th–18th Century: in 3 vol. Vol. 2: The Wheels of Commerce [*Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2. Igrы obmena*]. Moscow: Progress, 1988, 632 p.
15. Braudel F. The Dynamics of Capitalism [*Dinamika kapitalizma*]. Smolensk: Poligramma, 1993, 124 p.
16. Sokolov E. G., Naumova E. I. Conceptual History of “Capitalism”. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies* (Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya), 2018, vol. 34, issue 4, pp. 597–610. DOI: 10.21638/spbu17.2018.412
17. Weber M. The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism [*Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*]. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. Izbrannye proizvedeniya* (The Potestant Ethics and the Spirit of Capitalism. Selected Works). Moscow: Progress, 1990, pp. 61–272.
18. Ossovskaya M. Knight and the Bourgeois: Study in the History of Morality [*Rytsar i burzhua: Issledovaniya po istorii morali*]. Moscow: Progress, 1987, 528 p.
19. Olmstead A. Cotton P. R. Slavery, and the New History of Capitalism. *Explorations in Economic History*, 2018, vol. 67, January, pp. 1–17. DOI: 10.1016/j.eeh.2017.12.002
20. Tokmyanina S. V. The Camp Economy of the Urals in the Late Stalin Period (1945–1953). Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences [*Lagernaya ekonomika Urala v pozdnestalinskiy period (1945–1953 gg.): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk*]. Yekaterinburg, 2006, 21 p.

УДК 316.324.8; 304.444

Антропный коллапс в западном информационном обществе: философский эскиз «человека без свойств»*

Горохов Павел Александрович – Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор кафедры юриспруденции и гуманитарных дисциплин, доктор философских наук, профессор, Оренбург, Россия.

Email: erlitz@yandex.ru

SPIN: 9090-4375

Авторское резюме

Состояние вопроса: Несмотря на то, что системный кризис западной цивилизации диагностируется и активно изучается по меньшей мере со времен О. Шпенглера, антропный коллапс западного человека как системное разрушение основ его бытия в информационном обществе не становился предметом специального философского исследования.

Результаты: В настоящее время становятся понятны основные черты антропного коллапса, понимаемого как всеохватный кризис западного человека, ведущий к его вырождению и полному исчезновению. Антропный коллапс может быть рассмотрен и как процесс, и как результат. Характерные черты антропного коллапса, ныне являющегося уже не потенциальной, а объективной реальностью: 1) политкорректность и толерантность, понимаемые предельно широко и угрожающие существованию европейской цивилизации на бытийственном уровне; 2) принижение гуманитарной культуры и девальвация образования в целом, ставшего ныне простой «услугой», а не базисом мыслящей личности; 3) распространение нетрадиционных сексуальных отношений, девальвация святых понятий «семья», «отец», «мать»; 4) примитивизация, а по сути – аннигиляция искусства и литературы, философским базисом коих выступает постмодернизм как условный комплекс философских воззрений глобализирующегося Запада; 5) уничтожение самим человеком собственной среды обитания.

Область применения результатов: Результаты исследования могут быть использованы для преподавания специальных курсов по философской антропологии, социальной философии, философии истории.

Выводы: «Массовый человек» возник и повсеместно распространился в недрах капиталистического (индустриального) общества. Он был описан и осмыслен в мировой литературе под разнообразными именами: «человек толпы» (Эдгар По), «человек без свойств» (Роберт Музиль), «человек без лица» (Изабель Холланд). В информационном обществе массовый человек (деперсонализированный индивид) становится преобладающим, что свидетельствует об идущем полном ходе антропном коллапсе. Удачный метафоричный образ Дэвида Чалмерса – «философский зомби» точно

* © Горохов П. А., 2023.

описывает человека, лишённого функции сознания. Порождение информационного общества, такой зомби функционирует по принципу машины и утрачивает личностные черты.

Ключевые слова: антропный коллапс; массовый человек; философский зомби; деперсонализированный индивид; глобализация; аннигиляция ценностей; постмодернизм; толерантность; политкорректность.

Anthropic Collapse in Western Information Society: A Philosophical Sketch of “Man without Qualities”

Gorokhov Pavel Aleksandrovich – the Presidential Russian Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg, Professor of the Department of Law and Humanities, Doctor of Philosophy, Orenburg, Russia.

Email: erlitz@yandex.ru

Abstract

Background: Despite the fact that the systemic crisis of Western civilization has been diagnosed and actively studied at least since the time of O. Spengler, the anthropic collapse of Western man as a systemic destruction of the foundations of his existence in information society has not become the subject of special philosophical study.

Results: Currently, the main features of anthropic collapse, understood as an all-encompassing crisis of Western man, leading to his degeneration and complete disappearance, become clear. Anthropic collapse can be considered both as a process and as a result. The characteristic features of anthropic collapse, which is now no longer a potential, but an objective reality, have been identified: 1) political correctness and tolerance, threatening the existence of European civilization at the existential level, when understood extremely broadly; 2) the disparagement of humanitarian culture and the devaluation of education in general, which becomes a simple “service” and not the basis of a thinking person; 3) the spread of non-traditional sexual relations, the devaluation of the sacred concepts of “family”, “father”, “mother”; 4) simplification, and in fact, annihilation of art and literature, the philosophical basis of which is postmodernism as a conventional complex of philosophical views of the globalizing West; 5) destruction by man himself of his own habitat.

Implications: The results of the study can be used to run special courses in philosophical anthropology, social philosophy, and philosophy of history.

Conclusion: “Mass man” arose and spread everywhere in the depths of capitalist (industrial) society. He was described and conceptualized in world literature under various names: “man of the crowd” (Edgar Allan Poe), “man without qualities” (Robert Musil), “man without a face” (Isabelle Holland). In information society, mass man (depersonalized individual) becomes predominant, which indicates an anthropic collapse in full swing. David Chalmers’ apt metaphorical image of the “philosophical zombie” accurately describes a person deprived of the function of consciousness. A

product of information society, such a zombie functions on the principle of a machine and loses its personality traits.

Keywords: anthropic collapse; mass man; philosophical zombie; depersonalized individual; globalization; annihilation of values; postmodernism; tolerance; political correctness.

Иван Ефремов писал в 1971 году – незадолго до своей загадочной смерти – американскому палеонтологу Э. К. Олсону: «Мы можем видеть, что с древних времен нравственность и честь (в русском понимании этих слов) много существеннее, чем шпаги, стрелы и слоны, танки и пикирующие бомбардировщики. Все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через утерю нравственности. Это является единственной действительной причиной катастроф во всей истории, и поэтому, исследуя причины почти всех катаклизмов, мы можем сказать, что разрушение носит характер саморазрушения... Поколения, привыкшие к честному образу жизни, должны вымереть в течение последующих 20 лет, а затем произойдет величайшая катастрофа в истории в виде широко распространяемой технической монокультуры, основы которой сейчас упорно внедряются во всех странах, и даже в Китае, Индонезии и Африке» [11, с. 189 – 190].

Мудрецы масштаба Ефремова обладают способностью предвидеть многие сюжетные ходы истории цивилизации. Такая способность в большей степени свойственна писателям и поэтам, отличающимся особым – доходящим порой до пророческого – восприятием действительности. В ряде своих работ автор этих строк, размышляя о настоящем и возможном будущем человечества, предложил описывать его термином «антропный коллапс» [см.: 5; 6; 7]. Под этим термином мы подразумевали состояние системного кризиса современного «человека разумного» в его западной модификации. Потом сам термин использовали Д. В. Попов и П. В. Векленко применительно к пандемии ковид-19 [см.: 13]. Но философского исследования проблемы антропного коллапса, по сути дела, не было.

Именно Иоганн Вольфганг Гёте предвидел еще в начале XIX века такое положение дел, когда предупреждал о наступлении техники на человека и его грядущем «расчеловечении». На наш взгляд, использование этого медицинского термина в философско-антропологическом смысле вполне оправданно, ибо коллапс (от латинского *collapsus* – «упавший») понимается как состояние, угрожающее жизни человека. Для такого состояния типично падение кровяного давления и ухудшение кровоснабжения жизненно важных органов. Бледность, внезапная слабость, похолодание конечностей также относятся к признакам коллапса. Антропный же коллапс угрожает существованию человеческой цивилизации.

Цель данной работы – рассмотреть основные черты антропного коллапса, понимаемого как системный кризис западного человека, ведущий к его вырождению и полному исчезновению.

Методология исследования, помимо общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, включает в себя сравнительно-сопоставительный метод и метод ситуационного анализа.

В этом исследовании мы рассмотрим проблемы, связанные, по преимуществу, с западной цивилизацией. Российская цивилизация, хотя и относится генетически к европейской (прежде всего, благодаря христианству в православной традиции и принадлежности к романо-германской правовой системе), обладает рядом существенных отличий. Но общие проблемы западного человека в информационном обществе не могли не коснуться и ее. Современных проблем восточной цивилизации, которые также можно обозначить термином «антропный коллапс», мы затрагивать здесь не будем. По нашему убеждению, даже в эпоху глобализации и насильственного стирания социокультурных границ определенную правоту сохраняют великие и всем известные строки Р. Киплинга из «Баллады о Востоке и Западе»:

*О, Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
На Страшный господень суд.*

Современную западную цивилизацию создали сильные духом и телом люди, в ней неразрывным образом переплетены великие и продуктивные гены Греции, Рима, варварских народов Европы. Ныне «бледная немочь» западного человека в физическом и духовном смысле очевидна. На наш взгляд, именно тяжелая история Европы, насыщенная войнами и трагедиями, во многом способствовала утрате жизненной энергии, той «пассионарности», о которой так любил говорить талантливейший Л. Н. Гумилев.

Агрессивно навязываемая политкорректность и ложно понимаемая толерантность в Европе привели к тому, что на улицах европейских городов бесчинствуют выходцы из Африки и Азии, а в США агрессивно настроенные члены движения Black Lives Matter принуждают белых американцев извиняться за то, что их предки принесли черным гражданам знания и мировую культуру и вообще научили их жить цивилизованно.

Ведь духовную культуру осваивать тяжело, зато очень легко и комфортно пользоваться всеми благами техногенной цивилизации, не особенно задумываясь над тем, какой ценой все эти блага были достигнуты. Вот и возмущаются чернокожие американцы тем, что почти всю окружающую их культуру и все блага цивилизации создали белые, а потому крушат памятники Колумбу и Линкольну и призывают, чтобы даже в шахматной игре непременно начинали «черные». Именно о таких созданиях и говорят мудрые английские поговорки «Penny wise and pound foolish» и «Fools grow without watering» («На пенни ума и на фунт глупости», «Глупые растут без полива»).

Глобализация, ставшая реальностью после распада Советского Союза и проводимая последние три десятка лет по схемам Соединенных Штатов, взявших на себя роль флагмана всей западной цивилизации, привела к

повсеместному распространению «массового человека», появление которого в недрах капиталистического (индустриального) общества описали и осмыслили классики мировой литературы под разнообразными именами: «человек толпы» (Эдгар По), «человек без свойств» (Роберт Музиль), «человек без лица» (Изабель Холланд).

Духовная среда национальна по своей сути, а потому навязывание единых стандартов для социально-экономической и культурной жизни неизбежно приводит к духовной аннигиляции. Даже Ноам Хомский не скрывает, что внешняя и информационная политика США предназначена, в первую голову, для доминирования американского бизнеса во всем мире. США манипулируют сознанием людей на всей планете, изменяют в своих интересах восприятие людьми окружающего мира, заставляя граждан планеты смотреть на все глазами американцев [см.: 15; 16]. В этой связи стоит вспомнить слова семидесятипятилетнего Гёте, сказанные им своему секретарю Иоганну Эккерману: «Для каждой нации хорошо только то, что ей органически свойственно, что проистекло из всеобщих ее потребностей, а не скопировано с какой-то другой нации. Ибо пища, полезная одному народу на определенной ступени его развития, для другого может стать ядом. Поэтому все попытки вводить какие-то чужеземные новшества, поскольку потребность в них не коренится в самом ядре нации, нелепы, и все революции такого рода заведомо обречены на неуспех...» [17, с. 461].

Американские ценности стремятся уже не один десяток лет превратить в так называемые «общечеловеческие» ценности. На наш взгляд, ошибочно говорить об «общечеловеческих ценностях», ибо ценности всегда являются плодом конкретной исторической культуры и цивилизации. Даже ценности лютеранина отличаются от ценностей православного человека, и уж тем более ценности среднестатистического британца начала XXI века отличаются от ценностного набора джентльмена эпохи королевы Виктории. И, разумеется, аксиологическая шкала европейца наших дней отличается разительным образом от ценностной иерархии жителей некоторых африканских и азиатских стран.

Западное постиндустриальное или же информационное общество зачастую продуцирует человека нового типа с минимальными духовными затратами – или же вовсе лишенного таковых. Такие люди питают презрение к гуманитарному знанию – с их точки зрения, совершенно бесполезному. Сегодня мы понимаем, что не напрасны были опасения Ф. М. Достоевского в романе «Бесы» по поводу того, что человечество породит «поколение разврата неслыханного, подленького, гадкую трусливую, жестокую, себялюбивую мразь» [10, с. 659].

Как писал Хосе Ортега-и-Гассет, «массовый человек ощущает себя совершенным» [12, с. 66]. Массовый человек живет в мире, до предела насыщенном информацией, но не знанием. Совершенно точно ситуацию сформулировал Жан Бодрийяр: «Мы живем в мире, в котором все больше и больше информации, и все меньше и меньше смыслов» [1, с. 219].

Гуманитарное знание изгоняется из общества, исповедующего сугубую утилитарность. Массовый человек, полагая себя царем природы, «венцом творения» и наивысшим цивилизационным плодом эпохи «конца истории», признает лишь науки, приносящие непосредственную пользу, становясь подлинным рабом постиндустриальной цивилизации. Недаром «пламенный революционер» Петр Верховенский из романа «Бесы» вещал: «Все рабы и в рабстве равны. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук к талантам доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!» [10, с. 659]. В этой же речи он констатировал, что «жажда образования есть уже жажда аристократическая», а потому человек будущего должен быть приведен к «одному знаменателю». Сегодня мы с болью вынуждены констатировать, что худшие опасения Достоевского подтвердились.

Образование все чаще становится услугой, а не базисом высокоразвитой и гармоничной личности. Если знания входят навечно в структуру личности, определяя ее интеллектуальный и духовный статус, то информация как низшая форма знания, образно говоря, в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Информации присущ ситуационный, сугубо временной характер. К сожалению, в современную эпоху всячески превозносится именно возможность неограниченного доступа к информации, которую реципиент получает для чисто сиюминутных, утилитарных целей и тут же забывает, когда надобность в ней отпадает.

Как отмечает в своих книгах П. Бурдьё, именно в современную эпоху возникли технические средства, используемые для того, чтобы заставлять людей воспринимать окружающую действительность в заданном ракурсе, воспроизводить и внушать заданные смыслы, которые навязывают людям стремление «не быть, а казаться» [см: 2; 3]. Агрессивно внушаемая черно-белая информация без каких-либо смысловых нюансов (есть лишь друзья или враги, bad guys или good guys) создает примитивную смысловую реальность, способствует примитивизации сознания.

Образование пытаются увязать с догмами политкорректности, приветствующей любую инаковость и отсутствие каких-либо ограничений для сексуальных перверсий – даже самых дичайших. Более того, над детьми по воле обезумевших родителей осуществляют дичайшие операции по смене пола, а самые святые и важные для любого ребенка слова «отец» и «мать» заменяются ныне в признавших однополые браки странах терминами parent one и parent two. Деградирует и разрушается институт семьи. Законодательное разрешение однополых браков – не только глумление над здравым смыслом, но и таит в себе немалую опасность, что такая «пара» усыновит детей без генетических аномалий, но будет всячески стремиться сделать из усыновленного ребенка такого же извращенца, как они сами.

Можно в связи с темой нашего исследования вспомнить де Сада, ибо в философских раздумьях, которым де Сад заставлял предаваться своих героев во время сексуальных оргий и в перерывах между оными, маркиз доказывал читателям, что человеку не нужны никакие ограничения. Приветствуется и

объявляется необходимым полный либертинаж: отменяются все моральные, религиозные, юридические препоны. По сути, это – доведенная до крайней степени позиция просветителей, которую успешно используют современные адепты ложно понимаемой толерантности и политкорректности.

Разумеется, христианство, да и все авраамические религии, становится лишним для деперсонализированного индивида, стремящегося в современную эпоху к полной свободе от человечности. Тот же де Сад, слагавший в своих книгах неприкрытые гимны физическому и духовному скотству, вопрошал: «Способна ли доктрина раба времен императора Тита, низкого иудейского комедианта, быть пригодной для свободной, воинственной и только что возродившейся нации?» [14, с. 17] Этот «маркиз» писал, что «религия несовместима с системой свободомыслия» [14, с. 21], а «педерастия всегда входила в число пороков, свойственных воинственной нации». Обращаясь к «славному прошлому», де Сад ссылается на Цезаря и галлов, которые «с великой радостью предавались радостям мужеложества» [14, с. 48]. Эти привычки галлов, воспетые и оправданные де Садам, увы, с воодушевлением переняли многие деятели культуры и философы – особенно представители постмодернизма.

Именно постмодернизм можно принять как условный комплекс философских воззрений глобализирующегося Запада. Эти воззрения навязываются массовому человеку информационного общества. Постмодернизм (а многие теперь уже рассуждают о метамодернизме или постпостмодернизме) отнюдь не является неким логическим или историко-философским понятием, определяющим реально существующий объект, а потому не имеет парадигмального определения. Многие постмодернисты полагают, что реальный мир иллюзорен, а истина не может быть познана. С одной стороны, истина, действительно, может быть многогранной и неоднозначной, но говорить о принципиальной невозможности познания вообще было бы ошибкой. Постмодернисты уверены, что человек не познает мир, а лишь интерпретирует его.

Духовные основы и практики постмодернизма, видимо, коренятся еще в XIX столетии, когда возникли художественные явления, которые именовали «имморалистическими». Можно вспомнить «проклятых поэтов», как их метко назвал Поль Верлен: Тристана Корбьера, Артюра Рембо и Стефана Маларме.

Но главная опасность даже не в сексуальной распущенности, практикуемой постмодернистами. К сожалению, многие постмодернисты отрицают универсализм в человеке и вообще его духовную составляющую, акцентируя всяческое внимание сугубо на росте материальных претензий к жизни. Цель постмодернистской этики (если о такой вообще позволительно говорить) состоит в развенчании добра, полном отрицании его в человеке. Поэтому в современную эпоху и идет процесс размывания реальных человеческих отношений. Жак Деррида, например, так и не хотел признать, что человек часто может действовать бескорыстно. Искренний порыв добрых чувств для него – всего-навсего «фальшивые монеты». Сущность подарка аннулирует подарок – вот образец его антилогики.

Увы, многие философы-постмодернисты, анализируя человека, намеренно изгоняли Человеческое, с усердием заменяя всякой похабщиной. Жиль Делез, парижский профессор и классик постмодернизма, покончивший, в конце концов, жизнь самоубийством, пишет об этом так: «Все, что пишется – ПОХАБЩИНА (то есть, всякое зафиксированное или начертанное слово разлагается на шумовые, пищеварительные или эксcrementальные куски» [9, с. 114].

К слову, именно такого рода бессмыслицу любят с глубокомысленным видом изрекать разнообразные «философские зомби» западного, да порой и отечественного разлива. Причем, когда к таким «зомби» обращаешься с уточняющим вопросом, то они обычно вспоминают именно Деррида, который считал, что главное – не то, что сказал автор, а чего не сказал и почему. Великий Гегель со своим красивым афоризмом о том, что ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены, у современных «философских зомби» не в чести.

Сравнительно недавно Дэвид Чалмерс в книге «Сознательный разум» (1996) предложил мысленный эксперимент, хотя и уходящий корнями в историю философии, но производивший новаторское впечатление благодаря своему названию – «философский зомби». Чамберс предложил читателю рассмотреть своего зомби-близнеца, существо, которое «молекула в молекулу идентично мне», но у которого «полностью отсутствует сознательный опыт». У такого зомби нет сознания, и – заключает Чамберс – поскольку мы можем его представить, то такие зомби возможны [см.: 18].

Философский зомби – человек, лишённый функции сознания: он функционирует по принципу машины. Ведь действия машины при понимании всех причин можно предугадать и скорректировать, а действия человека, обладающего сознанием, порой труднопредсказуемы. Мыслящий человек чаще всего не действует по шаблону, а зомби ничего не делает иначе как по предписанному образцу. По сути дела, такой зомби – деперсонализированный индивид, симулякр.

Деперсонализированные индивиды (зомби) – свидетельство антропного коллапса. Если антропный процесс можно понимать и как процесс, и как результат, то такие зомби – самый наглядный результат антропного коллапса. Аннигиляция духовных ценностей или их замена на «симулякры», идущая ныне полным ходом, уже привела к необратимым последствиям в сфере человеческого духа. Индивидуальность превращается в нечто аморфное, а люди обречены становиться статистическими единицами, жадно внимающими медийному пространству и лишь бездумно отражающими то, что в нем происходит.

Человек бежит из реального мира в виртуальный мир и в процессе этого бегства утрачивает собственно человеческие черты: любовь и ненависть, гнев и боль, сострадание и радость. «Если раньше ценилась “железная логика”, теперь ценятся “неясная логика” и “слабое мышление”. Если раньше мужчина ценился за ум и силу, то теперь в цене – нечто аморфное и бесполое, наподобие современных эстрадных андрогинов» [4, с. 276–277].

Прав был Ортега-и-Гассет, что «без духовной власти... человечество погружается в хаос» [12, с. 121]. Человека толпы, деперсонализированного индивида не могут впечатлить слова великого Канта, преклонявшегося перед звездным небом и моральным законом. В небо такие индивиды смотреть не станут. Массовый человек предпочтет рассматривать авангардистскую живопись или созерцать безумство разнообразных «перфомансов» наподобие современной версии балета Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта», поставленной в Париже в сентябре 2022 года. Там в главных ролях заняты два танцора. Ромео играет негр, а в образ Джульетты вжился бородатый белый мужчина. Воистину, по сравнению с такими «перформансами» спектакль «Женитьба» в постановке театра Колумба из бессмертных «12 стульев» представляется близким к академическому классицизму!

Человеку толпы, стремящемуся «казаться, а не быть», как нельзя более подходит аморфная бездуховность и этическая беспочвенность постмодернизма. Ранее мы оценивали постмодернизм как «вырождение философии и всякой культуры вообще. Постмодернизм проявил себя как мощная форма отчуждения человека от целерационального проектирования и социального действия» [4, с. 276]. Этой оценки мы придерживаемся и по сей день, как и той констатации, что «некоторые течения постмодернизма содержат в себе ряд смелых и оригинальных идей, но идеи эти чрезвычайно трудно распознать и выявить из того словесного мусора, который нагроможден на философском пространстве постмодернизма» [4, с. 276].

Кризис и вырождение человеческой духовности тесно связаны с уничтожением самим человеком собственной среды обитания. Ныне ясна полная беспочвенность былых надежд на то, что успехи информационной революции могут создать объективную предметную основу, которая позволит отвести термоядерную и экологическую угрозу, нависшую над человечеством. Если слова Мичурина о селекции («Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача») еще несколько десятилетий назад у нас в стране без особых раздумий полагали основой *modus operandi* по отношению к природе в целом, то ныне ситуация изменилась.

Еще в 1994 году специалисты, принимавшие участие в работе так называемой комиссии «Гор – Чернобырдин», пришли к выводу, что весь мир стремительно движется от состояния экологического кризиса к глобальной экологической катастрофе. Напомним, что сам Альберт Гор, помимо того, что занимал пост вице-президента США с 1993 по 2001 гг., вполне справедливо считается экологом с мировым именем. В 2007 году ему была присуждена Нобелевская премия мира именно за активную деятельность по защите окружающей среды и фундаментальные исследования по проблеме изменения климата. Его фильм «Неудобная правда» (2007), равно как и фильм «Дом» (2009) Яна Бертрана и Люка Бессона, произвели в свое время эффект разорвавшейся бомбы.

Ведь «человек толпы» предпочитает не задумываться о том, что вся его повседневная жизнь буквально погружена в океан разнообразных химических веществ. Теперь полные восторженности слова великого М. В. Ломоносова,

которые раньше знал каждый советский школьник («Широко простирает химия руки свои в дела человеческие... Куда ни посмотрим, куда ни оглянемся, везде обращаются перед очами нашими успехи ее прилежания»), уже не воспринимаются с былым восторгом. У мыслящих людей они вызывают довольно печальные раздумья.

«Человек разумный» за последние восемьдесят лет техногенной цивилизации настолько отравил свою среду обитания, что его нервная система, воспроизводительные способности и соматические проявления оказались под угрозой. В ряде регионов мира явственны признаки физического и интеллектуального вырождения людей.

Подчеркнем, что именно низкий уровень духовности последних двух – трех поколений, которые оказались не в состоянии понять всю остроту глобальной экологической проблематики, явился главной причиной глобального экологического кризиса. Это невежество является одним из свойств одномерного человека эпохи глобализации, живущего по принципу Людовика XV «Après nous le déluge» (После нас – хоть потоп). Экологи говорят о пяти основных параметрах, по которым можно судить о состоянии нашей планеты: население, ресурсы, промышленная продукция, питание, загрязнение среды обитания. Называют и приблизительное время катастрофы – 2040 год.

Разумеется, можно назвать причины и составляющие экологического кризиса, вытекающие из антропогенных факторов, отнюдь не равных по своей значимости. Это и демографический взрыв (биосфере планеты была свойственна относительная устойчивость, пока население Земли не превысило двух миллиардов человек), и несовершенство современной техники и технологий, и громадное химическое загрязнение окружающей среды, и хаотичная, порой совершенно безумная урбанизация.

Мы согласны с Е. В. Дегтяревым, когда он пишет, что «можно говорить о некоем единстве, целостности, неразрывной цепочке, образующей триаду “биосфера – техносфера – ноосфера”». В ней каждое последующее звено образуется на базе предыдущего, но не сводимо к нему» [8, с. 141]. За последние 4–5 десятилетий эта цепочка начала провисать, а кое-где уже оборвалась.

У французского постимпрессиониста Поля Гогена есть картина, в заглавие которой вынесены три вопроса «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем»? Она была создана художником на Таити – том самом острове, который вызвал столь живой интерес у Дени Дидро после прочтения книги Бугенвиля. Эта картина – художественное воплощение пути, пройденного человечеством и метафорическое предсказание его будущего. Полотно Гогена теснейшим образом связано с проблемами смысла жизни, вопросами аксиологии и этики.

Видимо, Гоген отправился на Таити именно после штудирования книг Бугенвиля и Дидро в поисках общества, устроенного на более добрых и простых, естественных началах, чем его родная Франция. Его картину нужно читать справа налево: три основные группы образов художественным образом отвечают на вопросы, поставленные в названии картины. Здесь и этапы

жизненного пути – как отдельного индивида (начало жизни, зрелость и старость), так и человечества в целом, и намек на загробный мир, и таинственные письмена.

Картина Гогена заставляет задуматься о прошлом и будущем человечества, которое уже в то время заблудилось на онтологическом и нравственном перепутье. На этом же опасном перепутье оно продолжает блуждать и по сей день, и выхода пока нет. Видимо, некую «точку невозврата» западный человек уже прошел. Все это очень печально и искренне хочется быть неправым в этих пессимистических оценках.

Итак, подведем итоги нашего исследования и перечислим признаки антропного коллапса, ныне являющегося уже не потенциальной, а объективной реальностью: 1) политкорректность и ложно понимаемая толерантность, угрожающие существованию европейской цивилизации на экзистенциальном уровне; 2) принижение гуманитарной культуры и девальвация образования в целом, ставшего ныне «услугой», а не базисом мыслящей личности; 3) совершенно безумное распространение нетрадиционных сексуальных отношений, девальвация и глумление над святыми понятиями «семья», «отец», «мать»; 4) примитивизация, а по сути – аннигиляция искусства и литературы, философским базисом коих выступает постмодернизм как условный комплекс философских воззрений глобализирующегося Запада; 5) уничтожение самим человеком собственной среды обитания.

Человек разумный превращается в деперсонализированного индивида, некоего «философского зомби», сохраняющего внешнее сходство с человеком, но напрочь лишенного сознания. Порой он даже не имеет субъективного опыта – во всяком случае, он не в состоянии его осмыслить. И это приводит к тому, что других людей такой зомби, то есть «человек без свойств», воспринимает также в качестве философских зомби, не признавая и не понимая их ценности в общегуманитарном смысле. Хотя сам эксперимент Чалмерса относится к философии сознания, но он вскрывает важную проблему этики и философской антропологии.

Мы начали эту работу словами прекрасного писателя и глубокого мыслителя Ивана Ефремова. Его же мыслями хочется и завершить эту статью, в которой намеренно не предлагаются и не осмысливаются возможные пути спасения, ибо это – тема особого исследования. В романе «Час Быка» Ефремов констатирует: «Самое трудное в жизни – это сам человек, потому что он вышел из дикой природы не предназначенным к той жизни, какую он должен вести по силе своей мысли и благородству чувств». Как известно, в этом прекрасном философском романе Ефремов размышляет о проблемах цивилизации, достигшей высокого уровня техники и готовой исследовать Космос, но совершенно не волнующейся о духовности, искусстве, моральном состоянии людей.

Диагноз Ефремова печален: такая цивилизация обречена на жесточайший кризис, выбраться из которого самостоятельно она уже, видимо, не способна. Ефремов предвидел, что ситуация в современном информационном обществе может вырваться из-под контроля разными способами. Это может быть и

ядерная война, и экологический кризис, и пандемия, случившаяся вследствие высвобождения смертельного вируса, предназначенного для биологической войны, и тотальный контроль над генами и психикой человека. Все вышеназванные угрозы мы видим в современную эпоху. И именно поэтому ее с полным правом можно назвать антропным коллапсом.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / перевод с французского А. Качалова. – М.: ПОСТУМ, 2017. – 320 с.
2. Бурдьё П. Социология социального пространства. – СПб: Алетейя, 2012. – 288 с.
3. Бурдьё П. Социология политики. – М.: Sozio-Logos, 1993. – 336 с.
4. Горохов П. А. Историко-философские этюды. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 283 с.
5. Горохов П. А. Философские основания мировоззрения Иоганна Вольфганга Гёте. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Екатеринбург, 2003. – 363 с.
6. Горохов П. А. *Ens realissimum*: Жизнь и философия Иоганна Вольфганга Гёте: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 401 с.
7. Горохов П. А. Философские представления о «человеке будущего» в мировой фантастике // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2019. – № 3. – С. 28–46. URL: <http://fikio.ru/?p=3700> (дата обращения 01.06.2023).
8. Дегтярев Е. В. Проблема техносферы в контексте воззрений В. И. Вернадского на ноосферу // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 29 (167). – С. 140–143.
9. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
10. Достоевский Ф. М. Идиот; Бесы: Романы / вступительная статья Е. Татаринова; примечания А. Тереховой. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
11. Иван Антонович Ефремов. Переписка с учёными. Неизданные работы. – М.: Наука, 1994. – 284 с.
12. Ортега-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.
13. Попов Д. В., Векленко П. В. Антропный коллапс и биополитический кризис // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – №4. С. – 59–72.
14. Сад де Д. А. Ф. Жюстина, или несчастная судьба добродетели. – М.: Издательство СП «Интербук», 1991. – 336 с.
15. Хомский Н. Несостоятельные Штаты: злоупотребление властью и атака на демократию. – М.: Столица-Принт, 2007. – 480 с.
16. Хомский Н. Системы власти: беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи. – М.: КоЛибри, 2014. – 256 с.
17. Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман; вступ. статья Н. Вильмонта; коммент. и указ. А. Аникста. – М.: Художественная литература, 1986. – 669 с.

18. Falk D. The Philosopher's Zombie // Aeon. A world of Ideas. URL: <https://aeon.co/essays/what-can-the-zombie-argument-say-about-human-consciousness> (дата обращения 08.10.2022).

References

1. Baudrillard J. Simulacra and Simulations [*Simulyakry i simulyatsii*]. Moscow: POSTUM, 2017, 320 p.
2. Bourdieu P. Sociology of Social Space [*Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva*]. St. Petersburg: Aleteyya, 2012, 288 p.
3. Bourdieu P. Sociology of Politics [*Sotsiologiya politiki*]. Moscow: Sozio-Logos, 1993, 336 p.
4. Gorokhov P. A. Historical and Philosophical Studies [*Istoriko-filosofskiye etyudy*]. Moscow: INFRA-M, 2020, 283 p.
5. Gorokhov P. A. Philosophical Foundations of the Worldview of Johann Wolfgang Goethe [*Filosofskiye osnovaniya mirovozzreniya Ioganna Volfganga Gete*]. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. Yekaterinburg, 2003, 363 p.
6. Gorokhov P. A. *Ens realissimum: The Life and Philosophy of Johann Wolfgang Goethe* [*Ens realissimum: Zhizn i filosofiya Ioganna Volfganga Gete*]. Moscow: INFRA-M, 2021, 401 p.
7. Gorokhov P. A. Philosophical Ideas about the “Man of the Future” in World Science Fiction [Filosofskiye predstavleniya o “cheloveke buduschego” v mirovoy fantastike]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2019, no. 3, pp. 28–46. Available at: <http://fikio.ru/?p=3700> (accessed 1 June 2023).
8. Degtyarev E. V. The Problem of the Technosphere in the Context of the Views of V. I. Vernadsky on the Noosphere [Problema tekhnosfery v kontekste vozzreniy V. I. Vernadskogo na noosferu]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Chelyabinsk State University), 2009, no. 29 (167), pp. 140–143.
9. Deleuze J. The Logic of Sense [*Logika smysla*]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2011, 472 p.
10. Dostoevsky F. M. The Idiot; Demons: Novels [*Idiot; Besy; Romany*]. Moscow: Eksmo, 2008, 864 p.
11. Ivan Antonovich Efremov. Correspondence with Scientists. Unpublished works [*Ivan Antonovich Yefremov. Perepiska s uchonymi. Neizdannyye raboty*]. Moscow: Nauka, 1994, 284 p.
12. Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses [*Vosstaniye mass*]. Moscow: AST, 2002, 509 p.
13. Popov D. V., Veklenko P. V. Anthropoc Collapse and Biopolitical Crisis [Antropnyy kollaps i biopoliticheskiy krizis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* (Knowledge. Understanding. Skill), 2020, no. 4, pp. 59–72.
14. Sade de D. A. F. Justine, or The Misfortunes of Virtue [*Zhyustina, ili neschastnaya sudba dobrodeteli*]. Moscow: Interbuk, 1991, 336 p.

15. Chomsky N. Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy [*Nesostoyatelnyye Shtaty: zloupotrebleniye vlastyu i ataka na demokratiyu*]. Moscow: Stolitsa-Print, 2007, 480 p.

16. Chomsky N. Power Systems: Conversations on Global Democratic Uprisings and the New Challenges to U.S. Empire [*Sistemy vlasti: besedy o globalnykh demokraticeskikh vosstaniyakh i novykh vyzovakh amerikanskoy imperii*]. Moscow: KoLibri, 2014, 256 p.

17. Eckermann J. P. Conversations with Goethe: In the Last Years of His Life [*Razgovory s Gete v posledniye gody yego zhizni*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986, 669 p.

18. Falk D. *The Philosopher's Zombie*. Available at: <https://aeon.co/essays/what-can-the-zombie-argument-say-about-human-consciousness> (accessed 1 June 2023).

УДК 323.25

Отношение пользователей социальной сети ВКонтакте к введению обязательного оформления Fan ID для посещения матчей*

Антоненко Светлана Дмитриевна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Высшая школа лингводидактики и перевода, студент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: antonenko.sd@edu.spbstu.ru

Блохин Николай Юрьевич – Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого, Высшая школа физики и технологии материалов, студент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: kotambic.2004@gmail.com

Зернов Кирилл Владимирович – Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого, Высшая школа механики и процессов управления, студент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: zernov.kv@edu.spbstu.ru

Кондурова Мария Тимофеевна – Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого, Высшая школа лингводидактики и перевода, студент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: kondurova.mt@edu.spbstu.ru

Авторское резюме

Состояние вопроса: После введения требования о необходимости получения Fan ID для посещения футбольных матчей на стадионе развернулось активное обсуждение необходимости и целесообразности данной меры. Многие футбольные болельщики и фанаты, представители органов власти, спортивные ведущие и журналисты активно высказывают своё мнение в следующих источниках: средства массовой информации, блоги и социальные сети. Благодаря упрощению условий получения паспорта болельщика для инвалидов, пенсионеров и детей напряжённость в этом вопросе немного снижается. Зачастую стадионы пустуют, поэтому билеты на посещение футбольных матчей часто раздают бесплатно или придумывают акции, чтобы поднять посещаемость.

Методы исследования: В работе нашли применение общенаучные методы, такие как наблюдение и количественно-статистический эмпирический анализ, позволяющие выявить состояние общественного мнения по данному вопросу.

Результаты: Цифровизация влияет на жизнь граждан, расширяя как их возможности, так и влияние государства. Граждане обеспокоены тем, что реформы, направленные на предотвращение правонарушений и обеспечение безопасности на матчах, могут повлечь за собой усиление контроля над личной жизнью и потерю конфиденциальности. Из-за этого диссонанса пользователи

* © Антоненко С. Д., Блохин Н. Ю., Зернов К. В., Кондурова М. Т., 2023.

Интернета высказываются на тему введения обязательного оформления Fan ID в социальных сетях. Проведенный анализ постов позволил сформировать картину восприятия темы Fan ID в футбольном сообществе: все истории и новости в постах отражают реальные события, происходящие в футбольном мире. Большинство аккаунтов личные или новостные. Пользователи выражают своё мнение с помощью шуток на тему отсутствия болельщиков на стадионе из-за Fan ID, создают мемы. Участники объединений «Ландскрона» и «Виразж» активно протестуют против Fan ID. Некоторые авторы утверждают, что Fan ID – полезная и удобная система, вполне успешно выполняющая задачу, ради которой его ввели – обеспечение безопасности на матчах. Помимо предложений, касающихся непосредственно самой системы паспорта болельщика, авторы постов также предлагают альтернативные способы привлечения зрителей на матчи. Таким образом они хотят показать, «каким прекрасным был футбол до Fan ID». Авторы отмечают не только то, что стадион заполнен, но и то, что на стадионе присутствуют клубы поддержки, которые создают привычную болельщикам атмосферу спортивных мероприятий.

Область применения результатов: С помощью анализа результатов можно определить, какие изменения в системе Fan ID будут наиболее важными и актуальными для разных категорий пользователей. Анализ результатов может помочь тестированию и разработке новых функций и сервисов для системы Fan ID. Понимание того, что пользователи ожидают от системы и какие функции наиболее важны может помочь разработчикам создать более удобный и уникальный продукт, который будет удовлетворять потребности пользователей.

Выводы: Большая часть авторов постов негативно относятся к введению Fan ID, причем недоверие вызывает как контроль государства, так и сама цифровая система. В то же время существуют граждане, спокойно относящиеся к мерам усиления контроля. Для подтверждения мнения авторы используют иллюстрации для постов.

Ключевые слова: Fan ID; паспорт болельщика; футбол; болельщики; протест болельщиков; безопасность спортивных мероприятий; идентификация; цифровизация.

The Attitude of Users of the VKontakte Social Network Towards the Introduction of Mandatory Fan ID Registration for Attending Matches

Antonenko Svetlana Dmitrievna – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Graduate School of Applied Linguistics, Translation and Interpreting, bachelor student, Saint Petersburg, Russia.

Email: antonenko.sd@edu.spbstu.ru

Blokhin Nikolay Yurievich – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Graduate School of Physics and Technology of Materials, bachelor student, Saint Petersburg, Russia.

Email: kotambic.2004@gmail.com

Zernov Kirill Vladimirovich – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Graduate School of Mechanics and Control Processes, bachelor student, Saint Petersburg, Russia.

Email: zernov.kv@edu.spbstu.ru

Kondurova Maria Timofeevna – Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Graduate School of Applied Linguistics, Translation and Interpreting, bachelor student, Saint Petersburg, Russia.

Email: kondurova.mt@edu.spbstu.ru

Abstract

Background: After the introduction of the requirement to obtain a Fan ID to attend football matches at the stadium, there has been an active discussion of the necessity and feasibility of this measure. Many football fans, government officials, sports presenters and journalists actively express their opinions in the following sources: mass media, blogs and social networks. The tension in the issue is slightly reduced due to the simplification of the conditions for obtaining a fan passport for people with disabilities, pensioners and children. Stadiums are often empty, so tickets to attend football matches are often given away for free or come up with different promotions to raise attendance.

Research methods: General scientific methods, such as observation and quantitative-statistical empirical analysis, were used in the work to identify the general state of public opinion on this topic.

Results: Digitalization affects the lives of citizens, expanding both their opportunities and the influence of the state. Citizens are concerned that reforms aimed at preventing crime and ensuring security at matches may entail increased control over personal lives and a loss of confidentiality. Internet users speak out in favor of mandatory Fan ID registration on social networks, because of this dissonance. The analysis of the posts made it possible to form a picture of the perception of the topic Fan ID in the football community: all the stories and news in the posts reflect real events taking place in the football world. Most accounts are personal or news ones. Users express their opinion about the absence of fans at the stadium due to Fan ID, making jokes and creating memes. Members of the Landskrona and Virage associations actively protest against Fan ID. Some authors claim that Fan ID is a useful and convenient system that performs the task for which it was introduced – ensuring security at matches. In addition to proposals directly related to the fan passport system itself, the authors of the posts also offer alternative ways to attract spectators to matches. In this way they want to show “how wonderful football was before Fan ID”. The authors note that not only the stadium is full, but also that there are support clubs at the stadium, which create the atmosphere of sports events familiar to fans.

Research implications: By analyzing the results, it can be determined which changes in the Fan ID system will be the most important and relevant for different

categories of users. Analysis of the results can help test and develop new functions and services for the Fan ID system. Understanding what users expect from a system and what functions are most important can help developers create a more user-friendly and unique product that meets user needs.

Conclusion: Most of the authors of the posts have a negative attitude towards the introduction of Fan ID. Moreover, distrust is caused by both state control and the digital system itself. At the same time, there are citizens who are calm about measures to strengthen control. To confirm the opinion, the authors use illustrations for posts.

Keywords: Fan ID; fan passport; football; soccer; fan protest; football fans; security of sports events; identification; digitalization.

Fan ID (паспорт болельщика) – идентификационный документ, который выдается зрителям на больших спортивных мероприятиях, таких как Чемпионат мира по футболу. Fan ID необходим для получения доступа на стадион и проживания в стране, где проходит турнир. Он содержит информацию о зрителе, включая его имя, фотографию и данные паспорта. Fan ID был введен в России в 2017 году во время Кубка конфедераций FIFA и был использован на Чемпионате мира по футболу в 2018 году. Он был разработан для обеспечения безопасности зрителей и упрощения процесса получения визы для иностранных граждан. 1 июля 2022-го вступил в силу закон об обязательном оформлении Fan ID для посещения матчей Российской премьер-лиги и матчей Кубка России. Для того, чтобы оформить Fan ID, нужно оформить заявку на его получение онлайн или в пункте МФЦ, а затем очно подтвердить личность в том же МФЦ. Паспорт болельщика задумывался как средство противодействия противозаконным действиям футбольных болельщиков во время матчей и идентификации нарушителей порядка на матчах, а также для профилактики нарушений [см.: 1, с. 289–290]. Некоторые люди выражают протест против обязательного оформления Fan ID, считая это нарушением прав человека, однако организаторы турниров утверждают, что Fan ID необходим для обеспечения безопасности всех участников мероприятия и соблюдения законов страны-хозяина.

Иностранным гражданам, имеющим Fan ID на Чемпионат мира по футболу 2018, не нужно было оформлять визу для поездки в Россию – Fan ID являлся заменой визы для периода с 4 июня по 15 июля 2018 года и давал право на многократный въезд и выезд из России. Это было сделано для того, чтобы иностранным болельщикам было легче получить разрешение на въезд в страну, а также для облегчения организации турнира [см.: 2, с. 105]. Чемпионат привлек огромное количество туристов, и Fan ID, введенный для обеспечения безопасности, исправно выполнял задачу профилактики и пресечения беспорядков на матчах и вне их. Впрочем, именно этими послаблениями смогли воспользоваться преступники, обеспечив путь сбыта наркотиков в Россию [см.: 3].

Ещё один повод для волнения – конфиденциальность данных людей, оформивших паспорт болельщика. Для оформления Fan ID используются личные паспортные данные, что на фоне недавних масштабных утечек данных крупных компаний [см.: 4] вызывает беспокойство граждан. Согласно опросу, приводимому Рувинским Р., Рувинской Е. и Комаровой Т. в статье «Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае» [см.: 5, с. 65], 59 % россиян не доверяет государству и частным компаниям в хранении данных, и причиной может быть то, что, согласно тому же исследованию, $\frac{2}{3}$ утечек происходят не из-за внешних угроз, а из-за действий сотрудников компаний, занимающихся сбором данных.

Недоверие болельщиков к ограничительным мерам безопасности, требующим идентификации, напоминает протесты против обязательного оформления QR-кодов в период пандемии COVID-19. Сомнение в мерах по противодействию инфекции привело к тому, что все больше россиян стали недоверчиво относиться к ограничительным мерам от властей. Аналогично ситуации с протестами против Fan ID, некоторые граждане избегали вакцинации и получения QR-кода (покупка чужого кода, увольнение, самоизоляция и посещение лишь тех мест, где код не нужен, и т. д. [см.: 6]), потому что считали, что ограничительные меры, накладываемые государством, – нарушение их личных свобод и конфиденциальности их данных [см.: 7].

Цифровизация сегодня все в большей степени влияет на жизнь граждан, расширяя как их возможности, так и влияние государства [см.: 8; 9]. Вопрос о соотношении соображений безопасности и личных свобод очень сложный. Масштаб использования цифровых технологий определяется как существующими проблемами и возможными способами их решения, так и спецификой мировоззрения в разных странах [см.: 10]. Сегодня наиболее ярко особенности цифрового контроля можно наблюдать на примере социального рейтинга в Китае. Эта система была частично запущена в 2014 году и предполагает сбор и анализ данных о поведении граждан, включая информацию о покупках, местонахождении, социальных связях, их социальную ответственность, уважение к закону, личную репутацию граждан, их финансовое положение, социальный статус и т. д. На основе этих данных каждому гражданину присваивается рейтинг, который может быть использован для получения различных привилегий или наказаний. Например, высокий рейтинг может помочь получить кредит или более высокий статус в обществе, а низкий рейтинг приводит к ограничениям в путешествиях, работе и т. д. [см.: 11, с. 252–256] С одной стороны, такой государственный контроль может помочь предотвратить террористические акты и другие угрозы безопасности, с другой – может привести к нарушению прав граждан на конфиденциальность и неприкосновенность личной жизни, а постоянный тотальный контроль влечет напряжение, параноидальные и суицидальные настроения у граждан [см.: 12, с. 884].

Другим примером подобной устоявшейся системы, которая в зависимости от социального статуса и других параметров ограничивает или,

наоборот, поощряет, является система кредитного рейтинга. Кредитный рейтинг составляется на основе анализа истории кредитной активности заемщика. Если кредитный рейтинг низкий – заемщик может попасть в «черный список», и кредит ему не оформят [см.: 13].

По аналогии с этими системами за оформление Fan ID и «хорошее поведение» болельщик получает скидки на билеты и товары брендов-партнеров, сувенирную продукцию, денежные средства для реализации на сайте клуба, фанатскую атрибутику и билеты на места повышенной комфортности [см.: 14], а за «плохое» – заносится в черный список и матчи посещать уже не сможет. Болельщику могут отказать в оформлении Fan ID без объяснения причин, из-за «намерения совершить противоправные деяния», даже если он ранее не был замечен в нарушении правил посещения спортивных мероприятий. Кроме того, вероятность не получить Fan ID выше, если подающий заявку совершал действия, которые в какой-то мере относятся к текущей политической ситуации, причем к футболу совершенно не относящиеся [см.: 15].

После вступления в силу закона от 1 июня 2022 года об обязательном оформлении Fan ID для посещения ряда матчей футбольные фанаты стали массово бойкотировать соревнования. Количество зрителей на матчах стремительно уменьшалось, клубы терпели убытки. Отдельным поводом для возмущения стали инициативы государства по привлечению зрителей на матчи и популяризации футбола среди молодежи: клубы стали бесплатно раздавать билеты оформившим Fan ID. Сообщения о бесплатных билетах стали появляться в чатах различных организаций и учебных заведений: университетов, колледжей, школ и детских садов [см.: 16]. Посетителям матчей стали выдавать бесплатную атрибутику спортивных клубов и обеды, и даже разыгрывали среди зрителей матча автомобиль [см.: 17]. Ещё одна мера привлечения посетителей – соединять матчи с концертами популярных музыкальных исполнителей, такие как группа Т.а.Т.и, Люся Чеботина, GAYAZOV\$ BROTHER\$, Slava Marlow, Валерий Сюткин, Ёлка, МакСим, Григорий Лепс, группа Би-2, Александр Розенбаум, Егор Крид, группа Little Big, группа Дискотека Авария, Zivert и другие [см.: 18]. Важно отметить, что введение системы Fan ID не нарушает законов: ещё в 2020 году были подготовлены соответствующие документы и поправки в федеральный закон №329 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», а санкции для нарушителей (штрафы, временное ограничение свободы, полный запрет появляться на таких мероприятиях) существовали и до введения паспорта болельщика: такие меры в отношении нарушителей принимались через суд [см.: 1, с. 295; 19, с. 193–195]. В 2013 ввели федеральный закон №152 «О персональных данных» который тоже, аналогично ситуации с Fan ID, вызвал мощный протест [см.: 20], и который лёг в основу федеральных законов, которые позволили этой реформе осуществиться.

Для того чтобы узнать, почему протесты продолжаются и против каких аспектов выступают пользователи, мы провели исследование. Всего было

рассмотрено 100 постов из социальной сети ВКонтакте, каждый из которых был проанализирован по 7 критериям.

- 1) Принадлежность аккаунта.
- 2) Характер поста.
- 3) Сторонником какого клуба является автор поста?
- 4) Отношение к введению обязательного оформления Fan ID и аргументация мнения.
- 5) Предложения по урегулированию ситуации.
- 6) Чем проиллюстрирован пост?
- 7) Временной промежуток, в который был опубликован пост.

1 Принадлежность аккаунта

Больше всего говорят про Fan ID с личных аккаунтов (35 %) и новостных порталов (31 %). Дальше идут клубы фанатов (14 %). Примерно одинаковое количество аккаунтов спортивного клуба (7 %), блогов о футболе (5 %) и личных блогов (5 %). Развлекательные сообщества занимают 2 % от общего количества постов, портал госорганизации 1 %. Все истории и новости в постах отражают реальные события, происходящие в футбольном мире. Принадлежность аккаунта на это не влияет. Большинство аккаунтов личные или новостные. Пост на портале госорганизации призывает к оформлению Fan ID. Данный призыв отражает политику государства в этой сфере.

2 Характер поста

Большая часть постов являются личным мнением авторов (52 %). Данный факт свидетельствует о желании высказать свою точку зрения, указать на недостатки, негативные последствия или позитивное влияние введения Fan ID. Следующий по частотности характер поста: новости и их обзор (22 %). Новостные порталы и спортивные клубы публикуют анонсы событий, разбирают прошедшие события. В большинстве случаев это происходит без оценки событий. Однако описываемые события выражают протест против Fan ID. Следующими идут интервью с футболистами (6 %) и рассуждения на отвлечённую тему с упоминанием Fan ID (7 %). Из-за влиятельности футболистов интервью с ними публикуются на многих платформах, обсуждаются и комментируются. Футболисты призывают власти к действию: «нужно решать проблему» – подобные фразы используются в каждом интервью. Остальные виды постов имеют схожую весовую значимость: шутка на тему (3 %), опыт получения (2 %), опыт посещения матча (2 %), призыв к действию (2 %), процитированное мнение (2 %), реклама протестных стикеров (1 %), репортаж (1 %). Пользователи выражают своё мнение с помощью шуток на тему отсутствия болельщиков на стадионе из-за Fan ID, создают мемы.

3 Сторонником какого клуба является автор поста?

В большинстве случаев не было указано, сторонником какого клуба является автор поста (47 %). Далее значимое первое место среди клубов занимает ФК «Зенит» (19 %). После него распространённость имеет ФК

«Спартак Москва» (11 %). Третье место было определено ФК «Локомотив Москва» (8 %). Четвёртое и пятое места отданы клубам с примерно одинаковым количеством процентов: ФК «ЦСКА» (4 %) и ФК «Амкар Пермь» (2 %). В остальных случаях мы наблюдаем минимальный процент (1 %). Эти показатели не случайны. По результатам некоторых исследований и социологических опросов, «Зенит» называют самым популярным футбольным клубом России. «Армия» болельщиков «Зенита» по разным оценкам насчитывает 13–14 млн. человек. «Сине-бело-голубым» симпатизируют 11 % россиян, интересующихся футболом, московскому «Спартаку» – 8 %, «Динамо» и ЦСКА – по 7 %, другим командам отдают свои предпочтения по 2 % опрошенных [см.: 21]. Ещё одной причиной высокого процента фанатов «Зенита» среди авторов постов могут быть «Ландскрона» и «Виразж» – одни из самых крупных фанатских объединений, которые посещают каждый матч Зенита в качестве полуофициальной группы поддержки. Участники именно этих объединений активно протестуют против Fan ID.

4 Отношение к введению обязательного оформления Fan ID и аргументация мнения

Среди мнений, почему авторы негативно относятся к Fan ID, лидирует мнение: «Из-за Fan ID снижается посещаемость матчей» (22 %). Многие фанаты бойкотируют матчи, для посещения которых требуется оформить Fan ID, и, по мнению некоторых авторов, из-за этого футбол теряет популярность. 13,8 % авторов утверждают, что эта инициатива нарушает их права, так как оформление Fan ID подразумевает использование паспортных данных, а также потому что они больше не могут посещать матчи анонимно. С этим мнением связано менее распространенное: 4,1 % авторов считают, что Fan ID – инструмент для государственного контроля над гражданами; согласно автору одного из постов, данные болельщиков, в том числе данные загранпаспорта, собираются для пополнения базы данных граждан, предназначенной для работы системы по распознаванию лиц, которая открыто работает в некоторых городах России: «Внедряется повсюду система распознавания лиц, и по алгоритму действий каждого человека, движений его тела, даже без лица могут понять, что это за человек. Идёт снятие биометрии, цифровизация всего и вся... Давайте мы будем это использовать для блага, экономики, для реальных вещей». Из-за того, что крупные фанатские объединения, в частности объединение «Виразж», которое с громкими «кричалками» и песнями выступало на каждом матче «Зенита», бойкотируют матчи и призывают болельщиков делать то же самое; согласно 11,4 % постов, «атмосфера на матчах уже не такая, как раньше». К примеру, в одном из постов автор иронизирует над рекламными баннерами, не считая, что футбол без привычных для матчей групп болельщиков остается таким же интересным: «Пока городские рекламные баннеры призывают нас оформить Fan ID, чтобы ощутить атмосферу и “мурашки”, мы предпочитаем гонять на выезда, туда, где не нужны паспорта, чтобы поддержать любимый клуб». 6,5 % пользователей считают, что процесс оформления сложный и занимает слишком много

времени – «болельщик должен приходить на стадион и получать удовольствие, а не заниматься бюрократией», к тому же для оформления и использования Fan ID нужно установить на смартфон специальное приложение, а у некоторых слоёв населения, особенно у пенсионеров, на его покупку нет денег. Другой слой населения, у которого возникают проблемы с оформлением Fan ID – дети, для посещения матча паспорт болельщика нужен даже младенцам, и как негативный аспект это указали 2,4 % авторов. Ещё одна проблема, по мнению авторов, которая возникает в связи с тем, что для оформления Fan ID нужно очно прийти в МФЦ – невозможность спонтанно прийти на матч. 1,6 % авторов также отмечают, что упрощение действует только для определенных групп граждан, а для остальных послаблений не появилось: «Мы по-прежнему будем бойкотировать матчи РПЛ, потому что упрощение будет применено для детей, инвалидов и пенсионеров. Нас в списке нет. Упрощение процедуры – не значит отмена. А мы разве за упрощение бьемся?». Как упоминалось в статье ранее, для привлечения посетителей клубы и компании использовали различные методы, скидки и подарки, что 5,7 % авторов посчитали «оскорблением болельщиков», которые, если бы не Fan ID, посещали бы соревнования даже без подарков и бесплатных билетов. Возмущает 4,9 % авторов также и то, что посетители матча, которые пришли, воспользовавшись специальными предложениями клубов, не являются «настоящими фанатами», а потому матчи превращаются в «немой театр»: «Александр Соболев похвалил работу Зенита с болельщиками, оценив посещаемость. Видимо Сане хочется видеть льготников с флажками, которые им раздали вместе с методичками “как вести себя, чтобы все думали, что вам интересен футбол” и детьми за барабанами». 4,1 % авторов утверждают, что система, которая по своей задумке должна упростить процесс регистрации на матч и обезопасить болельщиков, «не работает как надо». К примеру, автор одного из постов возмущен тем, что система QR кодов для прохода неудобная и вызывает проблемы на входе: «Не понимаю, почему система остается такой неудобной даже для тех, кто все-таки оформил документ. Зачем нужны новые QR-коды на каждый матч? Почему нельзя сделать код хотя бы на сезон?» Проблемы также возникали ещё на этапе оформления: «...паспорт болельщика должны получать даже футболисты, судьи, тренеры и журналисты... Но проблемы были даже у игроков, например, они 10 раз отправляли фотографию, но ее не принимали». К тому же, в оформлении Fan ID могут отказать без объяснения причин из соображений безопасности, что вызывает негодование у 1,6 % авторов: «Это возможность для правоохранительных органов и представителей власти заблокировать того или иного посетителя без объяснения причин. У нас человек может быть ограничен в посещении спортивных мероприятий только по закону, по суду. Но как мы знаем по Кубку конфедераций и ЧМ, если ты просто чем-то не понравился, были у тебя приводы в полицию на футболе 10 лет назад или что-то ещё – все, ты уже в базе опасных лиц, и тебя блокируют». Исходя из этих соображений 2,4 % авторов считают, что правительство намеренно выступает против «Культуры болельщиков» и столько же (2,4 %) считает, что правительство принимает такие меры безопасности из-за «ложного

стереотипного образа болельщика»: «Сегодня же болельщики для власти в массе своей маргиналы, радикалы и хулиганы, с которыми якобы даже не стоит считаться». «Когда слышишь рассказы про хулиганов и драки на стадионах, из-за которых простой человек не может пойти на футбол с девушкой или семьёй, чётко понимаешь, говорящий не имеет ни малейшего представления и не был на матче минимум лет 15». Ещё один аспект, который является следствием падения посещаемости матчей – финансовый. «Клубы и компании-партнеры несут убытки», в качестве недостатка указали 2,4 % авторов, а 1,6 % считают, что «введение системы требует слишком много бюджетных денег, возможная причина – коррупция»: «Более того, для продвижения проекта в футбольном сообществе были привлечены другие уважаемые люди», которые смогли достичь кучу договоренностей со всеми. В общем, идеальный план по освоению бюджетных денег. Никаких иных причин так активно бодаться за Fan ID нет». В качестве аргументов, появившихся среди выборки всего один раз, были такие: «Власти продвигают ложную статистику о посещаемости матчей»; «...но 30 тысяч все не набирается. И это проблема, потому что Смольный отчитывается в Москву аж 200 тыс. участников различных волонтерских организаций, а на стадионе 10–15 тыс. сидит. Где остальные 185 тыс.? Нарисовали?»; «Государство не слушает фанатов»: «Мнение клубов (в большинстве нейтральное), мнение фанатов, которые и ходили на стадионы (резко отрицательное), было не услышано. Да ещё будет Государственная Дума отвлекаться на всякую ерунду! Fan ID ввели»; «Вредит вообще всем»: «Не нужна копам, потому что [...] они не упёрлись начальству на пустых трибунах просиживать матчи, а значит придётся реально работать и ловить настоящих преступников; не нужна, естественно, болельщикам и самим футболистам – никому. Но партия сказала “надо”». Исходя из этих данных мы можем сделать вывод, что большинство претензий (другая атмосфера, без весомой причины запрещают, процесс оформления в некоторых случаях слишком сложный, при этом сама система не всегда работает правильно, а также сбор данных нарушает конфиденциальность граждан) являются результатом личного опыта автора поста, и поэтому важны для анализа.

Вторая точка зрения после «Негативной» – «нейтральная» (14 %): авторы отмечают, что Fan ID «никак не повлиял» на них, или авторы рассматривают ситуацию со стороны, не высказывая личное мнение, но обозревая достоинства и недостатки или шутя про Fan ID, не оценивая его. Например, в одном из постов автор рассказывает о том, что несмотря на то, что на входе Fan ID доставил ему некоторые неудобства, «футбол был хороший», а насчет Fan ID «решать каждому по-своему».

Наконец, третья точка зрения. Среди тех, кто поддержал обязательное введение Fan ID (10 %), больше половины (56,3 %) считают, что паспорт болельщика – отличная мера безопасности: к примеру, в одном из постов автор рассказывает о случае с матча, на котором фаната, незаконно выбежавшего на поле, сразу вычислили с помощью Fan ID: «Благодаря Fan ID пацану будет запрещено посещать матчи РПЛ в течение, вероятно, 3 лет. А если он прошел по чужому Fan ID, то накажут и того, кто предоставил ему свой код», а в

другом автор рассказывает о том, что он «...строго “за”, потому что “прекрасно помнит что из себя представлял стереотипный фанат нулевых”: “...фанатская среда ИМХО все ещё остается одной из самых легковоспламеняемых за счет тех самых “активных болельщиков”, с которыми мы не захотим встретиться ни в темном переулке, ни у себя во дворе». В качестве ещё одного преимущества Fan ID 31,3 % авторов указали простоту оформления: «Все что нужно: подать предварительное заявление на Госуслугах и потом подойти к специалисту МФЦ. Всего за 5 минут!! мы оформили Fan ID! Вообще ничего сложного)», упоминали, что теперь, когда паспорт болельщика выпускается в электронном виде, оформить его стало ещё удобнее: «Тогда она представляла собой ламинированный бейдж. Сейчас карта выпускается в электронном виде: после оформления она будет доступна в личном кабинете Госуслуг». Продолжая тему, 12,5 % отметили то, что для определенных групп населения процедуру оформления упростили: «👍. Правительство упростило получение паспорта болельщика для детей до 14 лет, инвалидов и пенсионеров». Таким образом, авторы утверждают, что Fan ID – полезная и удобная система, которая выполняет задачу, ради которой его ввели – обеспечение безопасности на матчах.

5 Предложения по урегулированию ситуации

Помимо высказывания своего мнения, авторы постов также предлагают свои варианты урегулирования ситуации. Большая часть авторов (36,4 %) выступает за полную отмену Fan ID – фанаты считают, что Fan ID – «убийца футбола» и не готовы принимать никакие послабления. 4,1% авторов в дополнение к этому призывают усиленно бойкотировать инициативу, высказывать протест различными способами: например, фанатское сообщество «12 игрок» (номер болельщиков) выпустило ограниченным тиражом наклейки на заднее стекло автомобиля, чтобы протестную позицию владельца смогли увидеть даже те, кто просто наблюдает за проезжающими машинами.

Поддерживая протестующих против введения Fan ID, 1,7 % авторов также призывают протестовать против любых подобных попыток контроля граждан государством: «Болельщики вполне наглядно демонстрируют: люди, считающие себя людьми, а не стадом, могут отстоять свои права». 26,4 % авторов не предложили вариантов решения проблемы – они относятся к инициативе нейтрально или полностью поддерживают существующие меры. Среди тех, кто негативно относится к Fan ID также есть те, кто не предлагает никаких конструктивных способов решения – они предлагают лишь смириться и оформить паспорт болельщика, чтобы снова иметь возможность посещать матчи – такого мнения придерживается 4,1 % авторов. Один из них предлагает не отменять Fan ID и следовать примеру аналогичной турецкой системы Passolig, дать людям время, чтобы привыкнуть к реформе, ведь в случае России условия для болельщиков даже лучше, чем для турецких болельщиков: «...Потом вводят Passolig... трибуны пустеют, бойкоты, митинги, беспорядки... Passolig остался, спустя несколько сезонов снова люди вернулись на трибуны, да ещё и при условии, что FanID в Турции платный

(500–600 руб. за сезон)». Разнообразнее всего авторы предлагают варианты упрощения системы и привлечения болельщиков. Например, 6,6 % настаивают на упрощении процесса оформления, а также на послаблении в некоторых областях и для определенных групп граждан: например, 2,5 % авторов выступают за отмену Fan ID для детей и подростков до 16 лет: «Дети до 16 лет-то тут при чем? Они самые злостные нарушители?»; 1,7 % выступают за отмену Fan ID для пенсионеров и инвалидов, отменить Fan ID для персонала и спортсменов (0,8 %), а ещё 0,8 % предлагают упростить систему лицензирования клубов, ведь «...чтобы получить допуск к стыкам, нам надо установить на стадионе систему распознавания Fan ID... Во-первых, нет понимания, попадешь ли ты в эти стыки, во-вторых, выиграешь ли их – а оборудование надо закупать, чтобы получить лицензию. Знаете, какая цена этой игрушки? 25–35 миллионов рублей, в зависимости от числа выходов на трибуны». Также 6,6 % выступают за то, чтобы систему наладили, ввели новые функции, такие как «дополнительные механизмы удалённой идентификации личности с использованием электронной цифровой подписи» или «механизмы компенсации денежных средств на приобретение билета в случае приостановления действия карты болельщика». Помимо предложений, касающихся непосредственно самой системы паспорта болельщика, авторы постов также предлагают альтернативные способы привлечения зрителей на матчи, такие как «вернуть в продажу пиво на стадионы» (4, 1 %), в качестве знака уважения «не открывать продажи на [опустевший из-за протестов] фанатский ярус “Виража”» (0,8 %), «бесплатный проезд по карточке болельщика 3 часа до и после матча» (0,8 %), «позволить молодежи покупать билеты на матчи по “Пушкинской карте”» (0,8 %) и «не фальсифицировать статистику» (0,8 %).

6 Чем проиллюстрирован пост?

Наибольшее количество постов имеет такой способ иллюстрации, как фото (69 %). Делились ссылкой 17 %, а вот видеоматериалы решили приложить только 8 %. Оставшиеся 6 % – текстовые посты. Большая часть фотографий (18,8 %), которые пользователи выкладывают вместе со своими постами – фото полных стадионов, сделанные до введения Fan ID. Таким образом они хотят показать, «каким прекрасным был футбол до Fan ID». Авторы отмечают не только то, что стадион заполнен, но и то, что на стадионе присутствуют клубы поддержки, которые создают привычную болельщикам атмосферу спортивных мероприятий. На одной из фотографий, к примеру, болельщики ЦСКА выстроились так, чтобы своей одеждой образовать номер 12 (дополнительного игрока) в цветах клуба, который они пришли поддерживать.

В противовес фотографиям о том, как «хорошо» было до Fan ID, 11,3 % прикрепляет фото стадионов и трибун, опустевших из-за бойкота матчей болельщиками. Эти фотографии часто публикуют рядом, чтобы наглядно показать влияние паспорта болельщика на посещаемость матчей. Помимо фотографий, авторы также делают мемы на тему снижения посещаемости матчей (3,8 %) – на фото пустой трибуны накладывается ироничный текст,

объявление о матче стилизуется под киноафишу, намекая на то, что болельщики перестанут ходить на матчи и будут смотреть их только по телевизору или в записи.

Но не всегда фото стадионов «эпохи Fan ID» представляют собой фото пустых трибун: 6,3 % авторов опубликовали фотографии с матчами, на которых даже с учетом необходимости иметь Fan ID для посещения трибуны заполнены зрителями.

Иллюстрируя необходимость Fan ID, авторы также прикладывают фото беспорядков (1,3 %). Например, на одной из фотографий показан план стадиона, на котором видно, как группа болельщиков выкупила билеты на пустую трибуну так, чтобы занятые места образовали нацистский символ, что вызвало сильный резонанс в футбольном сообществе. 18,8 % пользователей для привлечения внимания прикрепили к посту фотографию известного футболиста или другой известной личности, на мнение которой они ссылались в своем посте, например фото депутата Николая Валугина и дизайнера и блогера Алексея Лебедева. С такой же целью авторы прикрепляют к постам логотипы клубов, которые они поддерживают (6,3 %). Для иллюстрации высказываний о Fan ID авторы постов также используют фотографии из МФЦ и мобильных пунктов выдачи паспортов болельщиков (3,8 %), фото самого Fan ID (2,5 %). 11,3 % пользователей для привлечения внимания использовали фотографии, не относящиеся к футболу. Бойкотирующие Fan ID болельщики прикладывают к своим записям фотографии протестов, протестных плакатов и атрибутики, чтобы показать, что они готовы разными способами выражать свою позицию. Например, на одной из фотографий мы можем увидеть, как болельщики завесили весь нижний ярус, ближайший к полю, плакатами и баннерами против Fan ID. На другой фотографии можно увидеть одиночный пикет у Кремля. Таких фотографий 12,5 % среди всех приложенных.

Ещё один способ выразить протест против контроля над гражданами (2,5 %) – фотографии трибун, на которых количество полицейских значительно превышает количество зрителей.

Среди приложенных видео в равной степени распространены как видеорепортажи о фанатах, видео на отвлеченную тему, так и авторские видео с аргументацией своей позиции насчет Fan ID – 28,6 %. Авторы делятся интервью с известными в футбольном сообществе болельщиками, чтобы показать, как важен для них футбол и что они не одобряют меры государства, направленные на «подавление футбольной культуры». В видео с аргументацией мнения авторы приводят причины, почему «Fan ID – это не о спорте, как и QR-код – это не о медицине».

Авторы прилагают видео на отвлеченную тему, иронизируя над ситуациями, о которых рассказывают в самом посте: к примеру, один из пользователей прикрепил к посту отрывок из мультфильма «Чертеноч № 13» со словами «Дома должен сидеть старый черт, а не шляться черт знает где», иллюстрируя новость о том, что у пенсионеров возникают трудности при оформлении Fan ID.

Ещё 14,4 % пользователей приложили видео о том, что такое система социального рейтинга, проводя параллели с Fan ID, например видео с названием «#соцрейтинг, I стадия #цифроконцлагерь, #киберконцлагерь – что это такое, как будет работать #мишустинн», в котором показывается отрывок из сериала «Черное зеркало», в котором у каждого гражданина есть кнопка, нажатием на которую можно повлиять на его рейтинг, от которого зависит социальное положение этого человека.

Большинство ссылок (60 %), приложенных к постам, ведут на новостные порталы, содержащие интервью с известными футболистами, которые авторы цитируют в своих постах. 20 % ссылок – ссылки на личные каналы авторов в Телеграме, в которых можно прочитать больше постов на эту тему. В равной степени (по 10 %) распространены ссылки на новости, касающиеся Fan ID и на новости футбола в общем.

7 Временной промежуток, в который был опубликован пост

Проанализировав собранную базу постов, мы получили, что 37 % от общего количества записей были опубликованы в мае 2023 года, 3 % – в январе 2023 года, 3 % – в апреле 2023 года и 6 % – в марте 2023 года. Далее получаем 8 % за январь 2022 года, 6 % за февраль 2022 года, 3 % за июнь 2022 года и за июль 2022 года. Также имеем минимальные 3 % за декабрь 2021 года. Это связано с тем, что закон о введении паспорта болельщика для доступа на спортивные мероприятия был подписан В. В. Путиным в конце декабря 2021 года, а вступил в силу с 1 июня 2022 года.

Выводы

На основании анализа постов можно сказать, что, несмотря на продолжающиеся протесты и обоснованную критику, власти пока не проявили готовность к изменению своей политики. Большая часть постов выражает негативное отношение к Fan ID (76 %), некоторые относятся к этому с юмором, другие открыто выражают своё недовольство. Для аргументации и наглядного представления собственного мнения пользователи выставляют фотографии, видеофрагменты как на тему Fan ID, так и на отвлечённые темы, подчёркивая важность проблемы. Однако есть пользователи, которые поддерживают введение Fan ID. Все доводы болельщика приводят из собственного опыта. Авторы, которые выступают против Fan ID, предлагают множество различных способов упрощения системы. Некоторые из них Правительство осуществило – например, упростило процесс получения Fan ID для детей до 14 лет, инвалидов и пенсионеров. Однако для большинства фанатов Fan ID остаётся проблемой: некоторым отказывают в оформлении, большинство боятся утечки информации, так как существуют недостатки в сфере конфиденциальности. Только открытый диалог и компромисс могут привести к положительному и равноправному результату для всех.

Список источников

1. Ситников К. А. Перспективы внедрения системы паспортов болельщиков в Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 289–301.
2. Буянова А. В., Палуб А. Ю. Единый Паспорт болельщика // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 5. – С. 103–106.
3. Наркодилеры из Южной Америки, попавшие в Россию по Fan ID, во время ЧМ-2018 вели переговоры о поставках кокаина в страну // Sports.ru. – URL: <https://www.sports.ru/football/1115074460-narkodilery-iz-yuzhnoj-ameriki-vo-vremya-chm-2018-veli-peregovory-o-po.html> (дата обращения: 15.05.2023).
4. DLBI представил статистику утечек данных за I квартал 2023 года // Цифровая Россия – всё об ИТ в государстве. – URL: <https://d-russia.ru/dlbi-predstavil-statistiku-utechek-dannyh-za-i-kvartal-2023-goda.html> (дата обращения: 15.05.2023).
5. Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. – 2021. – № 12. – С. 56–76. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.12.36824
6. Русский недобунт: как граждане борются с QR-кодами и чем это кончится // Ясно понятно. – URL: <https://dzen.ru/a/YZImSSE3dybTMHgl> (дата обращения: 15.05.2023).
7. «Этого не ожидали»: что говорит QR-протест о настроениях россиян // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/29/01/2022/61f3fefe9a79478dbad8a15e (дата обращения: 15.05.2023).
8. Tan A. Consensus without Consent // Technology and Language. – 2022. – № 3(3). – С. 119–130. DOI: 10.48417/technolang.2022.03.09
9. Lombard J. Biotechnological Agencies in our Information Society: The Emergence of Biocitizenship and Genetic Language // Technology and Language. – 2021. – № 2(4). – С. 73–93. DOI: 10.48417/technolang.2021.04.05
10. Быльева Д. С. Технология и философия в период пандемии // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021». – Москва: МАКС Пресс, 2021. – С. 911–913.
11. Графов Д. Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. – 2020. – № 2. – С. 250–259. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7165
12. Руф Ю. Н., Каримова Д. В. Возможности внедрения системы социального рейтинга в России в условиях цифровизации // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – № 2. – С. 881–890. DOI: 10.18334/vines.10.2.100772
13. Кредитный рейтинг: что это такое и как его улучшить // Banki.ru. – URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10964937> (дата обращения: 15.05.2023).
14. Узнайте, как оформить карту болельщика и посетить матчи // Динамо Москва. – URL: <https://fcdm.ru/fanid/> (дата обращения: 15.05.2023).

15. «Закон против футбола». Что важно знать о Fan ID // РБК. – URL: <https://sportrbc.ru/news/61ea92c49a79478026fc4b38> (дата обращения: 15.05.2023).
16. Бесплатные билеты на «Зенит» теперь предлагают даже в школьных чатах // Фонтанка.ру. – URL: <https://www.fontanka.ru/2023/03/25/72164231/> (дата обращения: 15.05.2023).
17. «Играем для болельщиков, а их нет». Что изменилось в российском футболе с появлением Fan ID // Ведомости Спорт. – URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/03/12/966121-fan-id-rpl-bolelschiki-poseschaemost-problemi-otmena> (дата обращения: 15.05.2023).
18. Концерты перед матчами – тренд нашего футбола. Уже выступили Крид, Slava Marlow, в этом туре – Елка и Сюткин // Sports.ru. – URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/festival/3071091.html> (дата обращения: 15.05.2023).
19. Дымова И. А., Алькина Л. А. СМИ и публицистика о технологии учета и обработки персональных данных в аспекте личной и государственной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 21(312). – С. 193–201.
20. Болельщики «Зенита» // Трансферы, новости, слухи ФК «Зенит». – URL: <https://zenit-fk.ru/fanaty-zenita/#> (дата обращения: 15.05.2023).
21. «Зенит» признан самым популярным клубом России // Официальный сайт футбольного клуба Зенит – Санкт-Петербург. – URL: <https://fc-zenit.ru/news/2013-05-31-zenit-priznan-samym-populyarnym-klubom-rossii.htm> (дата обращения: 15.05.2023).

References

1. Sitnikov K. A. Prospects for the Introduction of the Fan ID in the Russian Federation [Perspektivy vnedreniya sistemy pasportov bolelschikov v Rossiyskoy Federatsii]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* (The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia), 2021, no. 1, pp. 289–301.
2. Buyanova A. V., Palub A. J. Unified Fan Passport [Edinyy Pasport bolelschika]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* (Economic Problems and Legal Practice), 2017, no. 5, pp. 103–106.
3. Drug Dealers from South America, Who Came to Russia by Fan ID, Negotiated the Supply of Cocaine to the Country During the 2018 World Cup [Narkodilery iz Yuzhnoy Ameriki, popavshie v Rossiyu po Fan ID, vo vremya ChM-2018 veli peregovory o postavkakh kokaina v stranu]. Available at: <https://www.sports.ru/football/1115074460-narkodilery-iz-yuzhnoj-ameriki-vo-vremya-chm-2018-veli-peregovory-o-po.html> (accessed 15 May 2023).
4. DLBI Presented Statistics of Data Leaks for the First Quarter of 2023 [DLBI predstavil statistiku utechek dannykh za I kvartal 2023 goda]. Available at: <https://d-russia.ru/dlbi-predstavil-statistiku-utechek-dannyh-za-i-kvartal-2023-goda.html> (accessed 15 May 2023).
5. Ruvinskiy R. Z., Ruvinskaya E. A., Komarova T. D. Public Perception of the Practices of Digital Profiling and Social Score: The Situation in Russia and China [Obschestvennoe vospriyatie praktik tsifrovogo profilirovaniya i sotsialnogo

reytingovaniya: situatsiya v Rossii i Kitae]. *Sotsiodinamika* (Sociodynamics), 2021, no. 12, pp. 56–76. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.12.36824

6. Russian Mock Riot: How Citizens Fight with QR Codes and How It Will End [*Russkiy nedobunt: kak grazhdane boryutsya s QR-kodami i chem eto konchitsya*]. Available at: <https://dzen.ru/a/YZImSSE3dybTMHgl> (accessed 15 May 2023).

7. “This Was Not Expected”: What Does the QR Protest Say about the Mood of Russians [*“Etogo ne ozhidali”: chto govorit QR-protest o nastroyeniakh rossiyan*]. Available at: https://www.rbc.ru/spb_sz/29/01/2022/61f3fefe9a79478dbad8a15e (accessed 15 May 2023).

8. Tan A. Consensus without Consent. *Technology and Language*, 2022, no. 3(3), pp. 119–130. DOI: 10.48417/technolang.2022.03.09

9. Lombard J. Biotechnological Agencies in Our Information Society: The Emergence of Biocitizenship and Genetic Language. *Technology and Language*, 2021, no. 2(4), pp. 73–93. DOI: 10.48417/technolang.2021.04.05

10. Byleva D. S. Technology and Philosophy During the Pandemic [Tekhnologiya i filosofiya v period pandemii]. *Sovremennoe obschestvo v usloviyakh sotsialno-ekonomicheskoy neopredelennosti. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Sorokinskie chteniya-2021”* (Modern Society in Conditions of Socio-Economic Uncertainty. XV International Scientific Conference “Sorokin Readings-2021”). Moscow: MAKS Press, 2021, pp. 911–913.

11. Grafov D. B. The System of Social Ranking in the PRC as the Information and Communication Technology of Reward and Punishment [Sistema sotsialnogo reytinga v KNR kak informatsionno-kommunikatsionnaya tekhnologiya pooschreniya i nakazaniya]. *Vlast* (Power), 2020, no. 2, pp. 250–259. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7165

12. Ruf J. N., Karimova D. V. The Implementation of the Social Ranking System in Russia in Terms of Digitalization [Vozmozhnosti vnedreniya sistemy sotsialnogo reytinga v Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* (Russian Journal of Innovation Economics), 2020, no. 2, pp. 881–890. DOI: 10.18334/vinec.10.2.100772

13. Credit Rating: What Is It and How to Improve It [*Kreditnyy reyting: chto eto takoe i kak ego uluchshit*]. Available at: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10964937> (accessed 15 May 2023).

14. Find Out How to Issue a Fan Card and Attend Matches [*Uznayte, kak oformit kartu boleschika i posetit matchi*]. Available at: <https://fcdm.ru/fanid/> (accessed 15 May 2023).

15. “The Law Is Against Football”. What Is Important to Know about Fan ID [*“Zakon protiv futbola”. Chto vazhno znat o Fan ID*]. Available at: <https://sportrbc.ru/news/61ea92c49a79478026fc4b38> (accessed 15 May 2023).

16. Free Tickets to Zenit Are Now Offered Even in School Chats [*Besplatnye bilety na «Zenit» teper predlagayut dazhe v shkolnykh chatakh*]. Available at: <https://www.fontanka.ru/2023/03/25/72164231/> (accessed 15 May 2023).

17. “We Are Playing for the Fans, but They Are Not There”. What Has Changed in Russian Football with the Advent of Fan ID [*Igraem dlya boleschikov,*

a ikh net”. *Chto izmenilos v rossiyskom futbole s poyavleniem Fan ID*]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/sport/football/articles/2023/03/12/966121-fan-id-rpl-bolelschiki-poseschaemost-problemi-otmena> (accessed 15 May 2023).

18. Concerts Before Matches Are a Trend of Our Football. Creed, Slava Marlow Have Already Performed, and Yelka and Syutkin Are on This Tour [*Kontserty pered matchami – trend nashego futbola. Uzhe vystupili Krid, Slava Marlow, v etom ture – Elka i Syutkin*]. Available at: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/festival/3071091.html> (accessed 15 May 2023).

19. Dymova I. A., Alkina L. A. Media and Publicism within the Personal Data Recording and Processing in the Line of the Individual and the National Security [*SMI i publitsistika o tekhnologii ucheta i obrabotki personalnykh dannykh v aspekte lichnoy i gosudarstvennoy bezopasnosti*]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Chelyabinsk State University), 2013, no. 21(312), pp. 193–201.

20. “Zenit” Fans [*Bolelschiki “Zenita”*]. Available at: <https://zenit-fk.ru/fanaty-zenita/#> (accessed 15 May 2023).

21. “Zenit” Is Considered to Be the Most Popular Club in Russia [*“Zenit” priznan samym populyarnym klubom Rossii*]. Available at: <https://fc-zenit.ru/news/2013-05-31-zenit-priznan-samym-populyarnym-klubom-rossii.htm> (accessed 15 May 2023).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

Рецепции функционалистской концепции культуры Б. Малиновского в социокультурной антропологии и культурологии*

Выжлецов Павел Геннадиевич – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: vyzhletsov@mail.ru

SPIN: 9342-8082

Выжлецова Наталья Викторовна – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра рекламы и современных коммуникаций, доцент, кандидат культурологии, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: maus72@mail.ru

SPIN: 9318-8158

Авторское резюме

Состояние вопроса: Методология и основные понятия культурологии Б. Малиновского до сих пор вызывают интерес. Различные исследователи по-разному определяют их содержание и дают им неодинаковые оценки.

Методы исследования: Путем применения методов как компаративного, так и герменевтического анализа была осуществлена реконструкция используемого понятийного аппарата Б. Малиновского и дана выборочная характеристика рецептов его научного наследия.

Результаты: Осуществлена реконструкция основных идей и понятий функционалистской концепции культуры Б. Малиновского, а также постепенно изменяющегося осмысления и оценки его вклада в развитие представлений о культуре в целом, что и представляет наибольшую сложность. Последняя связана с тем, что при продумывании современных реалий мы встречаемся с ограниченным терминологическим аппаратом. Для преодоления указанной сложности были выявлены такие специфические черты понятия «рецепция», как историчность, отношение современности к традиции (современность – классика), диалог. В результате применения данного понятия к наследию Б. Малиновского сделан вывод, что рецепция его достижений представителями научного сообщества в социокультурной антропологии и культурологии претерпевает постепенные изменения.

* © Выжлецов П. Г., Выжлецова Н. В., 2023.

Область применения результатов: культурология; социокультурная антропология; философия культуры; этнология.

Выводы: В ракурсе современной рецепции научного наследия Б. Малиновского он сам, как и А. Р. Рэдклифф-Браун, рассматривается в качестве основателя «парадигмы» в социокультурной антропологии, заложившего предпосылки для преодоления позитивистского подхода в этой области исследований и изменившего представления о сути культуры. В культурологической рецепции основоположник культурологии Л. Уайт, подчеркивая достижения и выявляя недостатки функционалистской концепции Б. Малиновского, включил исследование структуры и функций культурных систем в предметное поле культурологии, а функциональный тип интерпретации культуры ввел в состав задач культуролога и своего системного метода исследования культуры.

Ключевые слова: рецепция; функционализм; Б. Малиновский; социокультурная антропология; культурология; культура.

Receptions of B. Malinowski's Functionalist Conception of Culture in Sociocultural Anthropology and Cultural Studies

Vyzhletsov Pavel Gennadyevich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Associate Professor, PhD, Saint Petersburg, Russia.

Email: vyzhletsov@mail.ru

Vyzhletsova Natalya Viktorovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Advertising and Modern Communications, Associate Professor, PhD, Saint Petersburg, Russia.

Email: maus72@mail.ru

Abstract

Background: The methodology and basic concepts of B. Malinowski's cultural studies are still of interest. Researchers define their content in different ways and give them different assessments.

Research methods: By applying the methods of both comparative and hermeneutic analyzes, the used conceptual apparatus of B. Malinowski was reconstructed and a selective characteristic of the receptions of his scientific heritage was given.

Results: The reconstruction of the main ideas of B. Malinowski's functionalist conception of culture, as well as the gradually changing evaluation of his contribution to the development of ideas about culture in general, which is the most difficult, has been carried out. The latter is due to the fact that when thinking through modern realities, we encounter a limited terminological apparatus. To overcome this complexity, such specific features of the concept of "reception" as historicity, the relationship between modernity and tradition (modernity – classics), dialogue were identified. Applying this concept to B. Malinowski's heritage, we concluded that the

reception of his achievements by representatives of the scientific community in sociocultural anthropology and cultural studies undergoes gradual changes.

Research implications: cultural studies; culturology; sociocultural anthropology; philosophy of culture; ethnology.

Conclusion: From the perspective of the modern reception of B. Malinowski's scientific heritage, he himself, like A. R. Radcliffe-Brown, is considered as the founder of the "paradigm" in sociocultural anthropology. B. Malinowski laid the prerequisites for overcoming the positivist approach in this field of research and changed the idea of culture essence. In culturological reception, L. White, the founder of culturology, emphasizing the achievements and identifying faults of B. Malinowski's functionalist conception, included the study of the structure and functions of cultural systems in the subject field of culturology. He introduced the functional type of interpretation of culture into the tasks of a culturologist and his systemic method of studying culture.

Keywords: reception; functionalism; B. Malinowski; sociocultural anthropology; cultural studies; culture.

Введение. Понятие рецепции

Прежде, чем рассматривать взгляды Б. Малиновского, необходимо обратиться к понятию «рецепция» в современном гуманитарном знании. Согласно В. Л. Махлину, возникновение современного термина «рецепция» в гуманитарном, философском и частично естественно-научном знании является следствием определенного «социально-исторического события» [9, с. 211]. Данное «событие» он связывает с переориентацией указанных областей исследований в контексте нового осмысления истории. Последнее предполагает переосмысление истории в плане приложения опыта «революционной эпохи 1920-х годов» к глобальным проблемам, сложившимся в общественной жизни и получившим отражение в гуманитарных исследованиях в 1960-х годах [см.: 9, с. 211]. Обозначенное положение вещей нашло свое воплощение в процедурах эмансипации от догматических установок, содержащихся как в специфике позитивистского мышления, так и в формально-историческом и идеалистическом подходах [9, с. 211].

Современное представление о рецепции складывается в первую очередь в немецком направлении герменевтической мысли [см.: 9, с. 211]. В поле гуманитарного, социально-исторического знания понятие «рецепция» ввел Г. Блюменберг в статье «Порог эпох и рецепция» (1958), связывая переход от античности к христианству, т. е. «порог эпох» с малозаметными изменениями и процессами. Тем самым он «предвосхитил теорию “смены парадигм” Т. Куна (1962)» [9, с. 215–216]. Махлин уточняет, что в центре внимания Т. Куна находились не сами научные революции, а их «рецепция» в контексте истории естествознания, «т. е. влияние, воздействие естественно-научных открытий на научные сообщества» [9, с. 217]. Согласно же Г. Р. Яуссу, «термин “рецепция” знаменует, в сущности, “смену парадигмы”» в гуманитарном знании [9, с. 212].

На основе исследования В. Л. Махлина, дистанцируясь от специфических философско-герменевтических деталей спора между Х.-Г. Гадамером и Г. Р. Яуссом, представляется возможным выделить такие важные черты рецепции, как историчность; отношение современности к традиции (современность – классика), которое претерпевает постепенные изменения; сопоставимость со «сменой парадигм»; диалог. На этих основаниях понятие «рецепция» по сути представляет собой напряженный и насыщенный диалог (критика, оценка и признание достижений автора, а также развитие его идей в последующих концепциях в перспективе формирования новой парадигмы) современности с традицией, как правило, предполагающий временную дистанцию.

Функционалистская концепция культуры Б. Малиновского

Функционализм как направление, а также и школа в социокультурной антропологии возник в результате изменения объекта исследования и был отчасти связан с системой колониализма. Для того, чтобы наиболее эффективно управлять незападными народами, ведущими традиционный образ жизни, согласно Б. Малиновскому, необходимо познать их склад ума, мировоззренческие установки, которые находятся в зависимости от культурных и общественных форм. Иначе говоря, познать культуру и общественный строй этих народов. В результате принципиальной задачей выступило изучение функционирования таких элементов (институтов) культурной и общественной жизни, которые гарантируют существование и выживание сообщества (племени, народа). Поэтому для Б. Малиновского культура есть такая целостная система, которая действует, то есть функционирует с целью удовлетворения человеческих потребностей.

Согласно Б. Малиновскому и А. Р. Рэдклифф-Брауну, основоположникам функционализма при изучении культурных и общественных явлений необходимо руководствоваться данными наблюдения, в первую очередь исходя из форм и функций феноменов. На этом основании функционалистский подход представляет собой методологию полевых этнографических исследований, предполагающую сравнительный анализ различных культур [см.: 12, с. 19]. В целом же в функционализме акцент делался на изучении элементов культуры либо как частей культурной или общественной системы (структуры), либо как их функций [см.: 3, с. 37].

У истоков функционализма как направления в антропологии находится разработка как функционалистской терминологии (включая понятия «структура», «функция», в частности, у Г. Спенсера), так и некоторых теоретических принципов в контексте становления социологии как науки в XIX – начале XX в. В данном контексте необходимо отметить, что идеи Спенсера оказали влияние на концепцию человека и культуры Б. Малиновского, исходившего из первенства биологических потребностей [см.: 2, с. 268].

Также необходимо подчеркнуть, что Э. Дюркгейм стремился дистанцироваться от проведения аналогии между обществом и организмом, утверждая, что лишь на основе изучения функций возможно постижение

«корней» явлений. Исследователи отмечают, что «под “функцией” он понимал “отношение соответствия”, существующее между социальным фактом и некоторой “социальной потребностью» [11, с. 177]. При этом Э. Дюркгейму было присуще антипсихологическое понимание функции: «Функция социального факта может быть только социальной, т. е. она заключается в создании социально полезных результатов» [11, с. 178]. А. Р. Рэдклифф-Браун разделял указанное положение, а Б. Малиновский его отрицал, и, как следствие, между ними сложились принципиальные разногласия [11, с. 177]. В результате в поздний период научной деятельности Рэдклифф-Браун отрицал самостоятельное существование культуры, считая ее целиком производной от общественной жизни.

Бронислав Каспар Малиновский (1884–1942), наряду с А. Рэдклифф-Брауном, – один из основателей современной британской социальной антропологии и родоначальник функционализма как направления в этой области знания. К основным работам Малиновского относятся следующие: «Семья у аборигенов Австралии. Социологическое исследование» (1913), «Аргонавты Западной части Тихого океана» (1922), «Функциональная теория» (1939), «Научная теория культуры» (1944).

В современной социокультурной антропологии опыт полевых исследований признается в качестве необходимого для становления антрополога как ученого. Принципиальный вклад в формирование данного представления внес Б. Малиновский.

В 1915 г. он отправился в экспедицию на Тробрианские острова, где более двух лет занимался полевыми, экспериментальными исследованиями. В связи с этим в британской научной традиции сложилось представление, что социальная антропология берет свое начало в 1915 г. [см.: 10, с. 1219]. На основе полученного опыта Б. Малиновский создал работу «Аргонавты Западной части Тихого океана» (1922), которая стала основой ряда монографий [см.: 10, с. 1219]. Полевые исследования на Тробрианских островах привели его к выводам как теоретического, так и методологического характера.

Теоретическим путем Малиновский пришел к убеждению о необходимости целостного изучения культуры, иначе говоря, любой ее элемент можно понять, лишь соотнося его с культурой в целом. Так, считая задачей полевой этнографии (антропологии) открытие законов жизни сообщества (племени) [см.: 6, с. 30], он утверждал, что «...этнограф должен исследовать все пространство племенной культуры *во всех ее аспектах*» [6, с. 29]. При изучении каждого элемента культуры необходимо достичь такой логичности, закономерности и упорядоченности, которые должны иметь место и при их объединении в одно целое [см.: 6, с. 29].

Малиновский разработал методологический прием такого включенного наблюдения, которое, с его точки зрения, позволяет увидеть мир глазами местных жителей. С этой целью он жил в палатке среди хижин меланезийцев, принимал участие в их повседневной жизни, уделял принципиальное внимание изучению местного языка. В результате Малиновский выработал основные положения метода полевого исследования. Согласно этим положениям, ученый

обязан как ставить «научные цели», так и «знать те ценности и критерии», которым следует «современная этнография»; обеспечивать себе особые условия для работы, иначе говоря, жить среди местных жителей; использовать несколько специальных методов для сбора материалов и их изучения [см.: 6, с. 25]. При этом Малиновский уточнил задачу, состоявшую в установлении таких типичных способов «мышления и чувствования», которые соответствуют «институтам и культуре данного общества» [6, с. 41].

В труде «Аргонавты...» Малиновский создал программу этнографического (социально-антропологического) исследования, включавшую в себя формулировку теоретических, методологических аспектов и цели научной работы. В результате он писал о трех путях, которые ведут «к цели этнографических исследований»: 1) посредством метода «*статистического документирования*» обязаны быть отчетливо показаны как «*организация племени*», так и «*анатомия его культуры*»; 2) с помощью скрупулезных наблюдений в виде дневниковых этнографических записей необходимо заполнить указанные формы таким содержанием, которое касается «*действительной жизни и типов поведения*» племени и состоит из «случайных», неучтенных «факторов»; 3) необходимо представить «документ туземной ментальности» посредством собирания типичных высказываний, «фольклорных элементов и магических формул» [6, с. 42]. Малиновский подводил итог: «...целью является осмысление мировоззрения туземца, отношение аборигена к жизни, понимание *его* взглядов на *его* мир» [6, с. 42]. Такая научная установка Малиновского была воспринята как программа принципиальных преобразований в сфере социальной антропологии. Под его влиянием принципиальным условием научной деятельности антрополога стало проведение полевых исследований, которые требовалось совмещать с теоретическим осмыслением полученных данных.

Функционалистская теория и методология была, в первую очередь, разработана в сочинениях: «Функциональная теория» (1939), «Научная теория культуры» (1944).

В работе «Функциональная теория» Малиновский утверждал, что «функционализм» не находится в оппозиции ни к эволюционизму, ни к историзму, ни к диффузионизму, а лишь считает необходимым определение функций и формы культурных явлений. Он полагал, что «функционализм» есть метод, предваряющий анализ культуры и дающий исследователю «критерии» для сравнения культурных явлений [см.: 7, с. 144].

Малиновский определял термин «функция» как результат действия какого-либо явления в социокультурной жизни народа. Функциями наделялись как результаты деятельности, так и общественные группы и институты, а сама функция обозначала «удовлетворение некоторой потребности» [11, с. 181]. Другая специфическая черта функции заключалась в ее неотделимости от культуры. В отличие от А. Р. Рэдклифф-Брауна, предметом социально-антропологического изучения для Малиновского выступала культура. Теоретические основы функционалистского подхода были представлены им в работе «Научная теория культуры» [10, с. 1219]. Согласно Малиновскому,

функциональная теория выступает как теория культуры и ее основой являются биологические факторы. Он определял человеческую природу через «биологический вид», которому необходимо выживать, продолжать свой род и т. д., а для этого необходимо исполнять простейшие «требования» [см.: 7, с. 41]. Более того, он подчеркивал, что «...физиология трансформируется в знания, верования и социальные узы» [7, с. 89]. Отсюда следовало, что представление о потребностях выступило в качестве определяющего для концепции культуры Малиновского. При этом он различал «органические, или базовые» (т. е. «потребности тела»), и «производные» («культурные»). Биологические потребности удовлетворяются посредством формирования «вторичной искусственной среды», которая «есть культура». В результате возникновения культуры формируется «культурное качество жизни», которое порождает «производные» («культурные») потребности. В собственно культурных потребностях выделил «инструментальные императивы» и «интегративные императивы». Источником инструментальных императивов выступали такие виды деятельности, как экономическая, нормативная, образовательная, политическая, а, в отличие от них, к интегративным Малиновский относил магию, религию и науку [см.: 7, с. 42]. Современные исследователи приходят к выводу, что культура здесь понималась как в инструментальном плане, то есть в качестве средства для удовлетворения потребностей, так и функциональном ракурсе, то есть как «целостная единица» [11, с. 182]. Разрабатывая свою концепцию, Малиновский связал функциональное изучение культуры с институциональным [см.: 11, с. 182]. Понятием «институт» он обозначал «единицу организации» человеческого сообщества, предполагающую «соглашение по поводу... ряда традиционных ценностей, которые объединяют группу людей» [7, с. 43]. Согласно Малиновскому, институты осуществляют интегральное удовлетворение потребностей. Отсюда следовало, что как «функциональный», так и «институциональный» анализ способствуют строгому определению культуры: «Культура – это единое целое, состоящее частью из автономных, частью из согласованных между собой институтов» [7, с. 44]. Главная задача культуры заключается в удовлетворении всей совокупности потребностей человека. Таким образом, функционалистская концепция культуры основывалась на широком истолковании термина «функция», а процесс исследования был направлен на дефиницию функции какого-либо явления.

Малиновский сформулировал несколько «аксиом функционализма» и в их контексте определил культуру как такой «инструментальный аппарат», посредством которого человек разрешает проблемы, возникающие в процессе «его взаимодействия со средой с целью удовлетворения своих потребностей» [7, с. 127].

Ниже Малиновский конкретизировал свое понимание существа культуры. Культура представляет собой систему «участников, видов деятельности и отношений», и каждая из ее частей выступает в качестве средства для реализации конкретной «цели». При этом она целостна, а ее элементы зависят друг от друга. В качестве трехчастной системы культура направлена на

решение «жизненно важных задач», все же ее части «организованы в институты» (в частности, семья, группа). Предназначение указанных институтов заключается в сотрудничестве в сферах хозяйства, политики, юриспруденции, образования. На основании специфики «типов деятельности» Малиновский обозначил динамику культуры, подразделяя ее на такие составляющие, как образовательная, экономическая, социально-контролирующая, познавательная, религиозная, моральная и художественная [см.: 7, с. 127–128]. Далее он определил понятие «культурный процесс». Последний предполагал наличие людей и отношений между ними, которые характеризовались наличием организации, использованием артефактов, общением (речь, символические средства). На этом основании Малиновский обнаружил взаимосвязанные «измерения культурного процесса» – «артефакты, организованные группы и символика» [7, с. 128].

Необходимо отметить, что биологизированное осмысление культуры, присущее поздним работам, не дает представления о его взглядах в целом. Так, понимание культуры, раскрытое Малиновским в трудах этнографического характера, демонстрирует, в частности, что родственные отношения выступают скорее в качестве основы «всех видов деятельности тробрианцев» [10, с. 1220], чем в виде биологических характеристик. Например, с точки зрения Малиновского, именно земледелие определяет в меланезийском обществе социально-экономические отношения, которые носят как родственный, так и общинный характер (деревенская община). При этом Малиновский разработал особую методику исследования родственных отношений.

Рецепции концепции культуры Б. Малиновского в социокультурной антропологии и культурологии

Учитывая, что социокультурная антропология развивалась в процессах взаимных этнологических и гуманитарно-теоретических влияний, в первую очередь, в Англии и США, а также в Германии и Франции, а также то, что понятие и предмет культурологии были обозначены Л. Уайтом, приведем пример понимания изменения парадигм, представленный Д. Маркусом в 2000-е годы на примере американской традиции. Согласно Маркусу, развитие социокультурной антропологии в США осуществлялось в рамках двух основных «парадигм», то есть специфических способов определения объекта, и, возможно, предмета исследования, постановки и решения научных проблем.

Во-первых, это «парадигма “народов и регионов”», заложенная Б. Малиновским в Британии и Ф. Боасом в США в первой половине XX века, которая характеризуется как «традиционная» [см.: 8, с. 44]. Причем Маркус уточняет, что в этот период «традиционная модель этнографического исследования, условно говоря – “модель Малиновского”», выступала в качестве центральной для антропологической области знания [8, с. 44]. Задача, поставленная перед антропологией, заключалась в обогащении «некоего глобального этнографического архива» посредством новых сравнительных полевых исследований [8, с. 43–44]. Объектом изучения выступали традиционные общества и культуры. Социальная и культурная антропология

должна была внести свой вклад в разработку «общей науки о человеке» [8, с. 44].

Во-вторых, в 1990-е годы в социокультурной антропологии США место парадигмы «народов и регионов» заняла парадигма «процессов формирования и трансформирования культурной и социальной идентичности» [8, с. 49] человека, предполагающая изучение и современных западных культур. Указанные процессы, обусловленные состоянием глобализации мира, воплотились также и в усиливающемся характере междисциплинарности знаний. Эти процессы вызывают к жизни новые вопросы, в частности, относительно единства и целостности социокультурной антропологии, ее интегративных основ, что относится также и к задачам философско-антропологического исследования.

В отечественных исследованиях 2010-х годов делается вывод, что функционализм утвердился в качестве «господствующей парадигмы» [11, с. 179] в социальной антропологии в Великобритании в 1920-х годах.

Возвращаясь к диалогу и проблематике постепенного изменения парадигм внутри антропологической традиции, отметим, что основатель структурализма К. Леви-Стросс (1942) утверждал, что Б. Малиновский внес важнейший вклад в развитие гуманитарных наук. Так, Малиновский был первым, кто в области антропологии соединил вместе «этнологию и психоанализ» как наиболее «революционные области» научного исследования, и, поставив индивидуальное психическое развитие в зависимость от типических моделей культуры, сообщил психоанализу новое дыхание [см.: 5, с. 16]. Вместе с тем Леви-Стросс подвергал критике его теоретические построения, отмечая при этом почти совершенное пренебрежение как исторической перспективой, так и артефактами «материальной культуры» [5, с. 16].

Ученик Б. Малиновского Э. Эванс-Причард в работе, посвященной истории антропологических учений (1981), подчеркивал, что идея и практика проведения полевых исследований, включая изучение языка местных жителей и, соответственно, их культуры, принадлежит Малиновскому [см.: 16, с. 240]. Одновременно Эванс-Причард критиковал Малиновского как теоретика, неспособного к «абстрактному анализу» социальных явлений, и именно по этой причине у последнего не сложилось представление о «структуре» [см.: 16, с. 241–242]. В то же время анализ текстов Б. Малиновского свидетельствует о движении его мысли от выявления функций культуры к ее пониманию как целостного и системного образования. Также Эванс-Причард, подчеркивая значимость исторического знания, критиковал Малиновского и за то, что тот следовал образцу естествознания. Однако исследования 2000-х годов по меньшей мере поставили под вопрос однозначность последнего утверждения Эванс-Причарда. Так, согласно Д. Маркусу, публикация дневниковых записей Малиновского в 1967 году продемонстрировала противоречие между спецификой полевых этнографических исследований и той позитивистской терминологией, которая использовалась в академической антропологической традиции, приводившей в том числе и к ограниченному пониманию сути

культуры [8, с. 47]. Таким образом, предпосылки для перехода от позитивистского подхода к историческому и гуманитарному складывались постепенно.

В современной отечественной традиции А. К. Байбурин (2005) признает непреходящий научный вклад Б. Малиновского в развитие гуманитарного знания вообще в том, что последний изменил «взгляд на природу культуры» [1, с. 6]. Культура здесь предстает в качестве такой структуры, которая находится в соответствии с основополагающими человеческими потребностями [1, с. 6].

Обращаясь к современной культурологической рецепции, необходимо отметить следующее. Идея Малиновского о том, что «факт становится фактом культуры тогда, когда индивидуальный интерес перерастает в систему организованных действий», которая принята в определенном сообществе [15, с. 38], вызвала резкую критику Л. Уайта. С его точки зрения, основанием культуры выступает способность человека к созданию и пониманию символов, то есть к символизации, а не системный и организованный характер действий, определяемый интересом.

Создатель культурного эволюционизма как направления и школы в американской культурной антропологии и в ее рамках культурологии как науки Л. Э. Уайт называл Б. Малиновского, наряду с А. Р. Рэдклифф-Брауном, главой и выдающимся представителем функциональной этнологической школы, которая в 30-х гг. стала ведущей в Великобритании и США. Уайт определял данную школу как неэволюционную, а иногда антиэволюционную [см.: 14, с. 47]. По Уайту, исходный недостаток функционализма в целом и концепции Малиновского в частности (присущий также Ф. Боасу, М. Мид, А. Рэдклифф-Брауну и др.) заключается в отказе от изучения происхождения культуры. По этому поводу Уайт заметил, что Б. Малиновский с пренебрежением относится к поиску «истоков культуры» [14, с. 121]. Таким образом, принципиальный вопрос для родоначальника культурного эволюционизма Л. Уайта Малиновский считал бесполезным.

Уайт обращал внимание на противоречивость некоторых антропологических суждений Малиновского, который утверждал, что обычай кула (обмен ручных браслетов на ожерелья из бусин у меланезийцев Тробрианских островов) является экономическим институтом, то есть обменом полезными вещами и материальными ценностями. При этом сам же Малиновский пояснял, что обмен кула не носит прямого бартерного характера, «с оценкой эквивалентности и торгом» [14, с. 306]. Пытаясь объяснить этот обычай, Малиновский сопоставлял его с традицией переходящих спортивных кубков в американских колледжах. Однако даже в этом случае, как отмечал Л. Уайт, передача кубка победителю не имеет экономического характера, так как речь идет не об изготовлении и продаже, а об использовании кубков «в качестве призов» [14, с. 307]. Для Л. Уайта было очевидно, что обычай кула носит характер социально-психологической игры, происходящей по правилам и согласно ритуалу, участие в которой считается привилегией. Уайт отмечал, что в данном обычае, как и в случае потлача, мы встречаемся с игрой,

предназначение которой заключается в том, чтобы «оказать почести и выделить человека» [14, с. 306]. Он утверждал: «Раковины и ожерелья – лишь инструменты, с помощью которых ведется игра... Вещи обретают ценность благодаря участию в игре» [14, с. 306]. Отсюда особая важность вещей определяется именно игрой [14, с. 306].

Л. Уайт также подчеркивал, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. влияние в антропологии функциональных школ Малиновского и Рэдклифф-Брауна было принципиальным, что привело к изменению интеллектуальной позиции Ф. Боаса и его последователей. Согласно Уайту, на первых порах «группа Боаса» в американской этнологической школе подвергала функционализм суровой критике и насмешкам. Однако по мере того, как увеличивалось число сторонников функционализма, и последний достиг успехов в противодействии философским идеям «американской исторической школы», Ф. Боас начал распространять учение, обозначенное им как «культурная динамика», то есть он «разъяснял, что необходимо понимать, как работают культуры, что мы должны воспринимать культуры как интегральное целое и т. д. ... “Культурная динамика” была представлена как особый вклад Боаса. Тем не менее по сути это был функционализм...» [14, с. 553–554].

С точки зрения изучения проблемы рецепции научного наследия Б. Малиновского в культурологии следует отметить, что, несмотря на острую критику некоторых положений учения Б. Малиновского и его функциональной школы, Л. Уайт ввел в состав предмета культурологии изучение структуры и функций культурных систем наряду с исследованием эволюционных процессов в культуре, а также диффузии (или «миграций культуры») и ее последствий [см.: 14, с. 79; 4, с. 82].

Наконец, Л. Уайт включил формально-функциональный тип интерпретации культуры в состав своего системного подхода к изучению культуры наряду с эволюционистским и временным (или историческим). Он утверждал, что выбор пути исследования находится в зависимости «от объекта или от склонности исследователя», но при этом «все три способа изучения и интерпретации равноценны» [14, с. 81].

Сама идея статьи Уайта «Теория эволюции в культурной антропологии. Историзм, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры» появилась в ходе дискуссии на семинаре для студентов старших курсов Чикагского университета. Согласно Уайту, студенты были убеждены, что если ученый придерживается определенного подхода, в частности, эволюционизма, то он отрицает основные положения двух других и выступает против них: «Такое представление, возможно, покажется невероятным в 1975 г., но в 30-е годы оно было зачастую преобладающим; корпоративность, которая объединяла корифеев и их последователей, составлявших научные “школы”, была сильна» [14, с. 474]. Вышеуказанную статью Уайт целиком посвятил утверждению того, что функционализм является равноценным видом интерпретации культуры наряду с историческим и эволюционистским.

В связи с этим Уайт и определил функционализм как равноценный тип интерпретации культуры и ввел его в число трех оперативных задач

культуролога: «...1) вычленишь, определить и классифицировать типы социальных структур; 2) понять, каким образом каждая часть соотносится с остальными и как они все интегрированы в единое целое; 3) наметить путь социальной эволюции в обоих ее аспектах: структурном и функциональном» [14, с. 197].

Л. Уайт подчеркивал, что до 1890-х гг., когда «реакционное, антиэволюционистское направление», возглавляемое Ф. Боасом, стало доминировать в культурно-антропологических исследованиях, и «эволюционистские интерпретации были отвергнуты» [14, с. 477–478], два выдающихся представителя антропологии XIX в., Л. Морган и Э. Тайлор «различали упомянутые три вида процессов и строили свою работу с учетом их» [14, с. 478].

По мнению Л. Уайта, культурология (и культурная антропология) нуждаются во всех трех методах интерпретации культуры: историческом/временном (история обычаев, институтов, идей, форм искусства и т. д.); эволюционистском/формально-временном (эволюция отдельных черт культуры институтов, философских систем, эволюция культуры в целом); функционалистском/формально-функциональном (изучение социальной структуры и функции, «анатомии» и «физиологии» культур и обществ). Согласно Уайту, все указанные методы определяются целями и задачами исследователя, и при этом «один тип интерпретации столь же правомерен и необходим, как и другие. И все три – существенны, если мы хотим видеть науку сбалансированной и полной» [14, с. 495].

Итак, подчеркивая достижения (принципиальное влияние на развитие антропологии в Великобритании и США) и выявляя недостатки функционалистской концепции Б. Малиновского (отказ от изучения происхождения культуры, недостатки в интерпретации антропологических данных), Л. Уайт включил исследование структуры и функций культурных систем в предметное поле культурологии, а функциональный тип интерпретации культуры (исследование «морфологии» культуры) считал равноценным историческому и эволюционному, ввел его в состав оперативных задач культуролога и своего системного метода исследования культуры.

Выводы

Таким образом, «рецепция» научных достижений Б. Малиновского представителями научного сообщества, объединенного в наше время термином «социокультурная антропология», претерпевает постепенные изменения. Не претендуя на исчерпывающую полноту, выделим как некоторые оценки достижений Малиновского, так и его критику.

В 1940-х годах К. Леви-Стросс высоко оценивал объединение этнологических и психоаналитических знаний в области антропологии, осуществленных Малиновским, одновременно критикуя последнего за невнимание как к историческим исследованиям, так и к изучению данных материальной культуры.

В частности, в работе «Эволюция культуры...» (1959) Л. Уайт критиковал Малиновского за неверное, с его точки зрения, понимание основ культуры; за отказ от изучения исторического возникновения культуры; за некорректную интерпретацию некоторых этнографических фактов, в частности, обычая кула. Вместе с тем Уайт признавал Б. Малиновского, наряду с А. Р. Рэдклифф-Брауном, родоначальником функционалистской школы в антропологии и высоко оценивал его вклад в формирование нового подхода к анализу культуры как целостного образования, предполагающего вопросы о способах ее функционирования.

В очерках, посвященных истории антропологических учений (нач. 1950 – нач. 1970-х гг.) Э. Эванс-Причард подверг критике теоретические разработки Малиновского, в частности, за отсутствие четкого представления о том, что есть структура, а также за следование образцу естествознания. В то же время Эванс-Причард признавал, что методология и практика проведения полевых исследований, предполагающая изучение традиционных культур, принадлежит Малиновскому.

В 2000-е годы Д. Маркус подчеркивает, что этнографические дневники Малиновского являются свидетельством постепенно складывающихся предпосылок для преодоления позитивизма в антропологии. Также Маркус считает Малиновского основателем «парадигмы» в социокультурной антропологии в США. В этот же период А. К. Байбурин признает непреходящий научный вклад Б. Малиновского в том, что последний изменил «взгляд на природу культуры» [1, с. 6] вообще.

На этом основании современная рецепция научного наследия Б. Малиновского предполагает следующее: он сам (или совместно с А. Р. Рэдклифф-Брауном) выступил основателем «парадигмы» в социокультурной антропологии; заложил предпосылки для преодоления позитивистского подхода в этой области исследований; изменил наши представления о сути культуры.

Говоря о культурологической рецепции, основы которой заложил Л. Уайт, нужно подчеркнуть, что последний включил исследование структуры и функций культурных систем в предметное поле культурологии, а функциональный тип интерпретации культуры ввел как в состав задач культуролога, так и своего системного метода исследования культуры, который многими признается ведущим и в современной отечественной культурологической традиции.

Список литературы

1. Байбурин А. К. Бронислав Малиновский и его «Научная теория культуры» // Малиновский Б. / Научная теория культуры. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – С. 6–9.

2. Выжлецов П. Г. О концепции «сверхорганической» эволюции Г. Спенсера // Десятая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы докл. 17–19 ноября 2022 года. – СПб.: ГУАП, 2022. – С. 266–268.

3. Выжлецов П. Г., Выжлецова Н. В. Функциональная теория культуры Б. Малиновского // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2017. – № 2. – С. 35–50.

4. Выжлецова Н. В., Выжлецов П. Г. Социокультурная антропология и культурология. Поля предметных исследований // Человек. Культура. Образование. – 2020. – № 2 (36). – С. 74–90. DOI: 10.34130/2233-1277-2020-2-74-90

5. Леви-Стросс К. Бронислав Малиновский // Б. Малиновский / Магия, наука и религия. – М.: Рефл-бук, 1998. – С. 16–17.

6. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 552 с.

7. Малиновский Б. Научная теория культуры. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.

8. Маркус Д. О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 2. – С. 43–55.

9. Махлин В. Л. Что такое «рецепция» (К истории понятия) // Вестник культурологии. – 2016. – № 1. – С. 208–232.

10. Никишенков А. А. Малиновский Бронислав Каспар // Культурология: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – С. 1218–1222.

11. Николаев В. Г. Функционализм // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. – М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – С. 176–191.

12. Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология: Состояние и динамика развития // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю. М. Резника. – М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – С. 11–28.

13. Спенсер Г. Развитие политических учреждений. – СПб.: Издательство журнала «Мысль», 1882. – 330 с.

14. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / Сост.: Л. А. Мостова; Отв. ред.: А. Н. Кожановский, О. Р. Газизова; Пер. с англ.: О. Р. Газизова и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1064 с.

15. Уайт Л. А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 17–48.

16. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. – М.: Восточная литература, 2003. – 358 с.

17. Sterly J. Das Kulturkonzept Bronislaw Malinowskis. Eine kritische Prüfung // *Anthropos*. – 1967. – Bd. 62. – H. 5/6. – S. 815–822.

References

1. Bayburin A. K. Bronislaw Malinowski and His “Scientific Theory of Culture” [Bronislaw Malinowski i ego “Nauchnaya teoriya kultury”]. *B. Malinowski. Nauchnaya teoriya kultury* (B. Malinowski. A Scientific Theory of Culture and Other Essays). Moscow: OGI, 2005, pp. 6–9.

2. Vyzhletsov P. G. On H. Spencer's Concept of "Super-Organic" Evolution [O kontseptsii "sverkhorganicheskoy" evolyutsii G. Spensera]. *Desyataya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: Filosofiya i kultura informatsionnogo obschestva: tezisy dokladov* (X International Scientific and Practical Conference "Philosophy and Culture in Information Society"). Saint Petersburg: GUAP, 2022, pp. 266–268.

3. Vyzhletsov P. G., Vyzhletsova N. V. Functional Theory of the Culture of B. Malinowski [Funktionalnaya teoriya kulture B. Malinovskogo]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2017, no. 2 (16), pp. 35–50.

4. Vyzhletsova N. V., Vyzhletsov P. G. Sotsiokulturnaya antropologiya i kulturologiya. Polya predmetnykh issledovaniy [Socio-Cultural Anthropology and Culturology. Fields of Subject Studies]. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie* (Human. Culture. Education), 2020, no. 2 (36), pp. 74–90. DOI: 10.34130/2233-1277-2020-2-74-90

5. Levi-Strauss C. Bronislaw Malinowski [Bronislav Malinovskiy]. *B. Malinovskiy. Magiya, nauka i religiya* (B. Malinowski. Magic, Science, and Religion). Moscow: Refl-buk, 1998, pp. 16–17.

6. Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific [*Izbrannoe: Argonavty zapadnoy chasti Tikhogo okeana*]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2004, 552 p.

7. Malinowski B. The Scientific Theory of Culture [*Nauchnaya teoriya kulture*]. Moscow: OGI, 2005, 184 p.

8. Markus D. On the Sociocultural Anthropology of the United States, Its Problems and Prospects [O sotsiokulturnoy antropologii SShA, ee problemakh i perspektivakh]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2005, no. 2, pp. 43–55.

9. Makhlin V. L. Chto takoe "retseptsiya" (K istorii ponyatiya) [What Is "reception" (Towards a History of the Concept)]. *Vestnik kulturologii* (Herald of Culturology), 2016, no. 1, pp. 208–232.

10. Nikishenkov A. A., Levit S. Y. (Ed.) Malinowski Bronislaw Kasper [Malinovskiy Bronislav Kaspar]. *Kulturologiya: entsiklopediya: v 2 t. T. 1* (Culturology: Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 1). Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2007, pp. 1218–1222.

11. Nikolaev V. G., Reznik Y. M. (Ed.) Functionalism [Funktionalizm]. *Sotsiokulturnaya antropologiya: istoriya, teoriya i metodologiya: Entsiklopedicheskiy slovar* (Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary). Moscow: Akademicheskii Proekt, Kultura; Kirov: Konstanta, 2012, pp. 176–191.

12. Orlova E. A., Reznik Y. M. (Ed.) Cultural (Social) Anthropology: State and Dynamics of Development [Kulturnaya (sotsialnaya) antropologiya: Sostoyanie i dinamika razvitiya]. *Sotsiokulturnaya antropologiya: istoriya, teoriya i metodologiya: entsiklopedicheskiy slovar* (Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary). Moscow: Akademicheskii Proekt, Kultura; Kirov: Konstanta, 2012, pp. 11–28.

13. Spencer H. The Development of Political Institutions [*Razvitie politicheskikh uchrezhdeniy*]. Saint Petersburg: izdatelstvo zhurnala “Mysl”, 1882, 330 p.

14. White L. Selected: The Evolution of Culture [*Izbrannoe: Evolyutsiya kultury*]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 1064 p.

15. White L. A. The Concept of Culture [Ponyatie kultury]. *Antologiya issledovaniy kultury. Interpretatsii kultury* (Anthology of Culture Research. Interpretations of Culture). Saint Petersburg: SPbGU, 2006, pp. 17–48.

16. Evans-Pritchard E. A History of Anthropological Thought [*Istoriya antropologicheskoy mysly*]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, 358 p.

17. Sterly J. Das Kulturkonzept Bronislaw Malinowskis. Eine kritische Prüfung. *Anthropos*, 1967, Bd. 62, H. 5/6, pp. 815–822.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 37.014.25

Распространенные методы привлечения студентов-иностранцев в третьем десятилетии XXI века*

Лосев Константин Викторович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра рекламы и современных коммуникаций, заведующий кафедрой, профессор, доктор экономических наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: k.losev@mail.ru

SPIN: 7760-7766

Тимофеев Иван Александрович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, аспирант, Санкт-Петербург, Россия.

Email: molsoncan@yandex.ru

SPIN: 7298-7691

Авторское резюме

Состояние вопроса: Начало XXI века ознаменовалось несколькими большими переломами в системах отечественного и зарубежного образования. Некоторые процессы цифровизации проходят гармонично, а иные связаны с глобальными событиями, например, с пандемией коронавируса COVID-19. Какие-то тренды появляются или исчезают также и в связи с тем, что меняется сам человек, его поведение, ценности и осознание себя в мире. Регулярный анализ и переоценка эффективности разных подходов к работе с иностранными абитуриентами позволяют идти в ногу с тенденциями мирового образовательного процесса. Авторы статьи проводят анализ используемых сейчас методов набора студентов-иностранцев в российские вузы.

Методы исследования: В работе авторы приводят примеры того, как различные подходы к набору иностранных студентов приносят те или иные позитивные результаты российским вузам. Разбираются и анализируются методы ведения работы с иностранными абитуриентами. Авторы также дают прогнозы и делают предположения о потребностях как учащихся, так и меняющегося рынка труда.

Результаты: В статье проанализирован опыт российских университетов при использовании традиционных и инновационных мероприятий по поиску и привлечению иностранных студентов: прямые контакты между вузами, работа с рекрутинговыми агентствами, онлайн-платформы и выставки в зарубежных странах, система тьюторства с привлечением преподавателей и студентов. Приводятся как данные, полученные от исследователей из университетов, так и

* © Лосев К. В., Тимофеев И. А., 2023.

общие впечатления о результативности кампаний по мнению сотрудников международных отделов российских вузов.

Область применения результатов: В настоящее время российским университетам часто приходится менять географию набора иностранных абитуриентов. Работа с непривычными регионами, имеющими свою специфику, заставляет пересмотреть методы привлечения перспективной молодежи. Результаты исследования помогут специалистам международникам сориентироваться в ситуации и оптимизировать направления работы, сконцентрировавшись на наиболее эффективных подходах к молодым кадрам.

Выводы: Российским вузам важно реагировать на глобальные процессы и вызовы таким образом, чтобы оптимально расходовать свой ресурс во время кампаний по набору студентов. Приведенные в статье результаты исследования говорят о необходимости комбинировать различные методы работы, адаптировать их под особенности региона и в случае необходимости менять их в связи с изменением потребностей потенциальных студентов.

Ключевые слова: иностранные студенты; инструменты рекрутинга; международное образование; академический обмен.

Popular Methods to Recruit Foreign Students in 2020s

Losev Konstantin Viktorovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Advertising and Modern Communications, Head of the Department, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russia.

Email: k.losev@mail.ru

Timofeev Ivan Aleksandrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, post-graduate student, Saint Petersburg, Russia.

Email: molsoncan@yandex.ru

Abstract

Background: The beginning of the 21st century was marked by several major shifts in domestic and international education systems. Some digitalization processes are harmonious, while others are associated with global events, for example, the COVID-19 coronavirus pandemic. Some trends appear or disappear due to the fact that people themselves, their behavior, values and awareness of themselves in the world change. Regular analysis and reassessment of the effectiveness of different approaches to working with foreign applicants allows us to keep up with trends in the global educational process. The authors analyze current methods of recruiting foreign students to Russian universities.

Research methods: The authors give examples of how different approaches to recruiting foreign students bring certain results to Russian universities. Methods of working with foreign applicants are discussed and analyzed. The authors also make forecasts and assumptions about the needs of both students and the changing labor market.

Results: The article analyzes the experience of Russian universities in using traditional and innovative activities to find and attract foreign students: direct contacts between universities, work with recruiting agencies, online platforms and exhibitions in foreign countries, a tutoring system involving teachers and students. The article provides both data obtained from university researchers and general impressions of the effectiveness of campaigns according to the staff of international departments of Russian universities.

Implications: Currently, Russian universities often have to change the geography of recruiting foreign applicants. Working with unfamiliar regions that have their own specifics makes it necessary to reconsider methods of attracting promising young people. The results of the study will help international specialists navigate the situation and optimize their work, focusing on the most effective approaches to young personnel.

Conclusion: It is important for Russian universities to respond to global processes and challenges in order to optimize their resources during student recruitment campaigns. The results presented in the article emphasizes the need to combine different methods of work, adapt them to the specifics of the region and, if necessary, change them in connection with the changing needs of potential students.

Keywords: foreign students; recruiting tools; international education; academic exchange.

Академическая мобильность студентов-иностранцев стала неотъемлемой частью глобального образовательного процесса в третьем десятилетии XXI века. Университеты по всему миру прилагают усилия для привлечения талантливых иностранных студентов, и это имеет важное значение для расширения культурного разнообразия, повышения качества образования и стимулирования мировой научной и академической деятельности. В данной статье мы рассмотрим распространенные методы привлечения студентов-иностранцев, объясним их популярность и рассмотрим результаты, которые университеты получают, используя эти методы. Кроме того, мы рассмотрим разнообразие подходов, которые могут быть актуальными для разных регионов, где работают международные службы университетов.

Как мы уже отметили, в статье мы разберем наиболее релевантные в наше время методы поиска талантливой молодежи для российских вузов. Популярность этих методов объясняется несколькими факторами. Во-первых, академическая мобильность способствует обмену знаниями и опытом между культурами, что способствует глобализации знаний. Во-вторых, студенты-иностранцы могут приносить дополнительный доход для университетов в виде учебных платежей и дополнительных расходов. Наконец, в-третьих, это способствует повышению мировой репутации университета.

Результаты для университетов включают в себя развитие мультикультурной среды, улучшение качества обучения через обмен знаниями и опытом, увеличение разнообразия исследовательской работы и укрепление мировой академической сети.

Различные регионы могут требовать разных методов для привлечения студентов-иностранцев. Например, университеты в странах с развитой экономикой могут активно предлагать стипендии и проводить маркетинговые кампании для привлечения абитуриентов из развивающихся стран. В то время как университеты в развивающихся странах могут сосредотачиваться на улучшении качества образования и создании привлекательных конкурентоспособных и часто уникальных программ обмена. В свою очередь университеты также могут применять различные подходы при работе с разными аудиториями. Важно также учитывать и культурную специфику народов, в чьих странах проводится рекрутинговая кампания.

Разумным подходом к повышению узнаваемости вуза за рубежом выглядит выстраивание отношений с иностранными вузами в интересующем нас регионе. Так, исследователь Б. И. Вороновский из Хулунбуирского университета (КНР) рассказывает об опыте работы по налаживанию междууниверситетских контактов со стороны его вуза. Хулунбуирский университет активно участвует в программах обмена студентами и сотрудничает со многими университетами России, в частности с Российским Забайкальским государственным университетом (г. Чита), Белгородским государственным техническим университетом, Красноярским государственным педагогическим университетом, Красноярским государственным аграрным университетом, Сибирским федеральным университетом, Иркутским государственным техническим университетом и другими российскими университетами. Таким образом, он и сам является мостом для университетов-партнеров из России для поиска китайских студентов. Университет-партнер в интересующей нас стране может помочь избежать языковых и культурных недопониманий, а также предложить наиболее подходящих кандидатов для обучения в России [см.: 1]. В настоящее время идет становление новой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое информационно-образовательное пространство. Информационные технологии призваны стать неотъемлемой частью целостного образовательного процесса вуза, значительно повышающей его эффективность, отмечает исследователь.

Популярным способом привлечь в вуз иностранных студентов является работа с рекрутинговыми агентствами. Это удобно как университету, так и абитуриенту из-за границы. Исследователь Краснова Г. А. из РАНХиГС называет ряд преимуществ, которые подразумевает такой подход к набору иностранных студентов.

С точки зрения образовательных учреждений, сотрудничество с рекрутинговыми агентствами представляет несомненные преимущества.

Рекрутинговые агентства действуют в качестве представителей университетов на протяжении всего года, обеспечивая постоянное присутствие в медиа, проводя целевые маркетинговые кампании, участвуя в студенческих выставках и организуя дни открытых дверей для школьников. Они предоставляют достоверную информацию о состоянии регионального образовательного рынка. Рекрутинговые агентства предоставляют доступ к региональной инфраструктуре и контактам. Они помогают продвигать

программы, имеющие низкий спрос. Сотрудничество с ними способствует увеличению соотношения успешных поступлений к поданным заявлениям. Агентства также предоставляют отзывы от студентов после завершения обучения.

С точки зрения студентов сотрудничество с рекрутинговыми агентствами также обладает рядом преимуществ.

Рекрутинговый агент выступает как надежный, компетентный и ответственный представитель учреждения в стране происхождения студента. Он предоставляет консультации студентам и их родителям на родном языке, что особенно важно при выборе долгосрочных образовательных программ. Агент предлагает оптимальное место и направление обучения, учитывая интересы студента и особенности вузов. Предоставление полезных дополнительных услуг, таких как заполнение регистрационных форм, оформление страховки, билетов и виз также является частью их обязанностей. Благодаря консультациям и дополнительным услугам агентство повышает ценность образования в учреждении, не увеличивая его общей стоимости. Рекрутинговое агентство предоставляет поддержку на всех этапах процесса поступления и обучения студента [см.: 2].

Интересным опытом делится исследователь Л. А. Гаврильева, представляющая Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (СВФУ). Автор отмечает, что университет, работающий в условиях непростых климатических условий, смог хорошо себя зарекомендовать во время пандемии, когда резко выросло число онлайн-контактов.

В период с 2020 по 2021 год было отмечено значимое изменение в контексте рекрутинга и приема абитуриентов, включая иностранных студентов, а именно переход на использование онлайн-платформ для данной цели. Университет успешно прошел такое преобразование, принимая активное дистанционное участие в многочисленных образовательных выставках, проводимых рекрутинговыми организациями по всему миру. Важно отметить ряд преимуществ данного подхода: отсутствие необходимости нести транспортные и командировочные расходы для делегации университета, отсутствие издержек на печатную продукцию, так как вся информация предоставляется в цифровом формате. Кроме того, онлайн выставки позволяют достичь более широкой аудитории участников, так как потенциальные абитуриенты и их родители могут присоединиться к мероприятиям из разных уголков мира.

В период пандемии СВФУ активно участвовал в рекрутинговых мероприятиях, охватывая страны АТР, Европы, СНГ и Латинской Америки. Если бы вуз проводил аналогичные мероприятия в формате «физического» присутствия, это привело бы к значительным финансовым затратам. Однако благодаря осуществленным онлайн инициативам университет значительно увеличил свою международную привлекательность. Важно подчеркнуть, что в таких выставках участвуют не только потенциальные абитуриенты и их

родители, но также рекрутинговые агентства, специализирующиеся на направлении своих граждан на обучение в российские университеты [см.: 3].

Когда студент-иностранец находится в вашем вузе, работа международной службы здесь не закончена. Необходимо обеспечить ему постоянное сопровождение в ходе обучения и особенно в ходе решения бюрократических вопросов. Студенты могут испытывать трудности в ходе их адаптации в вузе. Исследователи И. В. Склярова, Е. К. Машкова, Н. С. Раснюк, Г. А. Котова, представляющие Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова, делятся рекомендациями по внедрению системы тьюторства в их университете.

В результате проведенного социологического исследования было установлено, что адаптация иностранных студентов связана с существенными трудностями. Иностранные обучающиеся вынуждены сталкиваться с немалыми вызовами, связанными с их пребыванием в неизвестной стране, и сопряженными с ними адаптационными процессами. В данном контексте активное участие студентов-кураторов в организации иностранной студенческой адаптации в новых социально-экономических условиях сыграло значительную роль и оказалось действенным механизмом поддержки. Привлечение студентов-кураторов для оказания помощи в адаптации оказалось эффективным, поскольку молодые люди, находящиеся в схожей жизненной ситуации, демонстрируют более легкое взаимопонимание и взаимодействие [см.: 4].

К вопросу адаптации обращается также исследователь К. С. Сидоркина из Томского государственного педагогического университета. Автор исследования пишет о необходимости готовить непосредственно профессорско-преподавательский состав к работе с иностранными студентами. Речь идет не только о языковой составляющей, но и понимании культурных различий и этических составляющих. Также автор делает акцент на знакомство самих студентов-иностранцев с российской культурой. Достичь этого возможно как при помощи разовых мероприятий, так и путем создания постоянно действующих площадок, способствующих культурной адаптации.

Сидоркина упоминает о важности совершенствования подготовительных курсов по РКИ, а также предлагает создавать справочные пособия с основной терминологией и объяснением процессов, происходящих в университете [см.: 5].

Таким образом, мы рассмотрели ряд примеров того, как российские университеты реагируют на изменяющуюся среду, разрабатывая решения для совершенствования системы набора иностранных студентов. Мы увидели примеры того, как возводятся межуниверситетские мосты, а также как онлайн-выставки открывают новые точки соприкосновения по всему миру. В качестве вывода также отметим тенденции к цифровизации, которые, тем не менее, не отменяют важности межличностных контактов, позволяющих лучше достигать целей по набору студентов-иностранцев. Кроме того, мы отмечаем важность ориентации на специфику аудитории в подходах к проведению кампании по рекрутингу.

Список литературы

1. Вороновский Б. И. Международное сотрудничество в образовании Россия – Китай // Актуальные вопросы экономики и агробизнеса: Сборник статей. Брянск, 05–06 марта 2020 года. – Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2020. – С. 33–38.
2. Краснова Г. А. Лучшие практики рекрутинга иностранных студентов // Аккредитация в образовании. – 2017. – № 2(94). – С. 40–42.
3. Гаврильева Л. А. Рекрутинг иностранных студентов в отдаленные регионы со сложными климатическими условиями // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 5(53). – С. 178–191.
4. Склярова И. В., Машкова Е. К., Раснюк Н. С., Котова Г. А. Привлечение студентов-кураторов (тьюторов) к адаптации иностранных студентов к обучению в медицинском вузе // Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития: Материалы XI Международной научно-практической конференции, Красноярск, 01 июня 2021 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, 2021. – С. 157–161.
5. Сидоркина К. С. Проблемы адаптации иностранных студентов к образовательному пространству российского вуза // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 10 июня 2022 года. – Москва: ООО «ИРОК», ООО «Издательство АЛЕФ», 2022. – С. 10–15.

References

1. Voronovskiy B. I. International Cooperation in Education Russia – China [Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v obrazovanii Rossiya – Kitay]. *Aktualnye voprosy ekonomiki i agrobiznesa: Sbornik statey. Bryansk, 05–06 marta 2020 goda* (Actual Questions of Economics and Agrobusiness: Collected Articles, Bryansk, March 5–6, 2020). Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2020, pp. 33–38.
2. Krasnova G. A. Best Practices When Recruiting Foreign Students [Luchshie praktiki rekrutinga inostrannykh studentov]. *Akkreditatsiya v obrazovanii* (Accreditation in Education), 2017, no. 2(94), pp. 40–42.
3. Gavrileva L. A. Recruiting of Foreign Students to Distant Regions with Harsh Climatic Conditions [Rekruting inostrannykh studentov v otdalennye regiony so slozhnymi klimaticheskimi usloviyami]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* (Perspectives of Science and Education), 2021, no. 5(53), pp. 178–191.
4. Sklyarova I. V., Mashkova E. K., Rasnyuk N. S., Kotova G. A. Involvement of Student-Mentors (Tutors) in the Adaptation of International Students to Study at a Medical University [Privlechenie studentov-kuratorov (tyutorov) k adaptatsii inostrannykh studentov k obucheniyu v meditsinskom vuze]. *Fizicheskoe vospitanie,*

sport, fizicheskaya rehabilitatsiya i rekreatsiya: problemy i perspektivy razvitiya: Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnoyarsk, 01 iyunya 2021 goda (Physical Education, Sport, Physical Rehabilitation and Recreation: Problems and Prospects for Development: Proceedings of XI International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, June 01, 2021). Krasnoyarsk: Sibirskiy gosudarstvennyy universitet nauki i tekhnologii imeni akademika M. F. Reshetneva, 2021, pp. 157–161.

5. Sidorkina K. S. Problems of Adaptation of Foreign Students to the Educational Space of Russian Higher Education Institution [Problemy adaptatsii inostrannykh studentov k obrazovatelnomu prostranstvu rossiyskogo vuza]. *Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obschestva v usloviyakh novoy realnosti: Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 10 iyunya 2022 goda* (Challenges of Modernity and Strategies of Society Development in the Conditions of New Reality: Proceedings of VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, June 10, 2022). Moscow: OOO “IROK”, OOO “Izdatelstvo ALEF”, 2022, pp. 10–15.

УДК 373; 378

Инклюзив и его роль в современных условиях цифровизации образования*

Кравченко Владимир Иосифович – доктор философских наук, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: Harisma52@mail.ru
SPIN: 9445-0215

Кузнецова Марина Анатольевна – доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: posolon@mail.ru

Пазовский Аркадий Маратович – кандидат социологических наук, доцент Новосибирского педагогического университета, доцент, нейропсихолог, психотерапевт, Новосибирск, Россия.

Email: arkpaza@gmail.com
SPIN-код: 8735-1671

Авторское резюме

Состояние вопроса: Истоки инклюзивного образования, согласно современным представлениям, лежат не в специальном образовании, а в специализированном. Это позволит образовательному учреждению обратить внимание на индивидуальный, адресный подход в решении поставленной задачи. Доминантой исследования проблем инклюзивного образования является понимание сущностного вопроса, а именно того, что не медицинские проблемы, связанные с состоянием здоровья, заявляются причинами инвалидности, а недостатки развития общества, которые своими барьерами препятствуют реализации прав и свобод людей с нарушениями здоровья.

Результаты: Опираясь на результаты научных исследований, авторы видят решение проблемы в реформировании существующей образовательной системы, в формировании новых постулатов и моделей постановки и решения проблемы инклюзивного образования, в повышении квалификационного уровня преподавания профессиональных дисциплин.

Область применения результатов: Инклюзивная система образования в условиях информационных технологий после апробации и испытания, необходимых для обеспечения ее успешного внедрения, находит широкое применение в образовательной практике, в формировании духовных ценностей человека на базе существующей традиционной культуры, в создании новой парадигмы системы образования. Данный процесс «включает в себя широкий круг мер и деятельности, начиная от начальной и более общей реабилитации и кончая целенаправленной деятельностью, например, восстановлением профессиональной трудоспособности» [см.: 7]. Он также влияет на социальную

* © Кравченко В. И., Кузнецова М. А., Пазовский А. М., 2023.

адаптацию обучающихся, в том числе посредством организации и развития инклюзивного образования.

Выводы: 1. Внедрение инклюзивной системы образования в России должно привести к улучшению качества образования и расширению возможностей для всех обучающихся независимо от их индивидуальных потребностей и способностей при наличии адресного направления в образовании.

2. Кадровый состав образовательных учреждений, занимающихся реализацией инклюзивной системы образования, играет ключевую роль в достижении эффективности данной системы. В связи с этим существенным является повышение квалификации персонала и расширение его знаний в области специального образования, что стало одной из возможностей приобретения навыков фасилитации преподавателями вузов и учителями школ.

Ключевые слова: Инклюзивное образование; новая парадигма; компетенция; конвенция; человек; кризис образования; модель; социально-психологическая реабилитация и адаптация; задача исследования.

Inclusion and Its Role in Modern Context of Education Digitalization

Kravchenko Vladimir Iosifovich – Doctor of Philosophy, Department of Advertising and Modern Communications of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor, Saint Petersburg, Russia.

Email: Harisma52@mail.ru

Kuznetsova Marina Anatolyevna – Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia.

Email: posolon@mail.ru

Pazovsky Arkady Maratovich – PhD (Sociology), Associate Professor of Novosibirsk Pedagogical University, associate professor, neuropsychologist, psychotherapist, Novosibirsk, Russia.

Email: arkpaza@gmail.com

Abstract

Background: According to modern ideas, inclusive education traces its origins not in special education, but in specialized one. This allows the educational institution to pay attention to an individual or targeted approach to solving the problem. The dominant focus of inclusive education study is the understanding of the essential issue. It is not medical problems associated with health conditions that are claimed to be the causes of disability, but shortcomings in the development of society, which, using their restrictions, impede the realization of the rights and freedoms of people with disabilities.

Results: A solution to the problem is in reforming the existing educational system, in the formation of new postulates and models for posing and solving the problem of inclusive education, in increasing the qualification level of teaching professional disciplines.

Implications: An inclusive education system in the context of information technology, after its testing necessary to ensure the successful implementation, is widely used in educational practice, in the formation of human spiritual values based on the existing traditional culture, in the creation of a new paradigm of the education system. This process includes a wide range of measures and activities, ranging from initial and more general rehabilitation to the targeted restoration of professional working capacity [see: 7]. It affects the social development of students, including the organization of inclusive education.

Conclusion: 1. The introduction of an inclusive education system in Russia makes it possible to improve education quality and offer opportunities for all students, regardless of their individual needs and abilities, provided there is a targeted direction in education.

2. The staffing of educational institutions involved in the implementation of an inclusive education system plays a key role in achieving the effectiveness of it. In this regard, it is essential to improve staff's qualifications and accumulate their knowledge in the field of special education, which is one of the opportunities for university lecturers and schoolteachers to acquire facilitation skills.

Keywords: Inclusive education; new paradigm; competence; convention; human; education crisis; model; socio-psychological rehabilitation and adaptation; research problem.

Современный «кризис образования», который приобрел общемировые масштабы, во многом был вызван необходимостью ревизии сложившихся неадекватных взаимоотношений между человеком и природой и изменением социокультурной роли образования. Помимо этого, совокупностью причин, породивших кризисное состояние в области образования и в самой социальной системе, можно назвать: глобальный информационный мир, неготовность и неспособность человека принять и осознать поток информации нового мира, глобальные проблемы современности, проблемы экологии и, наконец, необходимость экологического преобразования морально-духовных ценностей. В этой связи народные традиции способствуют осознанию собственной индивидуальности, пониманию личной идентификации, выбору мировоззренческой позиции. В современных условиях информатизации с особой очевидностью проявилась проблема несоответствия качества образования и требования времени. Это определяет *актуальность* исследования структуры не только научного знания, но и всей системы общего образования современной России. Инклюзивность – это когда любой человек может без проблем «погрузить» себя в различные сферы общественной жизни пользуясь всеми благами общества. Такого рода понимание сущности инклюзива позволяет устранить ряд барьеров несовершенства общеобразовательной системы. Не случайно ЮНЕСКО определяет инклюзию как «процесс обращения и реакции на разнообразие нужд всех учащихся через возрастающее участие в учении, культурах и общинах и уменьшение эксклюзивности (исключений) в их обучении». В итоговом документе третьего

регионального семинара Сообщества практики в СНГ по вопросам развития содержания общего среднего образования «Инклюзивное образование: путь в будущее» главным направлением в стратегии развития инклюзии заявляется «погружение» или вовлечение всех детей в общеобразовательный процесс. Наши наблюдения за непосредственно происходящими в своих вузах процессами и сделанные выводы вполне коррелируют с динамикой данных социологических исследований. Так, по результатам опроса Фонда общественного мнения, проведенного в июне 2012 г., еще только 45 % опрошенных считали, что дети-инвалиды должны учиться вместе с обычными детьми, 35 % респондентов были против совместного обучения, а 19 % затруднились ответить [см.: 5]. Опрос, проведенный ВЦИОМ летом 2021 г., показал: в общественном мнении россиян за 9 лет произошли существенные изменения. Уже 66 % опрошенных положительно относятся к совместному обучению детей с особенностями развития с детьми без особенностей. Отрицательно – 16 % и не задумывались об этом 13 % респондентов (таблица 1). Причем опрошенная молодежь 18–24 лет в подавляющем большинстве дала позитивные оценки процессу развития инклюзивного образования (81 %).

Таблица 1 – Динамика изменения мнений респондентов за период 2012–2021 гг.

	Должны учиться вместе, %	Должны учиться отдельно, %	Затруднились ответить, %
ФОМ, июнь 2012 г.	45	35	19
ВЦИОМ, август 2021 г.	66	16	13
<i>Динамика</i>	<i>+ 21</i>	<i>- 19</i>	<i>- 6</i>

Преимущества развития инклюзивного совместного обучения очевидны. По данным опроса – это и социализация, и развитие толерантности, создание позитивного микроклимата, равенство возможностей в получении образования, хорошее развитие и обучаемость детей [см.: 3]. Таким образом, с момента создания в Москве (1991 г.) по инициативе Центра лечебной педагогики первой школы инклюзивного образования «Ковчег» и проекта «Интеграция лиц с ограниченными возможностями здоровья» (1992 г.) до настоящего времени инклюзивное образование в России прошло большой путь хабиутализации, институционализации, развития и социального признания, что фиксируют результаты локальных наблюдений включенных в процесс исследователей, с одной стороны, и репрезентативные исследования всероссийских социологических центров – с другой. Важно подчеркнуть, как свидетельствуют независимые эксперты, что *не медицинские проблемы, связанные с состоянием здоровья, заявляются в Концепции как причины инвалидности, а недостатки развития общества, которые своими барьерами*

препятствуют реализации прав и свобод людей с нарушениями здоровья. Следовательно, можно заключить, что неготовность общества к произошедшим изменениям в социальной политике и вообще в мире в целом является одной из центральных проблем инклюзивности. Чтобы преодолеть эти препятствия, необходимо взять на вооружение инклюзивный подход, который предполагает учет потребностей всех учеников и создание равных возможностей для их обучения. Важным фактором инклюзивного образования (*inclusion — включение, включающее образование, совместное обучение*) является доступность образовательных учреждений для всех учащихся, включая тех, кто имеет те или иные особенности.

Инклюзивное образование является важным инструментом социальной интеграции учащихся, которые могут находиться в состоянии повышенного риска социального исключения. Для достижения этой цели широко применяются инклюзивные практики в виде семинарских и лабораторных занятий, которые призваны помочь таким учащимся в их социальной интеграции и повышении жизненной компетенции.

Одним из основных принципов инклюзивных практик является принцип *индивидуализации обучения*. Это означает, что образовательный процесс должен быть адаптирован к потребностям и способностям каждого учащегося [см.: 2]. Один из примеров индивидуализации обучения при инклюзивном подходе можно найти в Швеции. В шведской системе образования существует понятие «школа для всех» (School for All), которое подразумевает, что все дети, включая и имеющих особые потребности, имеют право на образование в общих школах. Для обеспечения индивидуализации обучения в таких школах применяются различные методы и технологии. Например, в Швеции широко используется индивидуальное обучение на основе компьютерных программ, которые позволяют учителям создавать индивидуальные учебные планы для каждого ученика. Также в шведских школах используется методика «дифференцированного обучения», при которой ученики разделяются на маленькие группы и занимаются по индивидуальному учебному плану. Имеются также специальные программы для детей с аутизмом, задержкой речевого развития и другими особыми потребностями [см.: 6]. Важным компонентом в инклюзивной образовательной системе остается когнитивное образование, которое играет ключевую роль в достижении инклюзии, поскольку стремится к осознанию студентом своих познавательных функций, которые могут помочь ему более глубоко понимать изучаемый предмет. Таким образом, цель инклюзивного образования заключается в том, чтобы поддержать образование для всех, включить всех обучающихся в образовательную систему и обеспечить при этом их равноправие. В феврале 2023 года Государственная дума России внесла изменения в ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации». В частности, Статьей 71 расширены особые права при приеме на обучение по программам бакалавриата и специалитета за счет участников специальной военной операции, детей военнослужащих и сотрудников других силовых структур, погибших или получивших увечье (ранение, травму, контузию) либо заболевание при исполнении обязанностей военной службы в

ходе СВО. Пункт 16.1 этой же статьи определяет особенности правового регулирования отношений в сфере высшего образования новых субъектов [см.: 8]. Проблема заключается *не в том, как интегрировать отдельных студентов в основную систему образования, а в том, как трансформировать общеобразовательную систему*, чтобы она отвечала разнообразным потребностям всех и каждого в современных условиях цифровизации образования. Статистика последних лет показывает, что более 33,3 тыс. студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) обучаются в российских вузах, из них около 170 человек имеют психические нарушения. Об этом сообщил заместитель директора департамента координации деятельности образовательных организаций Минобрнауки РФ Аслан Дамбегов по итогам проведенного министерством мониторинга [см.: 1]. Хорошим подспорьем в развитии и совершенствовании инклюзивного образования сегодня являются цифровые технологии, которые могут стать эффективным и доступным инструментом для создания адаптивной учебной среды в инклюзивных классах, которая будет соответствовать общей программе цифровой грамотности. Кстати, постоянное повышение квалификации учителя (преподавателя) в последнее время стало одной из возможностей приобретения навыков *фасилитации* преподавателями и учителями школ. Следует заметить, что приобретение данных навыков преподавателями не только кардинально меняет окраску всего учебного процесса, но и стимулирует у самого ученика (студента) потребность в самостоятельной деятельности. Таким образом, развитие инклюзивного образования предполагает изменение парадигмы образования, которая ориентирована на всех учащихся, находящихся в сложной жизненной ситуации, а не только на инвалидов. Сегодня инклюзивное образование – это всё больший сдвиг к комплексному, целостному подходу, основанному на интересах обучающегося. Инклюзивная компетентность педагогов является важным компонентом специальных профессиональных компетенций в условиях «новой» парадигмы образования, которая ориентирована на интегративное личностное развитие преподавателей.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения активно включился в выполнение общей программы инклюзивного обучения и создал сайт с применением адаптивного дизайна «Информация для людей с ограниченными возможностями». С этой целью на сайте университета применен адаптивный дизайн, который позволяет качественно отображать информацию на различных устройствах с различным размером экрана и разрешением. Применение данной технологии также обеспечивает эффективный доступ к материалам сайта для людей с ограниченными возможностями благодаря встроенным средствам веб-браузеров. Для улучшения доступности материалов сайта для людей с ограниченными возможностями на сайте ГУАП предусмотрены полезные комбинации клавиш, такие как увеличение или уменьшение размера текста, а также установка размера шрифта в 100 %. Эти функции облегчают чтение текста и улучшают восприятие информации. В процессе всего обучения при

возникновении проблем студент может обратиться в службу поддержки. Более того, в рамках программы инклюзивного образования ГУАП предоставляет свои ресурсы для профориентации школьников в рамках проекта «Открытый ГУАП». Эта инициатива позволяет будущим студентам ознакомиться с возможностями университета, подобрать подходящую специальность и приобрести необходимые знания для успешного обучения на первом курсе. Таким образом, ГУАП стремится создать комфортные условия для всех студентов и обеспечить их успех в научной и проектной деятельности. Безусловно, сохраняются и весьма существенные проблемы и трудности, однако ряд мероприятий – оптимизация учебных процессов в вузах, реформирование социальной среды, массовое интегрирование медиа-систем в учебный процесс, повышение педагогического мастерства путем повышения квалификации преподавателей, обновление учебно-материальной базы, создание инклюзивной образовательной среды, организация технико-реабилитационного, психолого-педагогического и научно-методического сопровождения студентов-инвалидов, разработка новых образовательных технологий, развитие дистанционных форм обучения и ряд других мероприятий – крайне необходим для реформирования существующей образовательной парадигмы и образования «новой инклюзивной модели», парадигмы для решения проблемы в конкретной области, в частности, в области инклюзивного образования. Справедливости ради следует заметить, что сам проект инклюзивного образования направлен на преобразования как формы, так и содержания всей общеобразовательной системы нашего государства, и определенной новизной проекта можно считать его адресную практическую значимость. Последнее, на наш взгляд, может способствовать созданию принципиально новой общеобразовательной системы и построению «инклюзивного общества».

Реформы образования в современных условиях – это своего рода вызов, требование времени, поэтому во всех образовательных учреждениях необходимо сделать уклон на развитие духовно-нравственных качеств человека, формировать нравственный облик, воспитывать терпение, милосердие, сострадание, великодушие. На сегодня данная гипотеза остается больше желаемой, чем действительной, в виду отсутствия на данный момент должного количества практических наработок, в связи с незавершенностью процесса [см.: 4], однако это не снижает актуальности такого рода вывода. В этой связи не менее важным является развитие и совершенствование профориентационной работы «школа – вуз» как наиболее приоритетного направления в области совершенствования системы образования в условиях Российской действительности.

Список литературы

1. Дамбегов А. В российских вузах обучаются более 33,3 тыс. студентов с инвалидностью и ОВЗ // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16612913> (дата доступа 15.08.2023).

2. Кузьмичева Т. В., Афонькина Ю. А., Морозова Д. А. Новая парадигма повышения квалификации педагогов: индивидуализация в инклюзивном образовании // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2021. – № 12 (декабрь). – С. 56–71. – URL: <http://e-koncept.ru/2021/211081.htm> (дата обращения 15.08.2023). DOI 10.24412/2304-120X-2021-11081

3. Льготные категории студентов // МИРЭА – Российский технологический университет. Управление по воспитательной и социальной работе. – URL: https://student.mirea.ru/scholarship_support/social_payment/preferential_students_categories/ (дата обращения 15.08.2023).

4. Огольцова Е. Г., Саблюкова В. В., Кузьмина А. А., Нестерова О. А. Роль инклюзивного образования в практике социальной работы // Молодой ученый. – 2021. – № 24 (366). – С. 346–349. – URL: <https://moluch.ru/archive/366/82257/> (дата обращения 15.08.2023).

5. Образование без границ: дети-инвалиды в обычных школах // Фонд Общественное Мнение. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10588> (дата обращения 15.08.2023).

6. Пенин Г. Н. Инклюзивное образование как новая парадигма государственной политики // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2010. – № 9 (83). – С. 41–47.

7. Введение – Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов // Организация Объединённых Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_intro.shtml (дата обращения 15.08.2023).

8. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.02.2023), Статья 5, п. 5, 1.

References

1. Dambegov A. More Than 33.3 thousand Students with Disabilities Study in Russian Universities [*V rossiyskikh vuzakh obuchayutsya bolee 33,3 tys. studentov s invalidnostyu i OVZ*]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/16612913> (accessed 15 August 2023).

2. Kuzmicheva T. V., Afonkina Yu. A., Morozova D. A. New Paradigm for Advanced Training of Teachers: Individualization in Inclusive Education [Novaya paradigma povysheniya kvalifikatsii pedagogov: individualizatsiya v inklyuzivnom obrazovanii]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"* (Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"), 2021, no. 12 (December), pp. 56–71. Available at: <http://e-koncept.ru/2021/211081.htm> (accessed 15 August 2023). DOI 10.24412/2304-120X-2021-11081

3. Preferential Categories of Students [*Lgotnye kategorii studentov*]. Available at: https://student.mirea.ru/scholarship_support/social_payment/preferential_students_categories/ (accessed 15 August 2023).

4. Ogoltsova E. G., Sablyukova V. V., Kuzmina A. A., Nesterova O. A. The Role of Inclusive Education in the Practice of Social Work [Rol inklyuzivnogo obrazovaniya v praktike sotsialnoy raboty]. *Molodoy uchenyy* (Young Scientist), 2021, no. 24 (366), pp. 346–349. Available at: <https://moluch.ru/archive/366/82257/> (accessed 15 August 2023).

5. Education without Borders: Children with Disabilities in Regular Schools [*Obrazovanie bez granits: deti-invalidy v obychnykh shkolakh*]. Available at: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10588> (accessed 15 August 2023).

6. Penin G. N. Inclusive Education as a New Paradigm of Public Policy [Inklyuzivnoe obrazovanie kak novaya paradigma gosudarstvennoy politiki]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* (Universum: Bulletin of Herzen University), 2010, no. 9 (83), pp. 41–47.

7. Introduction – Standard Rules for Equal Opportunities for Persons with Disabilities [*Vvedenie – Standartnye pravila obespecheniya ravnykh vozmozhnostey dlya invalidov*]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_intro.shtml (accessed 15 August 2023).

8. Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ (as amended on February 17, 2023) “On Education in the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on February 28, 2023), Article 5, paragraph. 5, 1.

УДК 796.034.2

Анализ особенностей первого советского комплекса ГТО 1931 года*

Сидоренко Александр Сергеевич – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра физической культуры и спорта, доцент, кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: thesis@internet.ru

SPIN: 2897-3075

ORCID: 0000-0002-1563-5047

Scopus ID: 57190945341

Авторское резюме

Состояние вопроса: В 1931 году решением Высшего совета физической культуры в СССР был введён в действие первый советский комплекс ГТО, который, изменяясь и совершенствуясь, наряду с Единой Всесоюзной (Всероссийской) спортивной классификацией на долгие годы стал мерилom развития массовой физкультуры и спорта в нашей стране. Оглядываясь более чем на 90 лет назад, интересно провести параллели между сегодняшними нормативами и требованиями почти вековой давности.

Результаты: Комплекс ГТО 1931 года состоял из одной ступени, разделенной на 3 возрастные группы, и включал в себя 21 испытание, из которых 13 относились непосредственно к спортивным нормативам на результат, 5 имели более практический прикладной характер, 3 представляли собой контроль теоретических знаний, как спортивных, так и военных, и 1 оценивал трудовую деятельность испытуемого.

Область применения результатов: Лекционный курс по дисциплине «Физическая культура» для студентов 1 курса ГУАП.

Выводы: Первый советский комплекс «Готов к труду и обороне СССР» 1931 года в наибольшей степени соответствовал своему названию, так как охватывал необходимые умения и навыки, которые были необходимы советским гражданам на работе и в обычной жизни игодились бы им в условиях военного времени. Последующие послевоенные комплексы ГТО имели четко выраженную спортивную составляющую. В комплексе 1931 года наблюдается небольшая дифференциация нормативов для разных возрастных групп и, соответственно, несколько завышенные требования к представителям зрелого возраста, при том, что спортивные нормативы для студенческой молодёжи уступают современным.

Ключевые слова: первый комплекс ГТО в СССР; физическая культура.

* © Сидоренко А. С., 2023.

Analysis of the Features of the First Soviet GTO (Ready for Labor and Defense) Complex Introduced 1931

Sidorenko Alexander Sergeevich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Physical Culture and Sports, Associate Professor, PhD (Pedagogy), Saint Petersburg, Russia.

Email: thesis@internet.ru

Abstract

Background: In 1931, by decision of the Supreme Council of Physical Culture in the USSR, the first Soviet GTO complex was introduced. Along with the Unified All-Union (All-Russian) sports classification, it became an indicator of the development of mass physical education and sports in our country for many years. Looking back for more than 90 years, it is interesting to draw parallels between today's regulations and the requirements existed almost a century ago.

Results: Initially the GTO complex had one level, with three age groups. An individual had to pass 21 tests, 13 of which had concrete norms, five were of a more practical applied nature, three controlled theoretical knowledge of both sports and military personnel and one assessed the work activity of an individual.

Implications: Lecture course in the discipline “Physical Education” for 1st year students of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Conclusion: The first Soviet GTO complex most closely corresponded to its name, as it included the necessary skills that were essential for Soviet citizens at work and in everyday life and would be useful to them in wartime. Subsequent post-war GTO complexes had a clearly defined sports component. In the 1931 complex, there is a slight differentiation of standards for different age groups and, accordingly, somewhat excessive demands for representatives of mature age. By contrast, sports standards for student youth are inferior to modern ones.

Keywords: first GTO complex in USSR; physical education.

24 мая 1930 года газета «Комсомольская правда» напечатала обращение, в котором предлагалось установить всесоюзные испытания на право получения значка «Готов к труду и обороне». Речь шла о необходимости введения единого критерия для оценки физической подготовленности молодежи. Предлагалось установить специальные нормы и требования, а тех, кто их выполнял – награждать значком [см.: 4].

В 1930 году Всесоюзным советом по физической культуре был разработан проект комплекса нормативных требований «Готов к труду и обороне СССР», который был утвержден и введен в действие 11 марта 1931 года. Декларируемые цели вводимого комплекса – «дальнейшее повышение уровня физического воспитания и мобилизационной готовности советского народа, в первую очередь молодого поколения...».

Идея данного комплекса стала логичным продолжением политики советского руководства по развитию в стране массовой физической культуры и

вовлечению в спортивное движение как можно большего числа советских граждан. Улучшая уровень физической подготовленности населения, в первую очередь было необходимо решать задачи повышения обороноспособности страны. В публикациях спортивной периодики того времени спортивные умения и навыки тесно увязываются с военной подготовкой и задачами по обороне отечества. В конце 20-х – начале 30-х годов в журнале «Физкультура и спорт» неоднократно поднимается тема неизбежности новой войны между представителями буржуазных государств, в которую может быть втянут Советский Союз и к которой советский народ должен быть готов. Развитие массовой физкультуры требовалось, безусловно, и в аспекте планов повышения производительности труда.

Аккумулировать результаты длительной и системной работы по развитию массовой физкультуры на местах была призвана триада: Всесоюзная спартакиада – Комплекс ГТО – Единая всесоюзная спортивная классификация.

Проведение Всесоюзной спартакиады 1928 года должно было составить количественное представление о занимающихся спортом в стране. Введенный с 1931 года Комплекс ГТО был вторым звеном данной цепочки и должен был выявлять граждан, удовлетворяющих определенным требованиям физической подготовленности. А введенная с 1935 года Единая Всесоюзная спортивная классификация выделяла и ранжировала уже спортсменов высокого уровня подготовленности [см.: 2].

Таким образом, на протяжении всего советского периода истории комплекс ГТО являлся маркером уровня развития в стране массовой физкультуры. Требования и нормативы комплекса неоднократно менялись в зависимости от текущих условий, однако его структура в целом осталась неизменной. В этой связи интересно провести параллели между требованиями почти вековой давности, позднего советского периода и нормативами нынешнего российского комплекса ГТО, действующего с 2014 года [см.: 1, 4, 5].

Ниже в таблице приведены нормативы комплекса ГТО 1931 года в том виде, в котором они были опубликованы в № 2 журнала «Физкультура и спорт» за 20 января 1931 года [см.: 3].

Комплекс ГТО 1931 года состоял из одной ступени, разделенной на 3 возрастные группы от 17 лет и старше, и включал в себя 21 испытание. Основным отличием данного комплекса от послевоенных был более разносторонний охват основных требований к испытуемым, которые должны были выполнять не только спортивные тесты, но и задания, более приближенные к обычным бытовым условиям – такие как умение держаться на воде, грести, кататься на велосипеде, выполнять комплекс гимнастики, уметь оказывать первую помощь пострадавшему, в чрезвычайной ситуации уметь надевать противогаз и находиться в нем.

Таблица 1 – Нормативы комплекса ГТО 1931 года

Норматив			мужчины			женщины		
№	Возрастная группа	Ед. изм.	18-30	31-40	40+	17-25	26-35	35+
1	Бег 100 м	с	14,0	14,5	15	16,0	16,5	17
2	Бег 500 м	мин.	-	-	-	1,50	1,55	2,00
	Бег 1000 м	мин.	3,30	3,40	3,50	-	-	-
3	Прыжок в длину с/р	м	4,20	4,00	3,80	-	-	-
4	Прыжок в длину с/м	м	-	-	-	1,80	1,70	1,60
5	Прыжок в высоту	м	1,25	1,20	1,10	1,00	0,90	0,80
6	Метание гранаты 700 г	м	40	40	35	25	23	20
7	Плавание 50 м	мин.	0,55	1,00	1,05	1,10	1,15	1,20
8	Плавание любым способом в течение 10 минут		для всех					
9	Лыжи 3 км по умеренно-пересеченной местности	мин.	-	-	-	20,0	22,0	24,0
	Лыжи 10 км	мин.	70,0	75,0	80,0	-	-	-
10	Подтягивание на перекладине до подбородка	раз	6	6	6	3	2	2
11	Поднимание туловища	раз	-	-	-	6	5	4
12	Поднимание мешка 32 кг с земли на плечо	раз	10	8	6	-	-	-
13	Гребля на прогулочной лодке 1 км	-	для всех					
14	Велосипед 10 км по шоссе и проселку	мин.	40	40	45	50	50	55
15	Военные знания и навыки	-	для всех					
16	Пребывание в противогазе 10 минут	-	для всех					
17	Подача первой помощи	-	для всех					
18	Знакомство с основами советского физкультурного движения	-	для всех					
19	Знание основ самоконтроля	-	для всех					
20	Умение правильно выполнять комплекс упражнений без снарядов	-	для всех					
21	Ударничество на производстве	-	для всех					

Непосредственно военная подготовка сводилась к одному расширенному испытанию, которое включало в себя как проверку теоретических знаний, так и овладение практическими армейскими навыками, в первую очередь в стрелковой и строевой подготовке, и основах рукопашного боя.

В теоретический раздел комплекса, кроме этого, входил контроль знаний испытуемых по основам советского физкультурного движения, оказания первой помощи, основам самоконтроля. Ну и обязательным требованием для

получения значка ГТО являлось безупречное выполнение своих обязанностей на рабочем месте.

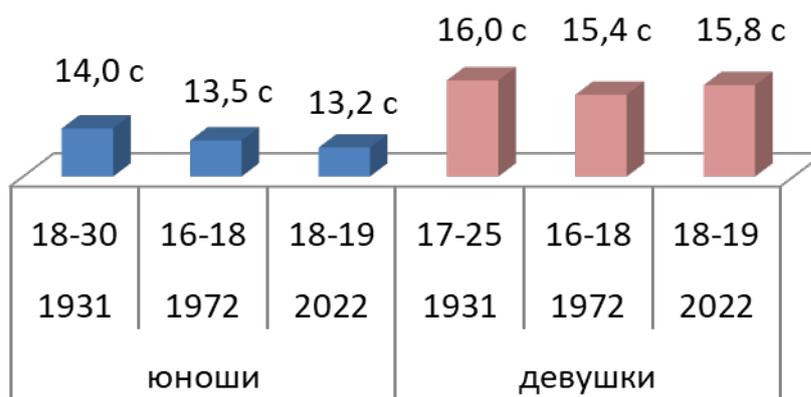
Это был первый пробный вариант комплекса, который уже через год дополнился II ступенью с более сложными нормативами. Затем в довоенный период несколько раз происходил пересмотр нормативов в сторону уменьшения или повышения, а также менялись возрастные категории. Сами испытания остались практически теми же.

В послевоенный период в структуре комплекса постоянно происходили изменения относительно количества ступеней, возрастных групп и непосредственно самих нормативов. С середины 50-х годов нормативы комплекса приняли исключительно спортивный вид, исчезли теоретические вопросы и военно-прикладные навыки. Последние серьезные изменения в советском комплексе ГТО произошли в 1972 году. На нормативы данного комплекса и следует ориентироваться при оценке уровня физической подготовленности населения СССР.

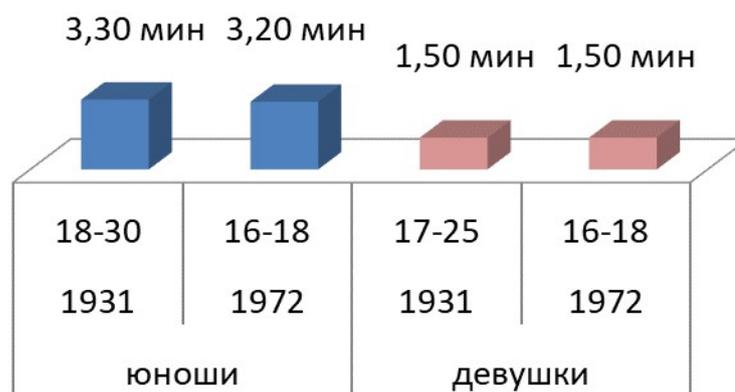
Учитывая, что разрабатываемые в данный период времени требования к выполнению тех или иных нормативов, как правило, опираются на средние текущие данные физической подготовленности населения, эти нормы могут стать косвенными маркерами, отражающими уровень физического развития населения в каждый исторический период.

В данной работе автор сделал попытку сравнения нормативов комплексов ГТО 1931, 1972 и 2022 годов по тем видам тестов, которые в этих комплексах совпадают. В качестве предмета исследования были выбраны тесты для молодых людей в возрасте 18 лет. Для 1972 и 2022 годов анализировались результаты, необходимые для получения «золотого значка».

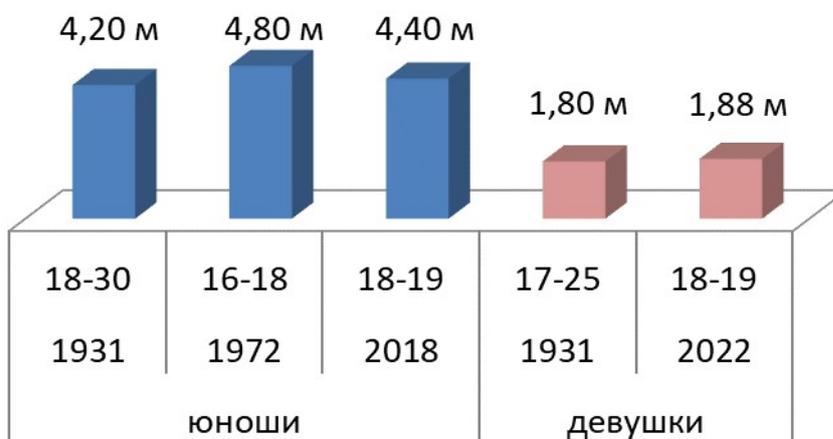
На рисунке 1 представлены графики результатов легкоатлетических нормативов комплекса ГТО, которые являются наиболее распространенными для оценки уровня развития основных физических качеств испытуемых.

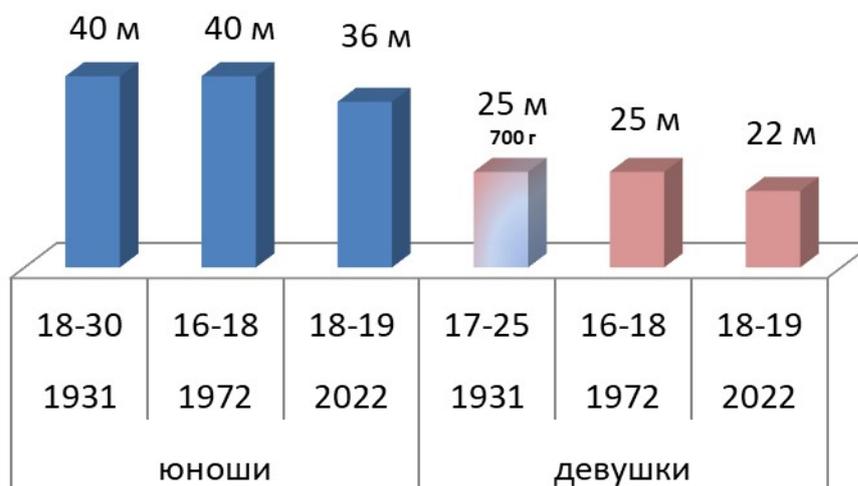
А) Бег 100 м

Б) Бег 1000 м/500 м

В) Прыжок в длину с разбега / с места

Г) Метание гранаты 700/500 г.

Рисунок 1 – Легкоатлетические нормативы комплекса ГТО

В беге на короткие дистанции, отражающем развитие быстроты, у юношей с 1931 до 2022 года заметно усиление норматива, что может свидетельствовать об улучшениях в развитии данного качества. У девушек,

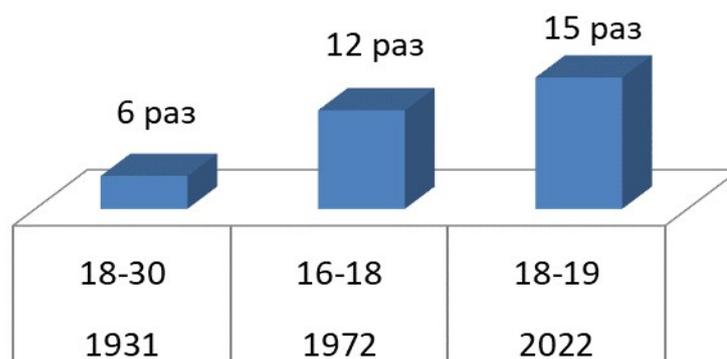
напротив, самые высокие результаты нужно было показывать в 1972 году, а нынешние значения не на много превосходят показатели 1931 года.

В беге на выносливость на 500 м требования к девушкам в советский период не изменялись, а у юношей в беге на 1000 м немного возросли. К сожалению, в современной редакции комплекса данные нормативы заменены на бег на 2 и 3 км, поэтому по данному физическому качеству полноценного сравнения провести не удастся.

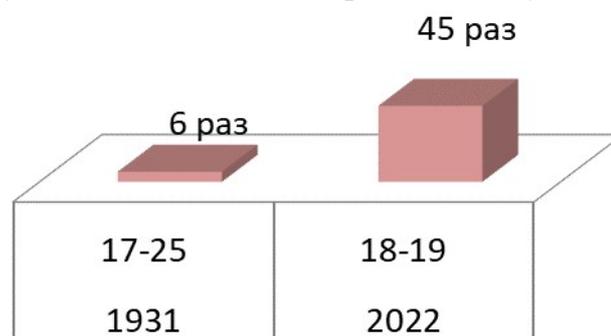
В прыжках в длину с разбега у юношей требования 1972 года намного превосходят довоенные, в 2018 году российские нормы также оказались ниже советских, а в 2022 году данный норматив отменили.

Единственный вид, в котором нормативы 1931 года не уступали более поздним, это метание гранаты, что естественно, учитывая специфику подготовки того времени и его необходимость. В довоенный период девушек, как и юношей, заставляли метать гранату 700 г, и только после войны её заменили на 500 г.

На рисунке 2 представлены силовые гимнастические нормативы – подтягивание на высокой перекладине у юношей и поднимание туловища у девушек.

А) Подтягивание на перекладине (юноши)

Б) Поднимание туловища (девушки)

Рисунок 2 – Силовые гимнастические нормативы комплекса ГТО

Здесь нельзя не обратить внимание на достаточно слабые требования к силовым способностям испытуемых в комплексе ГТО 1931 года. Юношам было необходимо подтянуться только 6 раз в сравнении с сегодняшним требованием

в 15 раз, а девушкам выполнить подъём туловища также только 6 раз против 45 раз в комплексе 2022 года. Эти невысокие требования выглядят довольно странно в сравнении с тем же метанием гранаты, где силовые способности верхнего плечевого пояса также являются определяющими, а также военными нормативами у юношей, где, например, преодоление полосы препятствий во многом зависит от умения подтягиваться.

В нормативе по плаванию на 50 м результаты 1931 года также ниже нынешних, что очевидно, учитывая условия подготовки пловцов в 30-е годы (рисунок 3).

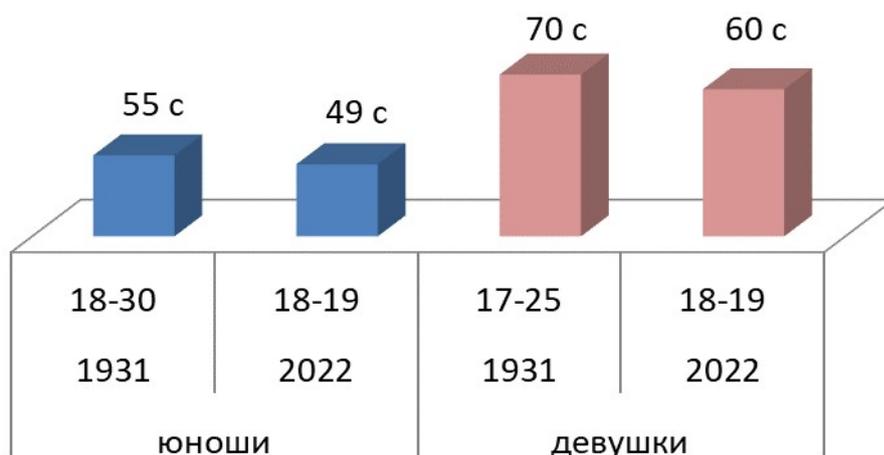

Рисунок 3 – Норматив ГТО в плавании на 50 м

Можно отметить значительное повышение нынешних нормативов в ходьбе на лыжах у девушек, более чем на 25 % от довоенных. Здесь также следует иметь в виду несовершенство спортивного инвентаря в начале 30-х годов и несовершенство тренировочного процесса (рисунок 4).

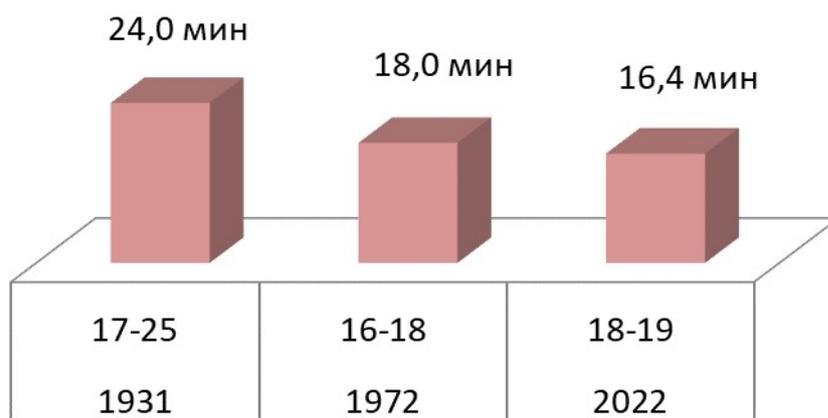

Рисунок 4 – Ходьба на лыжах 3 км (девушки)

В таких видах как плавание, лыжные гонки, езда на велосипеде, гребля на лодке, в дальнейшем – в умении управлять автомобилем или трактором в комплексе ГТО в 30-е годы XX века основная задача ставилась в большей степени на уверенное владение данными навыками, а не на конечный результат.

Так, например, в комплексе ГТО 1931 года кроме норматива в плавании на скорость, присутствует отдельный тест на умение держаться на воде в течение 10 минут. В те годы перечисленные выше навыки еще не были массово распространены среди населения и нуждались в тренировке.

И еще одно важное наблюдение касается небольшого различия в некоторых нормативах между разными возрастными группами. Например, в прыжках в длину с разбега разница между нормативами для 18-летнего юноши и 40-летнего мужчины составляла всего 40 см, что недопустимо мало, учитывая, что уже само выполнение данного норматива для возрастных граждан представляет определённые сложности. То же самое касается нормативов в беге на 100 метров и в прыжках в высоту. В настоящее время данные нормативы для испытуемых старших возрастных групп не используются.

Единственным нормативом, в котором возможно сравнение требований разных комплексов у взрослых мужчин, является бег на 1000 м. Мы видим, что если для возрастной группы чуть за 30 лет результаты 1931 и 2022 годов сопоставимы, то для категории 40+ сегодняшние требования намного ниже (рисунок 5).

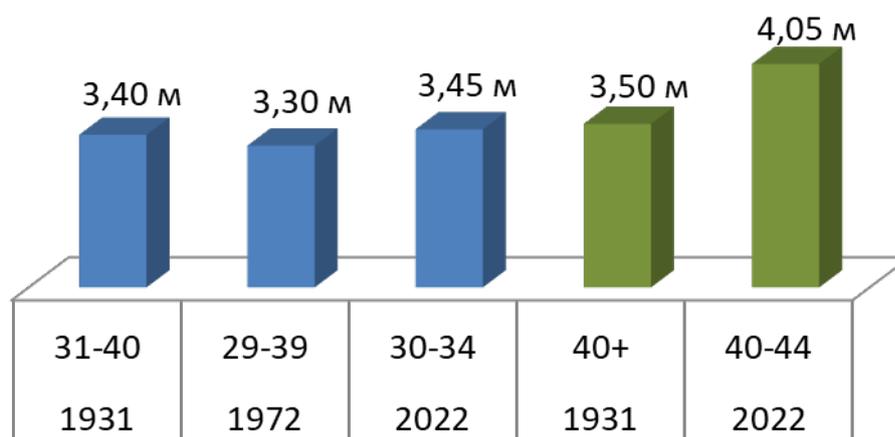

Рисунок 5 – Бег на 1000 м (мужчины)

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Разработка и внедрение комплекса «Готов к труду и обороне СССР» явилось логичным продолжением линии советского руководства по развитию в стране массовой физической культуры с целью упорядочения контроля за уровнем физической и прикладной подготовленности населения.

2. Первый советский комплекс «Готов к труду и обороне СССР» 1931 года отличался от современных тем, что охватывал не только спортивные и военные, но и практические прикладные умения и навыки, которые были необходимы в то время советским гражданам на работе и в обычной жизни и пригодились бы им в условиях военного времени.

3. Большинство требований к выполнению нормативов первого комплекса ГТО для молодежи были сопоставимы с современными, но немного им уступали. В середине 30-х годов ещё не была в достаточной степени сформирована научная база спортивной тренировки и исследованы физиологические механизмы реакции организма человека на физические

нагрузки. Процесс вовлечения широких масс в занятия физической культурой и спортом строился больше на энтузиазме, поэтому и нормативы первого комплекса ГТО носили во многом экспериментальный характер. В этой связи немного завышенными оказались нормативные требования для лиц более старшего возраста.

4. Разработанный в 30-е годы XX века в иной политической формации комплекс ГТО как на протяжении советского периода, так и сегодня является важным инструментом объективной оценки уровня физической подготовленности населения. Важным условием его функционирования является доступность к изменениям в зависимости от текущих условий, уровня подготовленности тестируемых, их интересов, развития новых видов спорта и направлений спортивной деятельности.

Список литературы

1. Всесоюзный физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне». – М.: Физкультура и спорт, 1985. – 33 с.
2. Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. – М.: Издательский центр “Академия”, 2001. – 312 с.
3. Готов к труду и обороне. Нормы и виды испытаний утвержденные ВСФК СССР // Физическая культура и спорт. – 1931. – № 2 (178). – С. 6.
4. ГТО. История ГТО. ВФСК ГТО. – URL: <https://user.gto.ru/history> (дата обращения 07.07.2023).
5. Сидоренко А. С., Сидоренко В. С. Самостоятельные занятия студентов для подготовки к сдаче норм комплекса ГТО: учебно-методическое пособие. – СПб.: ГУАП, 2016. – 72 с.

References

1. All-Union Physical Culture and Sports Complex “Ready for Labor and Defense” [*Vsesoyuznyy fizkulturno-sportivnyy kompleks “Gotov k trudu i oborone”*]. Moscow: Fizkultura I sport, 1985, 33 p.
2. Goloschapov B. R. History of Physical Culture and Sports [*Istoriya fizicheskoy kultury I sporta*]. Moscow: Academia, 2001, 312 p.
3. Ready for Labor and Defense. Norms and Types of Tests Approved by the All-Russian State Sports Committee of the USSR [*Gotov k trudu I oborone. Normy I vidy ispytaniy utverzhennyye VSFK SSSR*]. *Fizicheskaya kultura I sport* (Physical Culture and Sport), 1931, no. 2 (178), p. 6.
4. Ready for Labor and Defense. History of “Ready for Labor and Defense”. All-Russian Physical Culture and Sports Complex “Ready for Labor and Defense” [*GTO. Istoriya GTO. VFSK GTO*]. Available at: <https://www.gto.ru/> (accessed: 07 July 2023).
5. Sidorenko A. S., Sidorenko V. S. Self-Study of Students to Prepare for the Delivery of the Norms of the GTO Complex. [*Samostoyatelnye zanyatiya studentov dlya podgotovki k sdache norm kompleksa GTO*]. St. Petersburg: GUAP, 2016, 72 p.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Шаблон для оформления статьи можно скачать по ссылке: [шаблон](#). Более подробная информация о требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. Редакция журнала не принимает статьи, опубликованные ранее или находящиеся на рассмотрении в других журналах, а публикуемая статья должна обладать научной новизной и актуальностью. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Редакторы имеют право вносить в статьи исправления, не меняющие их смысл.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf

- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет
- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,25 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации (не аббревиатура), место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание, город, страна. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – коды автора (при наличии): SPIN, ResearcherID, ORCID, ScopusID. Далее приводятся авторское резюме (обычно 100-250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Данная информация, кроме УДК и кодов автора, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 и ГОСТ 7.32–2017. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.», «,» и «:». Знаки «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной

Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации рекомендуем воспользоваться сайтом <https://translit.ru>: в поле «мой транслит» в окошке в верхнем правом углу ввести номер настроек 45848 и нажать кнопку «Войти» (при переходе по приведённой гиперссылке данные настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow: Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow: Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm: Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [*Транслитерированное название книги*]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [*Monadologiya*]. *Sochineniya. Tom 1* (Works. Vol. 1). Moscow: Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [*K kritike politicheskoy ekonomii*]. *Sochineniya. T. 13* (Works. Vol. 13). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [*Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatelnosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatelnosti (povedeniya) zhivotnykh*]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. III. Kn. 2* (Complete Works. Vol. III. Book 2). Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [*Printsip dominanty*]. *Sobranie sochineniy. T. 1* (Collected Works. Vol. 1). Leningrad: LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, no. 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб.: СПбГУ. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg: SpbGU, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – URL: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. URL: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [*Транслитерированное название статьи курсивом*]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, vol. 41, pp. 309–329. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без дополнительных скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, pp. 102–254.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [*Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns*]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объёму, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в

заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки

зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме также необходимо указать дополнительный способ связи с автором (например, телефон).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovip@aanet.ru

SPIN: 0000-1111

Researcher ID: A-0000-1111

ORCID: 0000-1111-2222-3333

Scopus ID: 12345678901

Иванов Пётр Иванович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, аспирант, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovpi@aanet.ru
SPIN: 1111-0000

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов (см. п. 7).

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, PhD (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovip@aanet.ru

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student, Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovpi@aanet.ru

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

Email: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2023.